Хакеры

Имя	Синка
Фамилия	Не определена
Время действия	2001-2006 годы н.э.
Возраст	Не определен
Адрес	Москва — Санкт-Петербург — Ростов-на-Дону
Локация	Интернет
Предмет	Паук
Дар	Манипуляция
Сайт	www.ethnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Действие книги начинается в 1998 году в Питере. Лекс и Ник, два побратавшихся пацана из образцово-показательного детдома, не на шутку увлекаются информатикой и программированием. Однажды они взламывают локальную сеть в компьютерном клубе, принадлежащем отставному ФСБ-шнику. Череда событий, вызванных этой шалостью, заставит друзей кочевать по всем уголкам нашей страны — да и не только нашей. Тайные организации, промышленный шпионаж, быстрые деньги, кибервойны, успешные сетевые проекты, заказные убийства, воля сильных мира сего — все это и многое другое сделает в конце концов бывших побратимов смертельными врагами. И не последнюю роль в этом сыграет таинственная девушка с брелоком в виде паука из серебристого металла… Книга «Хакеры. Basic» содержит секретные сведения о некоторых событиях, которые происходили в сфере IT (и не только) за период с 1998 по 2006 год. Многие имена и названия изменены в целях безопасности проекта «Этногенез».

- Александр Чубарьян
  - ПРОЛОГ
  - ГЛАВА 1
  - ГЛАВА 2
  - ГЛАВА 3
  - ГЛАВА 4
  - ГЛАВА 0
  - ГЛАВА 0
  - ГЛАВА 5
  - ГЛАВА 6
  - ГЛАВА 7
  - ГЛАВА 8
  - ГЛАВА 9
  - ГЛАВА 10
  - ГЛАВА 11
  - ГЛАВА 12
  - ГЛАВА 13
  - ГЛАВА 14
  - ГЛАВА 15
  - ГЛАВА 16
  - ГЛАВА 17
  - ГЛАВА 18
  - ГЛАВА 19

- ГЛАВА 20
- ГЛАВА 21
- ГЛАВА 22
- ГЛАВА 23
- ГЛАВА 24
- ГЛАВА 25
- ГЛАВА 26
- ГЛАВА 27
- ГЛАВА 28
- ГЛАВА 29
- ГЛАВА 30
- ГЛАВА 31
- ГЛАВА 32
- ГЛАВА 33
- ГЛАВА 34
- ГЛАВА 35
- ГЛАВА 36

Александр Чубарьян
Хакеры: Basic

Паук спросил: Лиса, зачем
Меня ты предала?
Теперь тебя я просто съем,
Ну, вот и все дела.

(Детская считалка или же просто песенка)

ПРОЛОГ

Сингапур, 8 августа 2008 года.

Парк аттракционов — излюбленное место встреч хакеров, осведомителей, дилеров и тому подобного сброда. Здесь всегда многолюдно, что удобно: во время облавы можно быстро затеряться в толпе. Кроме того, это просто модное местечко среди продвинутой молодежи. Вот и пестрит толпа дата-панками, кибер-готами, транс-дроидами и прочими фриками. Одни просто тусуются, другие мутят что-то, а третьи с них пример берут, сбривая виски и татуируя подбородки.

Прошло время серых костюмов и аккуратных причесок. Теперь, чтобы слиться с толпой, надо вшить себе в голову пару подшипников или вставить в ноздрю три пера.

Неужели и у нас скоро так будет?

Я в Малайзии. Если быть точнее, в Сингапуре. А если быть совсем точным, — я в парке аттракционов, вместе со своими спутниками подхожу к колесу обозрения под названием «Сингапур Флаер».

Это самое большое «чертово колесо» в этой стране, за тысячи километров от родины. Единственная достопримечательность, которую я здесь знаю.

Я не люблю Сингапур. Мне не за что его любить. Я бывал здесь дважды в прошлом году, и оба раза мои поездки заканчивались неудачно.

Да и чувствую себя я здесь некомфортно.

Все дело в иероглифах, этих странных и непонятных символах.

Я их не понимаю, для меня они — лишнее напоминание того, что это не просто чужая страна, а чуждая, совершенно незнакомая культура. И даже если я выучу малайский язык, сделаю азиатскую пластику и куплю здесь дом, все равно я буду чужаком в стране, полной фриков и иероглифов.

Впрочем, жить я тут не собираюсь.

И умирать тоже… Чур меня, чур!

Колесо обозрения. Здесь пройдет встреча, от которой, в конечном итоге, будет зависеть моя дальнейшая судьба. В общем-то, все мои двадцать семь лет после этой встречи останутся «годами до», а жизнь получит новый отсчет времени.

Я называю подобные моменты ключевыми, они навсегда врезаются в память, чтобы потом всплывать в качестве приятных воспоминаний или ночных кошмаров. Поворотные точки судьбы,

или, если хотите, железнодорожные стрелки на пути моего поезда.

Эта встреча должна была состояться. Рано или поздно.

Вопрос состоял даже не в том, когда или где, или кто будет гарантом. Вопрос в том, кто пойдет на эту встречу с обеих сторон. Поскольку сказать, что мы не доверяем друг другу, — значит, ничего не сказать.

С нашей стороны иду я, это даже не обсуждалось. В команде я уже ничего единолично не решаю, а по прошлым делам я один в курсе всего, что происходило последние годы.

Ну а с их стороны…

Я ведь не знал, кто придет на встречу. Это на самом деле мог быть кто угодно, и стопроцентной уверенности в том, что я увижу знакомое лицо, не было. Их группировка тоже состояла не из одних русских, и на встрече я мог увидеть немца, индуса или какую-нибудь китаянку.

Но пришел тот, кого я и ожидал увидеть. Я не ошибся.

Гарант — малаец из местных. Он устроил так, что в кабинку, рассчитанную на два с лишним десятка пассажиров, несмотря на очередь, вошли только семеро.

Здесь это обычная практика, перед нами такую же кабинку занимает семья европейцев: мужчина, женщина и девочка лет трех-четырех, тоже выкупивших все посадочные места.

Лицо мужчины кажется мне знакомым. Года три как не смотрю зомбоящик, от которого только герпес на глазах выскакивает, но ощущение такое, словно видел мужчину по телевизору. Возможно, актер какой-то или ведущий… может, даже из России…

Когда двери их кабинки закрылись, девочка прильнула к стеклу и уставилась на меня. Взгляд у нее был такой… слишком пристальный что ли.

Наверное, что-то почувствовала. Дети по-другому смотрят на окружающий нас мир и часто видят то, что недоступно взрослым.

Я ловлю ее взгляд и думаю, что этот путь в кабинке вполне может стать для нее последним путешествием. Для нее, для ее родителей, для нас и всех, кому «посчастливилось» в этот момент очутиться на этом чертовом колесе. Никто ведь не знает, чем все закончится.

От каждой стороны не более трех челов. Это было категорическим условием гаранта, который, действуя по всем правилам, в самый последний момент сообщал обеим сторонам инструкции для встречи. Конечно, гораздо проще устроить видеоконфу через сто-пятьсот прокси, или мило пошифроваться, используя одновременно три месседжера, причем по каждому из

них отправлять только часть сообщения… Но на этот раз вопрос стоял слишком серьезный, чтобы доверять его безопасность интернету или телефонным линиям.

Поэтому был приглашен гарант, и поэтому только вчера мы узнали, что встреча произойдет в Малайзии.

Со мной — два сербских наемника из Армады. Обычные парни, прошедшие обучение в одной из частных спецшкол, держатся на удивление спокойно, изображают туристов-бизнесменов, лопочут что-то между собой по-английски, но нарочито неразборчиво.

В Армаде работают профессионалы по части маскировки и перевоплощения, да и прикрывают они круто. Их услуги стоят дорого, но, опять же, не дороже денег. К тому же у одного из них опция транслятора, то бишь переводчика. Я с английским не очень дружу, а в серьезных вопросах лучше подстраховаться.

Впрочем, переводчик мне не понадобится — для моего оппонента русский тоже родной язык.

Его охрана не слишком шифруется. Рыжие волосы, горбатые носы, густые брови — западные армяне. И судя по тщательно застегнутым воротничкам, скрывающим татуировки, это дашнаки. Радикалы-наемники, не настолько отмороженные, как, скажем, Красные бригады или Brotherhood of Sky, но все равно мстительные и психованные ублюдки. Можно даже не искать у них в карманах таблы на основе боевых коктейлей, достаточно просто посмотреть им в глаза, вечно скрытым под темными очками: расширенные зрачки и чисто человеческое безумие.

Дашнаки — не охранники. Это идейные фанатики. Их, в отличие от спецов Армады, нанимают на длительный срок. Эффективность дашнаков прямо пропорциональна времени их работы, через пару лет службы они готовы горы сдвигать во имя сюзерена. Глупо брать их на разовую встречу, тем более в качестве охраны. Они не столько защитники, сколько нападающие. И хотя нет причин не доверять гаранту, все равно немного тревожно.

Надеюсь, мои сербы, в случае опасности, не подведут.

Мы рассаживаемся на места друг напротив друга, двери кабинки закрываются, она отрывается от земли. Охрана следит за охраной, а мы рассматриваем друг друга, убеждаясь в том, что наши подозрения, наконец, подтвердились.

Гарант тем временем садится в сторону, на линию между нами.

Надевает наушники, неподвижно смотрит перед собой. Он не услышит ни слова из нашего разговора, но будет видеть все. На случай, если кто-то из нас решит пустить в ход что-нибудь кроме

слов, гарант — единственный, у кого есть оружие.

Кабинка поднимается вверх, гарант дает отмашку: теперь мы можем начинать разговор. Я молчу, поскольку не моя сторона инициатор встречи.

— А я так надеялся, что ты уже сдох… — с сожалением произносит мой оппонент, глядя мне в глаза. — Или гниешь в тюряге.

Он смотрит на меня с такой ненавистью, словно пытается уничтожить мыслью или взглядом.

Десять лет назад он был моим кровным братом. Теперь, как говорят нохчи, он мой кровник.

Как время-то бежит.

ГЛАВА 1
БРАТЬЯ ПО КРОВИ

СПб, 1997—98 годы.

Все надо с чего-то начинать. Сказку — с «Жили-были…», стихотворение — с «Однажды в студеную зимнюю пору…», боевик с перестрелки, фильм ужасов с жестокого убийства. А биографию следует начинать с детства.

Ну, не с самого, конечно, раннего. Подробности вроде первого звука или первого шага смело опустить, а начать с первых осмысленных поступков. Игрушку забрал у кого-то в песочнице или конфетой поделился.

Хотя какие песочницы? Какие конфеты? Какое детство?

Ладно, черт с ним, детством. Изобилие сладостей, реализованное право попасть из песочницы в лабиринты заводов — эта песня имела место быть где-то на задворках памяти, но давно забылась и растворилась в сознании. Вместо заводов, правда, оказалась паутина веба, но по сути разницы никакой.

Детство, так и не начавшись, закончилось в подвале.

В сыром и темном подвале специального интерната номер 47, под светом грязной сорокаваттной лампочки. Здесь начинались самые ранние воспоминания о прошлом. Все, что было до этого момента, более не существовало.

Итак, подвал и грязная сорокаваттная лампочка, включенная около получаса назад — единственный здесь источник света и тепла.

Ржавые трубы, стекловата и два отбрасывающих на стены бесформенные тени пятнадцатилетних пацанов, которые живут своей жизнью среди неуклюжих рисунков-граффити.

Два больших пальца, перемазанные в крови, уткнулись друг в друга и застыли неподвижно на мгновение, запечатывая в памяти ритуал братания.

— Все. Теперь мы одна семья.

— Братья навек. По любому.

Они, как в сериале, которому суждено выйти через несколько лет — с первого класса вместе. С первого класса спецшколы при интернате 47 города на Неве. Оба детдомовские и оба не питерские: Ника из Краснодарского приюта привезли, а Лекса аж из Владивостока. Интернат образцово-показательный, самых смирных и самых способных сирот по всей России собирали, чтобы иностранцам да журналистам показывать. Ник с Лексом

вроде как счастливые билеты вытянули, когда их сюда направили. Хотя, по сути, детдом он и в Африке детдом, и в Питере. Разве что кормят получше, и компьютеры, хоть и старые, но работают.

Через полгода после братания им исполнится по шестнадцать.

Сначала Лексу, а через два месяца — Нику. Старшинство в их тандеме никакой роли не играет, поскольку мыслят они одинаково, просто в разных направлениях.

Два бурных дня рождения, две первые пьянки, два похмелья и окончательный вердикт: синька — тупое зло.

Из радостей жизни оставались девушки. Но девушек в любые времена не очень интересуют нищеброды, не способные оплатить хотя бы билет в обычный театр культурной столицы.

А откуда взяться деньгам у двух детдомовцев, у которых нет ни единого родственника, кроме них самих. Гоп-стопом промышлять? Так время беспредела прошло вместе с переделом. Теперь деньги зарабатывались иначе.

— Scientia est potentia, что означает: технологии управляют миром, пацаны. Будущее за Ай-Ти, это факт, — так говорил Эд Макарыч по прозвищу Магарыч, работавший в интернате преподавателем информатики.

Магарычу было слегка за тридцать, он любил латынь, много курил, по выходным мог крепко выпить, но в целом был хорошим мужиком и, наверное, хорошим программистом. Во всяком случае, про индустрию компьютерных технологий, развивавшуюся в геометрической прогрессии, он мог рассказывать часами.

Ник с Лексом ходили у него в любимчиках, поскольку были едва ли не единственными в интернате, для кого компьютеры — это не только бродилки и стрелялки.

Инпут А, иф А больше либо равно пяти, тзен гоу ту… Бейсик такой бейсик. На нем писались программы, от которых не было никакой практической пользы, но которые забавляли своей примитивностью. Хотя поначалу даже бейсик не казался примитивным, надо это признать. Да, были коды в наше время, не то, что нынешнее племя…

Магарыч стал первым учителем Ника и Лекса, рассказывая им все, что знал сам — от бейсика до перла. Кажется, его вштыривало, когда он видел, что его ученики стараются, что им это действительно интересно. В конце концов, у парней появился особый статус: они могли беспрепятственно приходить в компьютерный класс и даже сидеть за личным компьютером Магарыча — самым настоящим пентиумом, на котором все летало, от программ до игрушек.

Само собой, эти преференции не могли оставаться незамеченными для остальных воспитанников. И пусть алгоритмы бейсика для них были учебной и крайне непонятной обязанностью, сверстники Ника и Лекса тоже тянулись к компьютерным знаниям, только по-своему.

— Слышь, пацаны, а вы можете втихаря от Магарыча игруху поставить? Чтобы я и мои кореша могли демонов пострелять.

— Можем. А ты можешь немного денег занять без несчастья?

— Без несчастья — это как?

— Ну, это когда если вдруг чо — мы тебе ничего не должны. А мы твоим корешам демонов подгоним.

Интернет в то время уже не был редкостью. Компьютерные клубы появлялись, словно грибы после дождя, предлагая, кроме игр, также и услуги по приобщению к вебу. Недостатка в посетителях не было, среди них вскоре появились и братья по крови. Им тоже было интересно, что такое интернет и с чем его едят.

Паутина. С невидимыми нитями, которые соединяли компьютеры по всему миру, с принципом работы, при котором время и пространство не имели никакого значения.

С того момента, когда Лекс и Ник впервые увидели, как работает Yahoo, их мировоззрение в корне изменилось. Пришло понимание того, в каком направлении двигаться дальше. И даже если они не всегда знали, что нужно делать — они все равно делали. Лишь бы не стоять на месте.

В конце осени девяносто восьмого, когда Питер стал холодным, мокрым, серым и неуютным, словно интернатский подвал, произошло знаменательное событие, определившее будущее пацанов.

Началось все с того, что Лекс раздобыл логин и пароль администратора, работавшего в «Максисе» — заведении, находящемся на соседней с детдомом улице. Два этажа отданы под интернет-кафе, на первом сорок машин и на втором тридцать, в соседнем здании бар, по выходным превращающийся в ночной клуб. В сумме скромный такой молодежно-развлекательный комплекс. И Лекс получил к нему админский доступ.

Если не вдаваться в подробности, то пароль был записан на бумажке, которая случайно оказалась на расстоянии вытянутой руки от Лекса. Бумажку можно было взять и положить в карман, но парень не стал этого делать. Вместо этого он незаметно переписал пароль в свою записную книжку, даже не подозревая о том, насколько символично выглядело это действие.

Впрочем, символизм Лекса не интересовал. С админским

паролем можно приходить в клуб, садиться за любую тачку и юзать бесплатный интернет — вот что было главным. Это было бесплатно, следовательно — хорошо.

Но Ник сказал, что это тупо.

— Лекс, у нас есть рыба, но нам нужна удочка, понимаешь?

— Не-а.

— Забей. Я все сделаю, потом сам увидишь.

Получив доступ в админку, за пару дней Ник подправил программу, которая управляла всей сеткой в «Максисе». Программа по-прежнему открывала доступ в интернет всем компьютерам, но учитывала не все время и не весь трафик.

После того, как новая версия была установлена, любой посетитель кафе, лично знавший Лекса или Ника, мог заплатить им сумму в два, а то и в три раза меньшую официальной, и сидеть в интернете хоть до усрачки.

Схема работала около трех недель, и за это время парни достигли совершенства. Теперь они предлагали клиентам новую услугу: безлимитный тариф на дом. Это был корпоративный диалаповый аккаунт, пароль от которого Лекс узнал, читая взломанную почту кого-то из сотрудников «Максиса».

Количество желающих попользоваться дешевым интернетом, не выходя из дома, резко выросло, а соответственно выросло количество девушек, желающих пообщаться с двумя перспективными и успешными парнями.

— Знаешь этих двух?

— А кто это?

— Это хакеры.

— Настоящие?

— Реальные, сто пудов. Пойдем, познакомимся?

На стенах лазеры, на столах коктейли, в колонках ППК, на коленках девочки. Это было настолько не похоже на детдомовскую жизнь, что первое время от самовосхищения у обоих дух перехватывало.

Пришлось листать форумы, чтобы в любой тусе соответствовать образу кибернетических робингудов. Чтение форумов оказалось занятием не менее интересным, чем лазерные шоу в ночном клубе. Народ отыскивал и описывал дыры в известных программах, и хотя не очень было понятно, как можно заработать, узнав, например, чей-то айпи-адрес, все равно это выглядело достаточно захватывающе.

Деньги, почет, слава, уважение, любовь, свобода, самостоятельность…

Идеальный мир прекратил существование в конце месяца, когда хозяева интернет-кафе обратили внимание на счета от

провайдера. Внезапно они узнали, что фактический трафик не соответствует тому, который указывается в отчетах управляющей программы.

Проверили программу, нашли изменения, установили, как они работают и когда их сделали.

Дальнейшее было делом техники.

Ник с Лексом и двумя новыми подружками сидели в чиллауте ночного клуба. Час назад они продали несколько паролей для компании знакомых типиков и понятия не имели, что типиков уже допросили ребята из службы безопасности развлекательного комплекса.

Когда в чиллауте появились люди в костюмах с бейджиками охраны, пацаны, разумеется, и не подозревали, что это пришли по их души.

— Кто из вас Ник, а кто Лекс?

— А в чем проблема?

— В вас. Поднимайте жопы и на выход. Дамы сидят на местах и смотрят в пол.

Сначала вежливо попросили, потом с нажимом.

Привели в подвал. В отличие от детдомовского, этот подвал был сухой, теплый и хорошо освещенный. Только вот уютом тут ни разу и не пахло.

Пацаны включили дурачка, делая вид, что не понимают, зачем их сюда приволокли. Но после того, как им сделали ласточку, отпираться стало не только бессмысленно, но и небезопасно. Они, что называется, «запели» — рассказали все, в том числе и про диалаповый пароль, который продали почти полсотни раз.

Насилие прекратилось, началась беседа. Теперь пиджаки желали знать, кто и как возместит убытки.

А вот с этим возникли сложности, поскольку брать у детдомовских, во-первых, нечего, а во-вторых, западло.

По всем законам, Нику и Лексу должны были сломать несколько ребер, поставить пару фингалов и отпустить восвояси. Но бить их не стали. Продержали всю ночь в подвале, а утром отвели на беседу с одним из акционеров «Максиса», у которого здесь был даже свой собственный кабинет.

Ему было лет шестьдесят. Чекист на пенсии, «Максис» принадлежал его зятю. Он сам сказал об этом, чтобы у ребят не оставалось никаких вопросов. А еще сказал, что воровать у клуба, это еще пол-беды. А вот продажа пароля для диалапа, на котором за последние две недели повисло почти две сотни душ, проступок куда более серьезный. Особенно с учетом того, что пароль был закреплен за ФСБ, которые только-только стали переходить с

телефонных дозвонов на выделенные линии.

Этот чекист-пенсионер предельно четко обрисовал ситуацию: либо заява в милицию и срок за мошенничество, либо искупление вины путем добровольно-принудительной работы.

— А что за работа?

— Надо кое-какие компьютеры посмотреть.

Пацаны, разумеется, выбрали второе, и в тот же день их отвезли на Литейный, 4, где расположилось управление ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Задача — проверить локальную сеть Управления на предмет уязвимости. Не привлекая лишнего внимания, быстро, аккуратно и четко.

Кое-какой опыт у них был, благо интернет бесплатный, начитались литературы. Проверили защиту на несколько уязвимостей, одна сработала.

— Ты что сейчас делаешь?

— Смотрю, что у вас на серваке крутится. Демона давно обновляли? Я про почту…

— Кхм… наверное… я в этом не очень понимаю…

login: admin……######@@@@@ cat/etc/passwd

Переполнение буфера, вызванное Ником, спровоцировало выполнение кода, который открыл доступ к базе с паролями. Чекисты были очень удивлены, когда пацаны продемонстрировали им, как можно читать их почту, а так же удалять файлы с любого компьютера, включая директорский.

Шума так и не было… Ну, или он был, но прошел мимо ушей пацанов. Кого надо наказали, кого надо — уволили.

С юными взломщиками же провели беседу — чтобы не болтали лишнего, а затем привели в один из кабинетов, находящихся здесь же, на Литейном, 4.

Кабинет этот отличался от остальных кабинетов тем, что в нем окна были закрыты плотными зелеными шторами. Настолько плотными, что ни один лучик солнца не пробивался. Еще там громоздился письменный стол, на котором стояли чернильный прибор и статуэтка в виде краба, сидящего в весельной лодке. И еще там был хозяин кабинета, который запомнился меньше всего, и тому была причина.

Этот мужчина лет сорока, в неброском сером костюме, обладал тяжелым взглядом. Смотреть ему в глаза было так трудно, что уже через несколько минут беседы-допроса пацаны блуждали взглядами по столу да по шторам. А когда принесли чай, уткнулись в чашки, только бы не встречаться со взглядом хозяина кабинета. И на вопросы отвечали.

— Хакеры, значит?

— Эээ… да… то есть нет…

— Сеть в управлении вы взломали?

— Да это не совсем взлом был… просто буфер переполнили, и там ошибка…

— Все, все, хватит. Технические подробности в другой раз расскажете. Как вас, говорите, зовут?

— Меня Никита.

— Меня Леша… Алексей.

Кто, откуда, чем занимаются, даже что сегодня ели — тоже спросил. То ли переживает, то ли вербует. Врать не хотелось, потому что этот тип с тяжелым взглядом без всяких ласточек и подвалов страху нагонял так, что мало не покажется.

Игра в вопросы и ответы закончилась телефонным звонком, который выписал им путевку в жизнь и определил форму дальнейшего существования.

— С Гумилевым соедините.

— Да, Владимир Владимирович. Соединяю.

— Здравствуйте, Андрей Львович, вам хакеры нужны? Ну, или кто там… Короче, у меня тут двое молодых дарований, пристройте их куда-нибудь, пока они в тюрьму не угодили. Вроде способные.

Молодые дарования не знали, кто такой Гумилев, и не подозревали о том, что он только что купил через подставных лиц у DataART движок почтового сервера, которому суждено стать крупнейшим почтовым ресурсом России и положить начало основанию крупнейшей российской IT-компании.

Они еще много о чем не подозревали, но и без этого у них была передозировка информацией.

Начавшись когда-то в грязном подвале, здесь, в этом кабинете, закончилась их юность и началась вполне себе такая взрослая жизнь со всеми вытекающими из нее ответственностями.

ГЛАВА 2
СПРАВЕДЛИВОСТИ НЕТ

Москва, 9 сентября 2001 года.

Спустя три года после взлома «Максиса» Лекс нашел вход в пространственно-временной тоннель. Он находился в Москве, внутри МКАДа. Время здесь текло быстрее, чем в остальном мире, и три земных года длились примерно год с небольшим.

Станции метро, безликие лица, каменные джунгли, безумно стремительный ритм жизни. Если сравнивать с Питером, это как будто жизнь поставили на ускоренную перемотку. Ни секунды покоя, движение и еще раз движение.

Пространство — съемная двушка на окраине юго-запада и офис в центре.

Время — два поочередно сменяющихся этапа: понедельник-пятница и пятница-понедельник. Первые два-три месяца не привычно, но потом втягиваешься и привыкаешь к новому распорядку.

Правда, Лекс привыкал дольше. Даром что Питер не родной город, а все же там как-то спокойнее. А тут суета сует и, при этом, ничего толком и не происходит, потому что треть жизни уходит на дорогу, а это несправедливо.

Зато у каждого свой комп. Сбылась мечта из детства, правда, утратив свою актуальность задолго до того, как воплотилась в жизнь.

И своя квартира. Ну, то есть съемная, но сейчас в ней хозяева Ник и Лекс, а не кто-то еще.

Юго-запад столицы, пятнадцать минут до метро, седьмой этаж, квартиру сверху занимают китайцы. Однажды у них прорвало трубу в ванной и пацаны, пытаясь объяснить им, что их затапливает, рисовали на бумаге картинки, изображающие лопнувшую трубу и потоки воды, стекающие с потолка.

Второй год двадцать первого века.

На щите у подъезда висит реклама интернет-провайдера, но в дом еще не протянули кабель, обещают через пару месяцев.

А пока выручает старый добрый модем, занимающий телефонную линию, визжащий и скрипящий во время дозвона, и рвущий связь тогда, когда ему вздумается.

К счастью, на работе есть интернет, и доступ к нему неограничен.

Компания, которой принадлежал крупнейший российский

почтовый сервер, тогда еще только расправляла свои крылья, но работа в ней уже считалась престижной. Звонок из кабинета какого-то чекиста, чьего лица они даже толком не запомнили, открыл новые горизонты. Появились новые возможности и новые цели. Деньги, уважение, интересная работа…

Вот насчет последнего Лекс не был уверен. Их отдел, в котором, кроме него и Ника, трудились еще пять человек, занимался разработкой движка для спам-фильтра. Борьба со спамерским злом постепенно становилась самой приоритетной задачей компании, и работы было более, чем достаточно. А последние полгода — так и вовсе бешеный ритм, времени ни на что не остается.

Понедельник-пятница, пятница-понедельник.

Рутина из кусков кода, которые стояли перед глазами даже во время сна. Интересной работы и близко нет.

В будни ли, в выходные ли — первым всегда просыпался Ник.

Выползал из своей комнаты в коридор, оттуда в ванную. Из ванной выходил бодрый, уверенный в своих силах человек, который шел на кухню и, в зависимости от того, какой был день недели, готовил две порции — яичницу или макароны.

Потом просыпался Лекс. Окна его комнаты выходили на солнечную сторону, поэтому всегда были закрыты жалюзи и плотными шторами. Первым делом Лекс брел на кухню, выпивал стакан воды с ложкой меда, и только потом отправлялся в душ.

— Даже моих мегагерц не хватит, чтобы сделать запах дождя, — напевал он свою любимую Катю Чехову, пока выполнял утренние алгоритмы. — Я робот, и нет у меня сердца.

Лекс, как истинная «сова», ложился поздно и вставал, соответственно, отнюдь не ранним утром. Его работоспособность повышалась с появлением луны, подкреплялась литрами кофе, и ничего с этим нельзя было поделать. Такой образ жизни никак не совпадал с биологическими часами «жаворонка» Ника. Обитая в одной квартире и работая в одном офисе, они, тем не менее, приезжали на работу по отдельности. С разницей в один час.

— Надо делать что-то свое, — постоянно твердил Лекс. — Работа на кого-то — это всегда работа для кого-то.

Ник соглашался. Он хотел сделать чат, и в свободное от работы время писал движок к нему. Почему-то ему казалось, что его чат станет сверхпопулярным, хотя никакого принципиального отличия от других чатов в нем пока не намечалось.

Лекс считал работу над чатом потерянным временем, а будущее видел за сетевыми играми.

Долго думал над этим, пока его, наконец, не осенило.

— Это должна быть игра с минимальными требованиями к

тачке, — сказал однажды Лекс. — В нее можно будет играть даже на том старье, что у нас в классе стояло. А еще эта игра должна быть без клиента.

Это случилось в начале сентября две тысячи первого года. Все сетевые игры требовали установки на компьютер так называемого «клиента» — комплекса программ, обеспечивающих игровой процесс. Библиотеки с картинками и звуками, движок. Благодаря «клиенту» игра из унылого обмена данными двух компьютеров превращалась в красивую картинку на экране монитора.

— И чем тебе не угодил «клиент»? — спросил Ник.

— Тогда можно играть в любом офисе, где системы безопасности запрещают устанавливать какие-либо программы. Достаточно иметь какой-нибудь браузер вроде эксплорера или нетскейпа, который есть на любом…

Микроволновка в этот момент сначала затрещала, привлекая к себе внимание, а затем испустила предсмертный вопль и прекратила свое почти годовое существование.

Чуть позже выяснилось, что кто-то из них забыл в разогреваемой курице вилку.

В общем-то, благодаря этой вилке в жизни Лекса появилась Синка. И перевернула его мировоззрение. Уже во второй раз — после Yahoo.

Выходной день, воскресенье, 9 сентября 2001 года. Лекс отсыпался после бессонной ночи, и планировал это делать как минимум до обеда. А Ник, приготовив завтрак, умчался на Горбушку за новой микроволновкой.

Лекс проснулся около часа дня. Словно крот, выполз из своей мрачной норы, двинул в сторону кухни.

Кастрюля с макаронами, тарелка с сосисками, бутылка кетчупа.

Все-таки хорошо, что есть те, кто любит готовить еду и рано вставать. Хорошо, что такие люди рядом и хорошо, что это друзья.

Выпить воды, искупаться, поесть — полностью пробудиться, а уж потом можно и подумать о планах на выходные.

Привычный алгоритм пробуждения был нарушен из-за назойливой мухи, рассекавшей пространство кухни. В тот момент, когда Лекс отмахнулся от нее, он зацепил рукой электрочайник. И хотя там не было кипятка, падая, он потянул за собой провод, который толкнул в сторону кастрюлю с макаронами, бутылку с кетчупом и стакан с водой.

Все это рухнуло на пол с грохотом, звоном и шмяканьем.

Нет, не так должно начинаться утро выходного дня, с тоской подумал Лекс. Это, по меньшей мере, несправедливо.

На столе осталась только тарелка с сосисками, на мгновение даже появилось желание грохнуть и ее об пол. Так, для симметрии.

Делать этого Лекс, конечно же, не стал. Взял одну сосиску, задумчиво прожевал ее и, вздохнув, поплелся за шваброй.

Следующая неприятность поджидала его в ванной, где рядом со стиральной машиной стояла швабра. Кроме швабры там была еще крайне неустойчивая полка, она висела над стиралкой и была уставлена оставшимися от прежних хозяев тюбиками, баночками и склянками — совершенно бесполезными в хозяйстве.

В тот момент, когда швабра совершенно случайно врезалась рукояткой в полку, Лекс успел вспомнить, что совсем недавно он хотел выкинуть этот хлам, но руки не дошли.

Теперь содержимое полки было рассыпано по кафельному полу.

Это уже была двойная несправедливость.

Лекс шагнул назад. И вдруг ступню правой ноги пронзила острая боль.

Вскрикнув, Лекс отскочил в сторону, уселся на пол в прихожей и, задрав правую ногу, стал извлекать кусок стекла, вонзившийся в плоть. Кровь лила ручьем. Ни йода, ни бинтов в доме не было, поэтому Лекс торопливо стянул с себя майку, чтобы перевязать рану.

Доковылял до телефона, — надо сбросить на пейджер Нику сообщение.

— Абонент один-девять-семь-четыре-один-один, — измученно выдохнул Лекс в трубку. — Купи бинты, йод и какой-нибудь еды.

Лекс. Да, Лекс — это подпись.

Положив трубку, Лекс аккуратно, стараясь не наступать на больную пятку, двинулся в сторону прихожей, где стояло несколько пар тапок. Ими никто не пользовался, разве что с работы кто-нибудь в гости заскочит — но сейчас, учитывая количество битого стекла, тапки были просто необходимы.

Щелкнул замок входной двери. Лекс как раз дохромал до прихожей и увидел там Ника, читающего сообщение пейджера, и незнакомую девушку с короткими светлыми волосами, которая с интересом осматривала обстановку.

— Нафига тебе бинты… ого! Что случилось?

Лекс не слышал друга.

Больше всего на свете он не любил в кино ситуацию, когда происходит знакомство героя и героини, и герой, теряя дар речи, пялится на нее в течение долгого времени. Лекс был убежден: тут либо герой тормоз, либо режиссер полный лох. Ну, просто потому, что в жизни так не бывает.

Оказалось, бывает.

Девушка была невероятно красивая, причем красота эта ни разу не похожа на глянец. Она, что называется, пришла из сна — именно ее лицо было у всех принцесс, которых Лекс спасал в детстве от драконов и злых волшебников.

Лекс просто стоял и молча смотрел на нее, — на ее тонкие брови, чуть вздернутый нос, челку, тонкие губы. И готов был стоять так сколько угодно.

Лекс очень хотел что-нибудь сказать, но слов не было. Первые фразы, они ведь создают первое впечатление, и если оно будет испорчено, репутацию восстановить будет сложно.

— Кстати, это Леха, а это Инна, — пробормотал Ник, с интересом наблюдая за впавшим в ступор другом.

— Друзья зовут меня Синка, — сказала девушка, улыбнулась и протянула руку.

На тонком запястье у нее висела серебряная цепочка, к которой был прикреплен серебристый паук. Не совсем обычное украшение для красивой девушки.

Не понимая, что делать с протянутой рукой — то ли жать, то ли целовать — Лекс стушевался. И только было протянул руку в ответ, как вспомнил, что до сих пор стоит в одних трусах, да, к тому же, в дырявых.

Нет, нет в этом мире справедливости, горестно думал Лекс.

Это было самое неудачное утро выходного дня, которое только можно представить.

ГЛАВА 3
СИН, БАД И ДОГОВОР

Москва, сентябрь 2001 года.

Ник, спроси его в тот день, поклялся бы, что цепочка обстоятельств, которая привела его к этому знакомству, — всего лишь набор случайностей. Через несколько лет он уже не будет в этом уверен, но это, по сути, и не важно. Главное, что он познакомился с Синкой, а как это произошло, не имело никакого значения. Тем не менее, пролог к знакомству, несомненно, был.

Вилка, забытая в курице, уничтожила одну из самых необходимых бытовых ценностей. Потерю было необходимо возобновить как можно быстрее, и в ближайшие выходные Ник занялся этим вопросом.

Добрался на метро до Багратионовской, пришел на Горбушку, около получаса шлялся, рассматривая всякие девайсы, и с особым вниманием — новые крутые гаджеты — сотовые телефоны, потом выбрал микроволновку из тех что подешевле да понадежнее, купил и пошел обратно.

Легендарный радиорынок, совсем недавно повторно возрожденный, в этот день переживал очередной экономический подъем.

Людей было очень много, чему способствовала и хорошая погода.

Сентябрь только начался, солнце, нарядные люди, улыбки на лицах, море позитива и хорошего настроения, очень соответствующего выходному дню.

В толпе Ника кто-то толкнул, коробка с новой микроволновой печью выпала из рук, внутри что-то дзынькнуло…

Фейл.

Продавец микроволновок, посмотрев на разбитое стекло, покачал головой.

— На такую херь у нас гарантия не распространяется.

— Что значит на такую…

— Значит то, что ты купил ее десять минут назад, так что лохов иди на Курской щимить, умник. И дружкам своим передай, что если еще раз появитесь у меня, я пойду к рубиновцам и вам в натуре бошки поотрывают.

Ник попытался было объяснить, что не знает никаких «дружков», но безуспешно.

Оставив разбитую микроволновку у мусорки, и подсчитав

оставшуюся наличность, Ник понял: домой придется вернуться с пустыми руками.

Понурив голову, с никаким настроением, Ник покинул Горбушку, но не заметил, что вышел с противоположной стороны. Естественно, заблудился, но понял это, когда удалился от рынка на значительное расстояние.

Он оказался на улице Барклая. Именно здесь он впервые и встретил Синку.

Улица Барклая, железнодорожный переезд, мост и девушка. Она собиралась покончить с собой, а он шел мимо и остановился.

Заговорил с ней, она обернулась. Его поразили ее глаза: они были разного цвета — один зеленый, другой синий. Она была сильно чем-то напугана и дрожала, хотя на улице было тепло.

Ник не стал отговаривать ее прыгать, он просто попросил ее подумать еще раз.

Машины проезжали мимо, а парень и девушка стояли по обе стороны парапета и разговаривали.

Она рассказывала о себе, о каком-то парне, который бросил ее и уехал в другую страну, даже не попрощавшись… он рассказал, что не самый способный, но очень хочет помочь, чем и как угодно.

Говорили долго.

Наконец она ухватилась за его руку, перелезла через парапет и, уткнувшись ему в грудь, разрыдалась. А потом, вскинув на него влажные глаза, прошептала:

— Спасибо. Правда, большое спасибо…

У нее на запястье болтался серебряный кулон в виде забавного паучка, который цеплялся лапками за свитер парня и не хотел отпускать.

Девушка все еще дрожала, и Ник не придумал ничего лучшего, чем пригласить ее на чашку чая.

По дороге на Юго-Западную они болтали о тем, о сем. Позже Ник так и не смог вспомнить хоть что-то из их разговоров. Лишь то, что Синка взяла с него слово: он никогда и никому не расскажет, при каких обстоятельствах они познакомились.

И, пожалуй, еще запомнилось, откуда у девушки столь странное прозвище.

Sin — так она обычно подписывалась. А друзья прозвали ее Синкой.

Она жила на той же ветке метро, что и Ник с Лексом, только в противоположном конце города. В двухкомнатной квартире, со старой больной бабушкой и двумя кошками. И работала в какой-то полуиностранной конторе переводчиком-консультантом.

Все это Ник узнал в первый же день знакомства, когда

девушка пила кофе у них на кухне.

Странное дело, но когда они сидели за столом, никакой скованности не было, и даже Лекс разморозился после дикой тупки в прихожей. Этому во многом поспособствовала уборка кухни, в которой приняла участие и Синка. Собирая осколки, она то и дело задорно подшучивала над холостяцким бытом друзей.

А уж когда сели пить чай, они были если и не друзьями, то, как минимум, давно знакомыми добрыми соседями.

— Крутой у тебя паук, — заметил Ник, показывая на брелок. — Это платина или серебро?

— Представления не имею, — призналась Синка. — Вроде какой-то сплав, не очень ценный. Мне этот талисман бабушка подарила. Еще в детстве.

— На удачу?

— Что-то вроде того.

— И как, помогает? — спросил Лекс.

Синка пожала плечами.

— Пока лисы рядом нет, помогает.

— Лисы? — в один голос удивились ребята.

— Ну, сказка такая была, про лису и паука. Ерунда, — отмахнулась Синка. — Я уже и сама ее не помню, в детстве просто бабушка читала… еще когда я совсем маленькая была.

Неловкая пауза, которая длилась лишь мгновение, была прервана щелчком электрочайника. Лекс тут же вскочил, стал колдовать с чашками.

— Чур мне кофе, — попросила девушка. — Бабушка не любит, когда я кофе пью, так что дома только чай.

— Синка… — неуверенно начал Ник. — А твои родители не в Москве живут?

— Их нет, — помедлив, вымолвила девушка.

— Как нет? — не удержался Лекс.

Девушка мгновенно помрачнела и Ник торопливо пояснил:

— Просто мы с Лексом детдомовские… А ты живешь с бабушкой…

— Прям родственные души, — невесело усмехнулась Синка, а потом твердо добавила. — Давайте, я не буду рассказывать про своих родителей, и мы не будем поднимать эту тему. Хорошо? И давайте уже пить чай… и кофе.

Потом Синка стала задавать вопросы про ребят, про их житие-бытие. Когда девушка узнала, что ее новые знакомые совсем недавно взломали компьютерную сеть ФСБ, то пообещала им устроить сюрприз.

— И не спрашивайте, что это. Все узнаете в свое время.

Потом оба пошли провожать ее до метро. У девушки не было

ни пейджера, ни домашнего телефона, но она записала все координаты новых друзей и сама обещала позвонить.

И она позвонила — через несколько дней, вечером. Трубку взял Ник.

— Салют! Как дела, чего делаете?

— Да так, ничего, — пожал плечами Ник. — Есть предложения?

— Есть. Помнишь, я вам сюрприз обещала?

— Само собой!

— Вы когда-нибудь были в Подвале?

— В подвале? — По интонации Ника Синка сразу все поняла.

— Одевайтесь-собирайтесь, я скоро заеду. Я тут рядом, на Вернадского.

Положив трубку, Ник обернулся к Лексу:

— Собирайся. Сейчас в какой-то подвал поедем.

— Синка звонила? — зачем-то уточнил Лекс.

Ник кивнул, и Лекс, больше не задавая вопросов, пошел одеваться.

Уже в дороге Синка поведала: «Подвал» — это культовое место для всех, кто не мыслит свое существование без кибер-культуры.

— Там тусят самые крутые хакеры со всего города. Вы просто обязаны посмотреть на это чумовое общество.

Ник ожидал увидеть нечто среднее между баром и чиллаутом, в котором полно неона, кислотной музыки, мониторов и панков.

Однако «Подвал» оказался странным, очень темным кальян-баром, больше похожим на притон для опиумных курильщиков.

Дым здесь стоял, конечно же, не кальянный, а «выдыхаемый» дымовыми пушками. Но и без того обстановка выглядела гнетуще-мрачной.

Народа немного, и они походили на кого угодно, только не на представителей кибер-культуры. Компания мажоров, парочка педиков, при виде которых и Ника, и Лекса перекосило, несколько страшненьких девушек.

— Ну, и кто тут из них хакеры? — скептически поинтересовался Ник, рассматривая редких посетителей.

— Сегодня просто будний день. Блин, надо было в пятницу идти, — досадливо поморщилась Синка.

— Да ладно, пришли уже. Место вроде прикольное, — попытался подбодрить подругу Ник.

Они уселись за дальний столик, Синка заказала кальян и тут же куда-то ушла, пообещав скоро вернуться.

Спустя несколько минут она появилась, но не одна. С ней

пришел молодой худой тип с красными, как у кролика, глазами. У него на груди болтался сотовый телефон, а в ухе висела серьга в форме логотипа IE.

— Хай, чувачки, я Бэд, — махнул рукой красноглазый. — Можно просто Бад.

— Бад тоже хакер, — сообщила Синка. — Ваш коллега.

— Син, я же говорил тебе: я не хакер. — Бад непринужденно присел за стол и посмотрел на ребят. — Я инфотрейдер, чувачки. Если вы что-то узнаете, чего не знают другие, приходите ко мне, и я это куплю. Ну, а если вам надо узнать что-то, чего не знают другие, приходите ко мне, и я это продам.

— Ты торговец информацией? — догадался Ник.

— Да, чувачок, именно так, — кивнул Бад. — Я знаю всё, а если чего-то не знаю, то знаю, где это узнать.

— Прям всё? — хмыкнул Лекс. — А где Бин Ладен знаешь?

Ранее никому неизвестный араб последние два дня был единственной персоной, о которой говорили в каждом выпуске новостей, в том числе и российских. Уже было известно, что Госдеп назначил за его голову какую-то неимоверную награду то ли в миллион долларов, то ли в два. У Лекса губа не дура.

Бад покосился на него, задумчиво провел пальцами по подбородку и медленно, с расстановкой произнес:

— Я, чувачок, знаю не только, где Бин Ладен, но и кто он.

— И кто же он?

Вместо ответа Бад красноречиво потер большим и указательным пальцами. Международный жест, не вызывающий двояких толкований ни в одной стране мира.

— И сколько стоит эта информация? — осклабился Ник.

— Не меньше пяти, но поскольку ты друг Син, я отдам тебе за четыре с половиной.

— Четыре с половиной чего? — недоуменно спросил Ник.

В это время телефон на груди Бада засветился, принимая входящий звонок.

— Извините, — Бад отошел в сторону. Краем уха ребята все же услышали начало разговора: — Хай, мистер Ассанж. Хау ар ю?

— Крутой перец, — едко усмехнулся Ник.

— Бад не самый крутой, — ничуть не замечая иронии, сказала Синка. — Я, если честно, в этом не очень разбираюсь, но здесь бывают и хакеры, и…

— Инфотрейдеры, — подсказал Лекс.

— Да, точно. Бад просто прикольный. А так тут появляются и вправду крутые. Вы слышали про Хэлла и Торквемаду? Они тут бывают… я, правда, лично их не знаю, но Бад знает… Если хотите, я могу попросить его познакомить с ними.

Принесли кальян. Табак оказался с какими-то фруктовыми ароматизаторами, дым был терпким и не очень приятным.

Бад вернулся минут через десять с извинениями, что не может присоединиться к их столу, поскольку ему срочно надо уехать по делам.

— Прости, Син. Заезжай как-нибудь еще, посидим, пообщаемся.

Чувачки, вам удачи.

— Так что там насчет Бин Ладена? — напомнил Лекс.

— Четыре с полови… четыре, чувачок, и Бин Ладен твой с потрохами.

— Четыре чего?

— Миллиона, — ответил Бад и тут же уточнил: — Долларов. Думай, чувачок. Если что, Син знает, как меня найти.

Он козырнул двумя пальцами и пошел к выходу.

Ник посмотрел ему вслед, повернулся к Синке.

— Это он серьезно?

— Думаю, да, — кивнула Синка. — Блин, хотела вас с хакерами познакомить, а как назло ни одного нет.

— Ничего, — хмыкнул Ник. — Мы эту неприятность переживем.

Правда, Лекс?

— Угу, — подтвердил тот.

Девушка вздохнула, развела руками. Кажется, она поняла, что сюрприз не получился, но сильно не расстроилась. Впрочем, глядя на нее, вообще нельзя было представить, что она может расстроиться.

Синка, казалось, была создана для того, чтобы заряжать окружающих позитивом.

В «Подвале» они просидели еще около часа, выдули кальян, который, кстати, обошелся в приличную сумму, а затем покинули заведение, так и не познакомившись ни с одним настоящим хакером.

Расстались в метро на «Чистых прудах». Синка поехала в одну сторону, они в другую.

На выходе из метро Лекс неожиданно спросил:

— Она тебе нравится?

Ник утвердительно кивнул.

— Мне тоже, — вздохнул Лекс.

— И? — спросил Ник.

Лекс продолжил не сразу, подбирая нужные слова.

— Давай договоримся… относиться к ней как к сестре… ну, какое-то время…

— Почему это? — удивленно спросил Ник.

— Потому что если мы… я и ты… если мы начнем соперничать друг с другом, то ни к чему хорошему это не приведет. А если мы будем просто с ней общаться… то через некоторое время станет ясно, кому с ней лучше быть.

Ник лишь утвердительно кивнул, не произнеся ни слова. А что тут скажешь?

Спустя несколько дней стало известно, что их начальника отдела, Гришина, внезапно повысили в должности. Теперь он стал исполнительным директором компании, а на его место назначили Ника. Со всеми вытекающими повышениями и существенными надбавками.

И Ник, наблюдая за Лексом, впервые отметил не свойственную ему реакцию. Вроде как рад за друга, но как-то не искренне.

ГЛАВА 4
МУСОРЩИК

Москва, октябрь 2001 года.

Лекс, узнав, что его друга повысили почти до олигарха, радостно заявил, что знает, кто теперь ему даст денег на столь необходимого для создания игры художника. Да-да, именно услуги художника были нужны для игры. Фирменный стиль, собственное оформление, в общем, картинки для привлечения внимания.

К этому времени Лекс уже полностью выработал концепцию игры. Боевая система должна быть простой, но интересной. Согласно этой установке Лекс по несколько раз полностью переписывал скрипты, доводя систему до идеала.

Основное было уже готово. Смысл боевки мог понять даже младенец. Принцип игры — пошаговый. За один ход — один удар и один блок. Кто больше раз угадал, тот и победил. Вместо трехмерности и анимации — текстовое описание боя. Как говорится, дешево, но сердито.

Самый главный плюс — игру не требовалось инсталлировать в систему. Достаточно обычного интернет-эксплорера, который сейчас стоит на каждой тачке с виндой. Можно играть даже в офисе, где царят самые строгие правила безопасности.

Только кто будет играть в игру, в которой нет ни одной картинки? Даже шапку сайта нарисовать некому. Нет, можно конечно скачать из интернета картинок и поставить себе. Но Лекс немало прочитал о санкциях, накладываемых за нарушение авторского права, поэтому с самого начала для себя решил, что не допустит ни одного скандала вокруг его проекта, ни одного иска, который позволит отнять у него его детище.

Поэтому Лексу был нужен художник-энтузиаст, готовый бесплатно нарисовать шапку сайту, и не только ее.

Либо нужны деньги на художника-профи. Много денег, поскольку профессионалы уже стали понимать свою цену и за пакет сухарей работать не станут.

По сути, все последние дни Лекс был одержим двумя вещами — общением с Синкой и поиском художника.

— Если у меня будут готовы рисунки, я уже до нового года бета-тест сделаю, — говорил Лекс, мечтательно прикрывая глаза.

Открытое бета-тестирование — это то же самое открытие проекта, его презентация, только с небольшой оговоркой из

разряда:

«Уже почти все готово, посмотрите свежим взглядом и если что не так, все поправим». Но уже на этой стадии можно пробовать получать какую-нибудь прибыль.

Но сейчас нужен художник. Точнее, нужны деньги для оплаты его работы.

— Да не вопрос! — пообещал Ник. — Как только новую зарплату получу…

И на этом разговор окончился, поскольку зарплату Нику хоть и повысили, но только со следующего месяца.

А художник Лексу нужен сейчас.

«Народ, ищу рисовальщика для одного интересного и амбициозного проекта…» — так начинались почти все обращения Лекса на различных форумах. В личку стучалось много людей, но большинство, узнав, что работы много, а денег мало, в лучшем случае больше не выходили на связь.

Кое-кто, правда, соглашался работать на перспективу, но их примеры работ были настолько убогими, что лучше вовсе без рисунков выпустить игру.

Вариантов найти хорошо и бесплатно было ровно ноль.

И тут Лекс вспомнил про Магарыча, своего первого и пока что единственного учителя.

Где еще, как не в интернате, могут найтись талантливые и амбициозные молодые работники, согласные работать без денег?

Откопав телефон своей Альма-матер, Лекс разыскал Эдуарда Макаровича и, после недолгой беседы в стиле «как дела?», обрисовал проблему.

— Денег нет, но деньги будут… Эд Макарыч, может, у вас есть, кто рисует… и не только. Мне еще перловик нужен, помочь дописать кое-что…

— Есть перловики. И есть, кто рисует… — Магарыч говорил медленно, словно колебался, стоит ли продолжать беседу. — Только…

— Только что?

— Не у меня. В интернате у нас таких нет, одни бездельники.

— А где есть?

Медлил Магарыч. То ли пьяный, то ли действительно колебался.

— Леха, ты когда-нибудь слышал про Армаду?

— Не-а.

— In hoc signo vinces.

— Что-что?

— Армада тебе поможет, вот что. Эта организация специализируется на том, что сдает в аренду разных

специалистов, в том числе и айтишников. Могут давать с отсрочкой платежа, если проект перспективный…

— Перспективный! — сразу же воскликнул Лекс. — Такого еще никто не делал…

— Ну, то ж понятное дело, — пробурчал Магарыч. — У всех перспективные, и ты не исключение. Ладно. В общем, Армада — международная организация, в Москве у них есть свой представитель.

Встретишься с ним, и если он решит, что проект достойный, получишь и художника, и перловика практически задарма. Только…

— Только что? — второй раз спросил Лекс.

— Это люди такого сорта, которых лучше не обманывать, — после паузы сказал Магарыч. — Не обманывать и не подводить.

— Да я не собираюсь…

— Даже не думай об этом, Леха.

— Эдуард Макарыч, да я ни в коем случае…

— Вот и хорошо. Иначе ни тебе, ни мне не поздоровится.

Лекс, прижал трубку к уху и, затаив дыхание, ждал продолжения.

— Наметкина, двадцать один, второй этаж, — сказал, наконец, Магарыч. — Найдешь там человека по прозвищу Мусорщик. За помнил?

— Наметкина, двадцать один, Мусорщик.

— Скажешь, что от Макарыча. Я ему уже пару раз людей присылал, все было ровно, так что какая-никакая репутация имеется.

— Смотри не засри ее, понял?

— Спасибо, Эд Макарыч!

— Не за что. Если миллионером станешь, с тебя магарыч.

— Не вопрос!

Медлить Лекс не стал, открыл карту Москвы, ввел адрес и, определив ближайшую станцию метро, отправился в путь. Даже Нику ничего не стал рассказывать, спешил.

Второй этаж оказался компьютерным клубом «Зависли». Около сотни машин, кто-то в чате сидит, кто-то в «Контру» рубится, кто-то серфит по Сети. Шум, гам, музыка из десятков наушников, пиво, сигаретный дым, — полнейший хаос.

Потолкавшись среди разношерстной толпы, Лекс подошел к админу, стоявшему за стойкой с отрешенно-скучающим видом.

— Мне нужен Мусорщик, знаешь такого?

Админ скользнул по Лексу равнодушным взглядом, пожал плечами.

— Здесь много Мусорщиков. Есть Мусорщик-футболист, есть

одноглазый Мусорщик, еще ди-джей Мусорщик, Мусорщик-планокур… я, кстати, тоже Мусорщик.

Несколько секунд Лекс смотрел ему в глаза, пытаясь понять, стебаются над ним или нет, затем пояснил:

— Я от Макарыча…

— А, так тебе нужен Мусорщик секретный агент? — админ растянул губы в улыбке и подмигнул Лексу. — Шучу, сорри. Макарыч это который…

— Эдуард Макарович Кичиджиев. Из Питера, из интерната.

Кажется, имя админу ни о чем не говорило. Но все же он кивнул в ответ:

— Ага, о'кей. Ща, минутку.

С видом крутого олигарха админ достал сотовый телефон, набрал несколько цифр, что-то сказал в трубку, отключился.

— Сядь вон там, посиди, к тебе подойдут.

Он показал на стулья у стены.

— И долго ждать? — поинтересовался Лекс.

— Это насколько сильно тебе Мусорщик нужен, — туманно ответил админ и отвернулся, вроде как занятый своими делами.

Лекс уселся на стул, стал осматривать заведение.

На первый взгляд казалось, что здесь никому ни до кого нет дела, и клуб под завязку забит случайными людьми, зашедшими на полчаса-час попользовать интернет. Кто-то входит, кто-то выходит, текучка больше, чем в Макдональдсе.

Но уже через несколько минут Лекс стал замечать, что в клубе кипит своя, незаметная с первого взгляда жизнь: кто-то с кем-то здоровается, кто-то что-то кому-то передает, маякует, перебрасывается словами.

В отличие от «Подвала» это место куда более напоминало заведение, где тусуют хакеры, квакеры, крекеры и прочие айтишники.

Несколько раз Лекс ловил на себе изучающие взгляды всяких подозрительных личностей. Такие рассматривания, искоса да исподлобья, вызвали у Лекса волнение, и чтобы с ним справиться, парень старался не смотреть по сторонам, а просто ждать.

Через какое-то время волнение сменилось нервозностью. Лекс уже подумывал, чтобы подойти к админу и поинтересоваться, как долго еще может продлиться ожидание, но этого не потребовалось.

— Привет, братан, ты Мусорщика искал?

Рядом с Лексом уселся пацан, которому от силы было лет двенадцать. Из его уст обращение «братан» звучало особенно комично, но Лекс виду не подал.

— Я.

— Пошли со мной.

И мелкий направился к выходу. Лексу ничего не оставалось, как последовать за ним. Только мысль мелькнула: а вдруг это продолжение тупого админского стеба. Однако админ был занят, и в его сторону не смотрел.

На улице их ждала машина с транзитными номерами — тонированный «мерседес 600» из тех, на которых лет десять назад пафосно рассекали бритоголовые торпеды в малиновых пиджаках.

Малой открыл заднюю дверцу, пропустил вперед Лекса, уселся рядом.

В салоне пахло кожей и дорогим парфюмом. Впереди сидели два человека, оба никак не походили на братву девяностых.

Водителю было от силы лет двадцать, и он смотрел прямо перед собой, не выражая никаких эмоций. Когда Лекс поздоровался, он даже не обернулся, ни один мускул не дрогнул на его лице. Ну, чисто робот Вертер.

Но тот, что сидел на пассажирском месте, повернулся. Кепка-бейсболка, темные очки, шарф — лицо видно процентов на десять-пятнадцать.

Развернувшись вполоборота и проигнорировав приветствие, пассажир грыз яблоко, рассматривая Лекса, потом неожиданно спросил:

— У тебя брата-близнеца, случайно, нет?

— Близнеца? — растерянно переспросил Лекс.

— Ну да. Однояйцового, или как там… однозиготного.

Ник хоть и был кровным братом, но на близнеца не тянул, хоть на однояйцового, хоть на разнояйцового.

— Нет.

— Это хорошо. Просто я очень негативно отношусь к двум вещам — к близнецам и кидалам. На кидалу ты не похож, поэтому я и уточнил насчет близнецов… Да расслабься, это я шучу так.

Он с хрустом откусил яблоко и стал его тщательно пережевывать.

Одни шутники вокруг, недовольно подумал Лекс, а вслух спросил:

— Мусорщик — это вы?

— Мы, — кивнул парень. — Итак, ты Макарыча ученик?

— Да.

— Он звонил насчет тебя. Сказал, что нужны художник и перловик.

— Да. Я делаю проект, это будет браузерная игра…

— Подробности меня пока не интересуют, — перебил Мусорщик. — Значит, слушай сюда… Леша, кажется, так?

— Да.

— У меня есть те, кто тебе нужен. Строго говоря, на правах рекламы, у меня есть специалисты во всех областях Ай-Ти, будь то программирование, веб-дизайн или еще какая-нибудь хрень. Мои люди стоят дешевле, чем фрилансеры, при этом я гарантирую, что работа будет выполнена в срок и в соответствии с требованиями. Но есть одно «но». Макарыч объяснил тебе, кого я представляю?

— Ну… эээ… — замялся Лекс. — Немного да, объяснил.

— Короче, вкратце так. Ты расписываешь объем работ, указываешь сроки, когда нужна работа и когда ты сможешь ее оплатить. Я говорю тебе, сколько это будет стоить и если тебя это устраивает, мы начинаем работать за указанный тобой гонорар плюс пять процентов от возможной будущей прибыли.

— Меня устраивает, — поспешно кивнул Лекс.

— Если происходит сбой по нашей вине, — продолжил Мусорщик. — Ты ничего не должен, претензий нет, работа не оплачивается. Но если ты пытаешься нас обмануть… тогда у тебя начинаются неприятности. Тебе надо объяснять, какие у тебя могут быть неприятности, или ты не собираешься нас обманывать?

— Я… эээ… нет, конечно, я не собираюсь вас обманывать, — сбитый с толку, промямлил Лекс.

— Вот и прекрасно. Я смотрю, ты парень надежный, надеюсь, что до неприятностей дело не дойдет.

Он явно издевался, хотя говорил с серьезным видом.

Пока Лекс собирался с мыслями, Мусорщик добавил:

— Ты не торопись с решением. Подумай, распиши таски и приходи сюда. Или не приходи, если передумаешь. Вопросы есть?

— Да, в общем, нет… — ответил Лекс неуверенно.

— Тогда все, пока и до новых встреч. Шнурок, проводи гостя.

Мусорщик отвернулся, давая понять, что разговор окончен. Подросток пнул Лекса в бок и открыл дверь машины, выходя первым.

Домой Лекс возвращался со смешанными чувствами. С одной стороны, ему не хотелось связываться с человеком, который имеет явное отношение к криминалу. С другой же — выбора особо у него не было. Денег нет, а проект пора запускать, пока что-то подобное не запустил кто-то другой. Время ведь сейчас такое: кто первым встал, того и тапки. Легкое торможение автоматом отождествляется с опозданием.

Кредит бы взять, да в кабалу к банковским жуликам тоже влезать не хочется.

Ник обещал занять, но лишний раз напоминать другу про

деньги не хотелось. И вообще, Лексу показалось, что его друг и брат, получив повышение по службе, слегка зазвездил. Ник изменился и, к сожалению, не в лучшую сторону.

Нику Лекс не стал ничего рассказывать, на вопрос: «Где был?», ответил что-то маловразумительное, после чего убрел к себе в комнату делать таски — техзадания для программиста и художника.

Собственно, они уже были готовы, оставалось только подправить, а вместе с этим решить, стоит ли пользоваться услугами Мусорщика или нет.

Лекс сидел почти до утра, размышляя над этой дилеммой.

А утром принял окончательное решение.

ГЛАВА 0
/DEV/NULL

Франция, где-то под Парижем, октябрь 2001 года.

Этот трехэтажный дом охранялся не хуже, а то и лучше, чем президентский дворец. И на то были причины. Слишком многие желали зла хозяину дома, а среди них было немало и тех, кто готов перейти от слов к делу.

Хозяина дома звали Жан-Мари Ле Пен. Он был лидером ультраправой организации Фронт Националь и своими резкими националистическими высказываниями давно добился того, что его ненавидели не только во Франции, но и далеко за ее пределами. Арабские радикалы, привыкшие решать вопросы с помощью АК-74 и пары килограмм взрывчатки, уже не раз пытались закрыть рот неуемному французу. Если бы Ле Пена охраняла полиция или какое-нибудь частное охранное агентство, вряд ли он дожил бы до семидесяти двух лет. Но Ле Пена охраняли профессионалы, работавшие на Армаду. В случае покушения или убийства Армада не остановилась бы ни перед чем, чтобы найти организаторов и заказчиков. Те, кому надо, знали это, равно как и то, что Армаде в подобных случаях плевать, кто заказчик: арабские террористы или американские спецслужбы. Они уничтожат любого, кто посмеет покуситься — не на Ле Пена, а на их репутацию.

Так что Жан-Мари Ле Пен спал спокойно в своем особняке. И так было уже несколько лет, начиная с девяносто шестого года, когда он заключил с Армадой договор.

Вплоть до сегодняшнего дня.

Погода выдалась на редкость отвратительной. Поздняя осень, деревья уже начали терять пожелтевшую листву, а сегодня с самого утра тучи сгустились, и к обеду пошел противный, моросящий дождь, принесший с собой и туман.

Хорошо, что сегодня не надо было никуда ехать. Весь день Ле Пен проработал в кабинете, прервавшись только на обед и послеобеденную прогулку.

Вечером заехала дочь — посоветоваться насчет некоторых предвыборных вопросов. Осталась на ужин, потом уехала, и старый политик остался один, сидя возле камина с бокалом сухого красного вина и собственными мыслями.

Время уже давно перевалило за полночь, пора было отправляться спать, но Ле Пену не хотелось покидать уютное

кресло. Напротив, он подбросил в камин еще одно полено и прикрыл глаза.

Он любил Францию. И считал себя не просто патриотом, а верным сыном, частичкой этой страны, самой свободолюбивой в Европе.

Ему было больно смотреть, во что она превращалась последнее время. Враги, вылезшие со всех сторон, пожирали культуру его родины, изменяли законы, основанные на многовековых традициях, уничтожали уклады и обычаи, которые существовали с самого начала основания страны.

С врагами надо было бороться, но патриотов, подобных Ле Пену, оставалось все меньше и меньше. Люди не хотели хранить память предков, их интересовало не прошлое, а настоящее. Им были нужны деньги, а у врагов как раз деньги были, и очень много. Они сделали свои состояния на черном золоте, и это позволяло им лоббировать законы в любом демократическом обществе. Ну, а если какие-то вопросы деньги не могли решить, в дело шли АК-74 и тротил. Шла война, последние годы практически открытая, поэтому количество соратников периодически сокращалось.

Ле Пен не боялся смерти. Как и многие политики его уровня, он боялся только одного — не успеть закончить то, что начал. К счастью, у него была дочь, которая полностью разделяла его взгляды и помогала в борьбе. А так же подрастала внучка, которая пока еще училась в школе, но уже задавала вопросы, на которые не было однозначных ответов. Она тоже вырастет и, несомненно, сделает правильный выбор.

Не открывая глаз, Ле Пен сделал глоток вина и подумал, что было бы неплохо сейчас съесть кусочек сыра. Но сыр был на кухне, а вставать с кресла не хотелось.

Сейчас, еще несколько минут, а затем встану, подумал Ле Пен, прислушиваясь к треску дров в камине.

Звук, который он услышал, нельзя было спутать ни с чем. Ле Пен прожил в этом доме много лет, к тому же с годами слух у него стал только острее — это был звук открываемой двери.

Дочь уже давно уехала, и домработница ушла. В самом доме только два охранника, но они ни за что не войдут в эту комнату, не предупредив заранее хозяина. Собственно, из окружения Ле Пена нет ни одного человека, кто попытался бы тихо проникнуть в его покои.

Сомнений не было: человек, который подходил к нему, был незваным гостем. Сто к одному, что это наемный убийца.

Ле Пен не вскочил с кресла. Гость — профессионал, и охрана, скорее всего, мертва. Набрать номер он не успеет, даже не успеет

взять телефон в руки, а разбивать окно и звать на помощь не только бессмысленно, но и глупо.

Что ж, если его время пришло, он встретит смерть достойно и красиво.

Шорох одежды послышался совсем рядом. Гость прошел мимо и тихо сел в кресло, стоявшее напротив. Все это Ле Пен услышал по звукам, и только потом открыл глаза.

Его гостю было на вид около двадцати-двадцати пяти лет. Шея и подбородок были замотаны шарфом, а на глазах — темные очки.

Он был европейцем, без сомнения. В руках не было оружия, если, конечно, таковым не являлось надкусанное яблоко.

— Bonjour, — сказал он по-французски, но с небольшим акцентом.

— Здравствуйте, — ответил Ле Пен, отметив, что голос все же предательски дрогнул. — Кто вы?

— Зовите меня Уборщиком, месье Ле Пен, — сказал молодой человек и с хрустом надкусил яблоко. — Просто Уборщик.

— Уборщик… — пожевал слово Ле Пен. — Санитар общества, да?

— Что? О, нет, что вы, — гость улыбнулся. — Я не киллер, если вы об этом. Строго говоря, мое прозвище несколько иное, просто я не достаточно хорошо владею французским… человек, который работает на свалке…

— Мусорщик?

— О, да. Мусорщик, — кивнул гость. — Называйте меня так.

Он снял очки и стал протирать их шарфом. Ле Пену показалось, что у его гостя глаза разного цвета, — один синий, другой зеленый.

— У вас очень холодно в октябре, — пожаловался Мусорщик, возвращая очки на переносицу. — Стекла запотевают.

— Если вы не наемный убийца, тогда кто вы и какого дьявола проникли в мой дом без приглашения?

Мусорщик посмотрел на него с интересом, и снова улыбнулся.

— Знаете, месье Ле Пен, наверное, я буду не первый, кто вам это скажет. Вы очень смелый человек. Я рад, что решил лично побеседовать с вами. Но… перейду к делу. Месье Ле Пен, я представляю интересы организации, которая имеет честь защищать вас и вашу семью.

— Вы из Армады? — удивленно спросил Ле Пен.

— Российское отделение, — Мусорщик слегка наклонил голову.

«Ну, конечно же, из России! — воскликнул про себя Ле

Пен. — Как я сразу не догадался по акценту!»

Ле Пен общался с русскими несколько раз. Не сказать, что это была самая плохая нация, скорее наоборот, все, кто ему встречался, были людьми чести, достойными уважения.

— Гхм… — не найдя что сказать, Ле Пен сделал глоток вина, затем, спохватившись, спросил. — Могу предложить что-нибудь выпить?

— Месье Ле Пен… — в голосе Мусорщика прозвучало разочарование. — Вы же не первый год сотрудничаете с нами.

Предложение действительно было глупым — представители Армады никогда не употребляли ни спиртного, ни табака.

— Я из вежливости, — пожал плечами Ле Пен.

— Или же попытка проверить достоверность моих слов, — отметил Мусорщик. — Я из Армады, месье Ле Пен, и у вас будет возможность в этом убедиться. Ладно, все же перейдем к делу. Месье Ле Пен, вам знакомо имя Пьер Беллангер?

Ле Пен задумался. Имя не говорило ему ровным счетом ничего, и он покачал головой.

— Это французский бизнесмен. Компания, которую он возглавляет, занимается Ай-Ти технологиями. В следующем месяце он должен презентовать блогоресурс под названием Скай-Блог. Армада заинтересована в том, чтобы это не произошло в ближайшие полгода.

— Простите… — Ле Пен выглядел растерянным. — Я не совсем понимаю… какое я имею отношение к этим вашим айти-технологиям?

— В компании господина Беллангера работает много французов, которые симпатизируют Национальному Фронту и вам лично. Поэтому Армада рассчитывает на вашу помощь в этом вопросе.

Все это было настолько неожиданно и даже абсурдно, что какое-то время Ле Пен не знал, как реагировать, и лишь удивленно смотрел на своего гостя. Он даже подумал, что это какой-то розыгрыш, хотя внутренне понимал: человек, назвавшийся Мусорщиком, настроен вполне серьезно.

— Но я не могу прийти туда и просто сказать, чтобы…

Его слова оборвал стук в дверь, и голос, принадлежащий охраннику.

— Простите, что беспокою, месье Ле Пен, но, возможно, в дом кто-то проник…

Охранник не мог сразу увидеть, что хозяин дома сидит не один, а когда сделал шаг, Мусорщик вдруг вскочил и по-кошачьи прыгнул вперед.

Быстро, невероятно быстро. И прыжок с места на такое

расстояние, что любой олимпийский прыгун позавидует.

Глухой удар, сдавленный вскрик, затем что-то тяжелое грохнулось на пол, и вновь наступила тишина.

Через мгновение Мусорщик вернулся к камину. Покачал головой, кивнул в сторону охранника:

— А я надеялся, что сломанный засов в погребе до утра никто не заметит.

— Вы убили его? — слегка дрогнувшим голосом спросил Ле Пен.

— О, нет, конечно же. Только оглушил.

— Он работает на Армаду, — сказал Ле Пен. — Как и вы.

— Нет, — улыбнулся Мусорщик. — В отличие от него я не работаю на Армаду. Я и есть Армада. Понимаете?

Он доел яблоко и швырнул огрызок в камин, подняв облако искр.

Ле Пен терпеть не мог, когда в камин бросали какой-либо мусор, но в этой ситуации справедливо решил воздержаться от замечания.

— Итак, месье Ле Пен, вернемся к нашему разговору. Когда пять лет назад вы обратились за помощью к Армаде, мы помогли вам и помогаем до сих пор. Теперь мы обращаемся к вам за помощью.

— Простите, но все эти пять лет я исправно платил за свою охрану…

— Конечно. Мы тоже готовы оплатить ваши старания, причем, наша плата будет выше. Армада будет платить вам не деньгами, а услугами.

— Какого рода услугами?

— Если я не ошибаюсь, весной во Франции президентские выборы, и вы участвуете в них. Верно?

— Да, это общеизвестно.

— Как вы оцениваете свои шансы?

— Эээ…

— Не продолжайте, всем и так известно: ваши шансы не очень велики.

Мусорщик достал из кармана пиджака еще одно яблоко, откусил его, и продолжил:

— Если вам удастся притормозить открытие Скай-Блога примерно на полгода, Армада гарантирует вам проход во второй тур.

Заявление было настолько самоуверенным, что Ле Пен усмехнулся.

— Почему не сразу президентское кресло?

— Потому что Жак Ширак пока находится на своем месте,

месье Ле Пен. Франция на данный момент не готова к той политике, которую вы хотите проводить.

— Вы иностранец, как вы можете рассуждать о том, к чему готова или не готова Франция?

— В моей стране происходит примерно то же самое, что и у вас. Повсюду враги и предатели, с которыми можно бороться, только ликвидировав в языке слово «толерантность». Идет скрытая война, разве не так?

— И какое отношение к этому имеет этот ваш Скай-Блог и французская ай-ти компания?

— Никакого, — Мусорщик усмехнулся. — А, может, самое прямое. Так или иначе, посмотрите на это с другой стороны. Если вы выполните наши условия и пройдете во второй тур, ваши возможности вырастут во много раз, не так ли? Сделайте это не ради Армады, а ради Франции.

Предложение было невероятным.

Второе яблоко было доедено, огрызок отправился вслед за первым.

Мусорщик вскинул руку, посмотрел на часы.

— Мне пора, месье Ле Пен. Боюсь, мы больше не увидимся, поскольку вряд ли я смогу покинуть Россию в ближайшие несколько лет. Подумайте над моим предложением.

Он шагнул к выходу.

Ле Пен бросил вдогонку:

— А что будет, если я откажусь?

— Вы не пройдете во второй тур на выборах, — ответил Мусорщик. — И потеряете свой шанс успеть сделать то, чему посвятили всю жизнь. Это все, чем вы рискуете, месье Ле Пен. Удачи и здоровья вам и вашей семье.

ГЛАВА 0
/DEV/NULL

Москва, октябрь 2001 года.

«Мерседес-600» с транзитными номерами рассекал пространство Новорижского шоссе, не особо соблюдая ПДД. Дерзко черная торпеда обгоняла соседние машины, уверенно отыскивала свободные места, словно играла в пятнашки на дороге.

Расположившийся на заднем сиденье Мусорщик по обыкновению грыз яблоко и лениво смотрел в боковое окно на мелькавшие машины.

Внезапно вспомнилось: несколько дней назад, когда он только вернулся из Парижа, они вот так же мчались по Ленинградке из Шереметьево. Подъезжая к МКАДу, «Мерседес» обогнал «Бентли» с номерами ЕКХ и флагом вместо номера региона.

Толстяк в «Бентли» не знал, что транзитные номера «1911 АРМ» принадлежат единственному официальному представителю Армады в Москве. Собственно, он и про Армаду-то не знал, зато искренне был уверен: депутатская корочка и броневик с охраной, следующий за «Бентли», являются надежной защитой от всего.

Они включили мигалки-крякалки и попытались остановить «Мерседес». Если бы Мусорщик не захотел, у них вряд ли бы что-то получилось, поскольку «Мерседесом» машина была только внешне.

Но в тот день Мусорщик был под впечатлением от беседы с Ле Пеном и как раз размышлял о судьбе России, а, следовательно, был настроен крайне патриотически.

— Тормозни, — глухо приказал Мусорщик водителю. — Из машины не выходите, я сам разберусь.

Мерседес остановился, Мусорщик вышел навстречу выбегающим из машин людям. Чуть согнул ноги в коленях, и прыгнул вперед.

Первому охраннику он мощным ударом в грудь сломал несколько ребер, второго отправил в нокаут со сломанной челюстью. Еще двоих вместе с водителем депутата Мусорщик приложил головами о стойку «Бентли», после чего распахнул дверь элитной тачки и уселся рядом с хозяином. Вырвал у него из рук мобильник, швырнул его на асфальт.

На все про все у Мусорщика ушло не более двадцати секунд.

Толстое мурло дрожало как осиновый лист, хотя на улице было не так уж и холодно.

— Вы кто такой? — воскликнул он, пытаясь хорохориться. — Что вы себе позволяете?

Мусорщик дотронулся рукой до груди, где под курткой висел амулет леопарда. Улыбнулся, сказал:

— Случайный прохожий. А вы?

— Я депутат, — проблеял тот и повторил, уточняя. — Я депутат Госдумы.

Мусорщику стало смешно. Он достал яблоко и поинтересовался:

— Из какой партии?

— КПРФ, — ответил, запинаясь, депутат, и сразу же добавил. — Но у меня много друзей из «Единства».

— Это хорошо, — кивнул Мусорщик, надкусывая яблоко. — Будет кому прийти на похороны.

— Что? Что… вы… нет… у меня есть друзья среди солнцевских…

Этот жирный боров по комплекции превосходил Мусорщика примерно втрое. И, тем не менее, он трясся от страха, потому что впервые видел, как один человек играючи вырубает целую команду профессиональных охранников.

Мусорщик вспомнил своего недавнего собеседника, французского политика. Его даже сравнивать было противно с этим, едва не обделавшимся от страха депутатом.

— Я знаю Вячеслава Ивановича… — верещал депутат.

С ним даже говорить не о чем.

Пора заканчивать.

Мусорщик швырнул яблоко в окно, глянул на секунду в депутатские глазенки, а затем резко опустил кулак на левую ногу своей жертвы.

Пальцы почувствовали, как рвутся от удара мышцы и сухожилия.

Несколько месяцев в гипсе обеспечено. Боров взвыл от боли, ему вторил голос Мусорщика, с ненавистью закричавшему в ухо:

— Ну, где, где твоя Госдума?! А?!

Он поднял руку и снова ударил, на этот раз по правой ноге. Второй гипс, передвижения даже на костылях будут очень сложными.

— Где твой Вячеслав Иванович?! Где солнцевские?! Где?!

Боров забился дрожью, крича от страха и от боли.

Размахнувшись, Мусорщик отвесил ему пощечину. Бил, рассчитывая силы, чтобы не убить, но вырубить. И у него это получилось — голова депутата мотнулась, тело обмякло, и он

затих.

Мусорщик вышел из «Бентли», осмотрелся.

Машины проезжали мимо, некоторые водители посматривали в сторону остановившихся крутых тачек со спецсигналами, но, конечно же, никто не рискнул остановиться.

Охрана так и валялась без сознания, только один начал приходить в себя, чуть постанывая. Перешагнув через него, Мусорщик вернулся к своей машине. Настроение у него заметно улучшилось.

Это было несколько дней назад.

Сегодня утром ему сообщили, что какой-то не в меру ретивый депутат пытался «пробить» владельца «мерседеса-600» с транзитными номерами «1911 АРМ». Депутату объяснили, за кем закреплена эта машина, от чего бедолага обделался со страха, заявив, что не имеет никаких претензий.

Вспомнив все это, Мусорщику стало смешно. Он рассмеялся, и Шнурок, сидящий рядом с водителем, обернулся. Двенадцатилетний подросток все еще не мог привыкнуть к эксцентричности своего босса.

Движение стало плотнее, а в районе 32-го километра, недалеко от поворота на Звенигород, их и вовсе ждала пробка, объехать которую не представлялось никакой возможности.

Пробка стояла намертво, и водитель даже заглушил двигатель.

Мусорщик посмотрел на часы — не потому что опаздывал, просто хотелось засечь, сколько они тут простоят.

Рядом с ними остановился автобус. На борту у него красовалась реклама какого-то пылесоса со слоганом: «Жизнь без мусора». Поверх рекламы кто-то нарисовал баллончиком странные символы, похожие на скандинавские руны.

Несколько секунд Мусорщик равнодушно рассматривал борт автобуса, потом вздрогнул. Внутри где-то зашевелилось подозрение.

— Шнурок, — окликнул он. — Выйди, посмотри, что там впереди.

Пацан послушно открыл дверь, сделал пару шагов и, поскользнувшись, упал на асфальт.

Поднявшись, сильно прихрамывая, сделал еще несколько шагов вперед.

Мусорщик утопил кнопку стеклоподъемника, а когда стекло опустилось вниз, высунул голову и крикнул:

— Шнурок! Возвращайся!

— Но я… — не став более возражать, Шнурок похромал обратно.

Сел в машину и, растирая ногу, пояснил: — Там яблоко гнилое валялось, не заметил…

— Сходить, посмотреть? — спросил водитель.

— Сиди, — буркнул Мусорщик. — Еще не хватало, чтобы ты из строя вышел.

Дернул ручку, вышел сам на дорогу.

Пробка тянулась до горизонта и, похоже, встали тут все надолго.

Обойдя автобус, Мусорщик посмотрел на обочину.

Густой лес, тропинка, заросшая кустарником.

Возле тропинки стоял большой ржавый указатель, сквозь ржавчину проступали буквы. Надпись сообщала, что неподалеку находится пионерский лагерь «Борки». На указателе так же болтались ошметки рекламы какого-то напитка, название прочить было невозможно, от рекламы осталась только голова леопарда.

Итак, все это не случайные знаки. Падение Шнурка, реклама, руны… Только один человек мог организовать все это.

Паутина обстоятельств, вот как это называется. Это всего лишь план, но с тщательно выверенными мельчайшими деталями, многие из которых незаметны или же, наоборот, на виду. Во всем этом был какой-то смысл.

Любая случайность, любое, даже самое мелкое, происшествие — все работает только на паука, который уже сплел паутину и теперь терпеливо, без суеты ждет результата своих трудов.

Мусорщик ухмыльнулся и вернулся к машине.

— Когда пробка рассосется, паркуйся к обочине и жди меня, — бросил он водителю и быстрым шагом направился обратно к тропинке.

Сквозь кустарник он продирался метров пять, не больше. Далее тропинка упиралась в глубокий овраг шириной в три-четыре метра.

На другой стороне на поваленном бревне сидела девушка и веткой ковырялась в пожухлой листве у ног.

Мусорщик остановился у края оврага, осмотрелся, глубоко вдохнул лесной воздух.

— Я тебя не видел долго и еще б не видел столько, — сказал он.

— Я тоже рада нашей встрече, — ответила девушка. — Как Франция?

— Польщен, что ты в курсе моих передвижений по Европе, — кивнул Мусорщик. — Что тебе нужно?

— Ты пытался через Ле Пена затормозить развитие «Скай-Блога».

— Всего лишь на полгода попридержал коней…

— Ты не имел права вмешиваться.

— Что, я нарушил что-то в твоем великом плане?

— Ты не имел права вмешиваться, — голос девушки зазвучал жестче.

— Это ты так решила?

— Не зли меня, — девушка поднялась, отбросив в сторону ветку. — Иначе я уничтожу тебя.

Ее глаза — один зеленый, другой синий — гневно сверкали.

Мусорщик хмыкнул.

— По-моему, ты переоцениваешь свои возможности. Я могу свернуть тебе шею прежде, чем ты хлопнешь своими очаровательными ресничками.

— Да? Что ж, попробуй… — презрительно бросила девушка.

Мусорщик осмотрелся.

Овраг был слишком широкий.

Как там в старой джазовой песенке: «У этой девочки есть одна маленькая штучка…»

У его собеседницы тоже есть своя «маленькая штучка». Предмет в виде паука, который делал ее практически неуязвимой. Сплести паутину из обстоятельств, учесть все мелочи, устроить тысячи маленьких ловушек.

Она могла позвонить по телефону или написать какой-нибудь e-mail с предупреждением, или даже просто послать открытку с текстом.

Могла, но не стала.

Это просто демонстрация возможностей. Чтобы у Мусорщика и в мыслях не возникло перейти ей дорогу.

Сейчас это ее территория, девчонка, наверняка, хорошо подготовилась, и любое движение Мусорщика может стать для него последним.

Только лишь в качестве проверки, заранее зная о результате, Мусорщик нагнулся и поднял тяжелый булыжник, лежащий у ног. Подбросил его на руке, прикидывая расстояние, затем размахнулся и швырнул камень, целясь девушке в голову.

Нога предательски оскользнулась во время броска, Мусорщик потерял равновесие и свалился в овраг, в холодную грязную воду.

Камень пролетел мимо цели.

К счастью, овраг оказался неглубоким, и Мусорщик быстро вылез наружу. Девушка стояла напротив со скучающим выражением лица.

— Интересно, а пистолет ты тоже предусмотрела? — спросил Мусорщик, сплевывая налипшую на губы грязь.

— А ты возьми в следующий раз с собой, тогда проверим, — бросила в ответ девушка. Потом ткнула в его направление

пальцем. — Я прощу тебе французов. Но если ты снова попытаешься искусственно помочь Лексу и станешь топить его конкурентов, я тебя уничтожу.

— В чем проблема? Он делает обычную браузерную игру…

— Это не обычная игра, и ты сам знаешь это. Хао, бледнолицый, я все сказала.

Она развернулась и пошла прочь, а Мусорщик смотрел ей вслед и думал о том, что его время еще просто не пришло.

Когда куртка девушки последний раз мелькнула среди деревьев, Мусорщик тоже развернулся и пошел в сторону дороги.

Пробка уже рассосалась, «Мерседес» стоял на обочине, поджидая хозяина. Мусорщик был зол.

— Печку включи и поехали, — буркнул он.

Водитель молча исполнил приказ, Шнурок же, не удержавшись, спросил: повернулся, увидел странный вид шефа и спросил:

— Что случилось?

— Встретил старого друга, — скривил губы Мусорщик.

Шнурок хотел еще что-то спросить, но встретился взглядом с шефом и решил промолчать.

ГЛАВА 5
ОТ ЗАКАТА ДО РАССВЕТА

Конец октября 2001 года.

Ник еще в сентябре узнал, что станет начальником отдела, однако официально он вступил в должность лишь спустя месяц: пока принял все дела от прежнего начальника, пока переоформил квалификацию, пока то да се…

В общем, с формальностями было покончено только к концу октября.

Теперь Ник традиционно должен был проставиться, и он не собирался увиливать от этой добровольной обязанности. Тем более что его предшественник, Дима Гришин, отправившийся на повышение, предложил разделить «проставу» на двоих:

— Негоже исполнительному директору уходить из родной команды по-английски. Поляну накрываем пополам.

Ник не протестовал, тем более что с деньгами все еще было не очень хорошо.

Вечеринку наметили на ближайшие выходные в недавно открывшемся заведении под названием «Секстон». Ресторан, принадлежащий московским байкерам из братства «Ночных волков», еще не успел набрать должной известности, поэтому Гришин, взявший на себя роль организатора, выбил весьма неплохую скидку.

Теперь Нику оставалось поговорить с Лексом и решить один щекотливый вопрос.

— Я Синку приглашу, — сказал Ник Лексу.

— Ты спрашиваешь или информируешь? — поинтересовался Лекс.

— Спрашиваю, — ответил Ник, слегка запнувшись. — Наш договор ведь в силе?

— В силе, — подтвердил Лекс и нарочито официальным тоном заявил: — Я не буду возражать, если она придет.

В последнее время он был слишком увлечен своим проектом, и на работу в офисе практически «забил». То есть свои обязанности он выполнял, но как-то механически, спустя рукава, без интереса.

В детали своего проекта Лекс не посвящал Ника, а тот и не очень-то интересовался, занятый основной работой. Краем уха слышал, разве что, что Лекс нашел какого-то художника, который согласился ему нарисовать всякие доспехи, оружие и прочую

фэнтезийную чепуху.

Лекс изменился за последнее время. Стал более скрытным, и эта черта все чаще вызывала у Ника глухое раздражение. Раньше у него не было тайн от друга…

Когда они встречались с Синкой — в основном, это происходило у них на квартире — Лекс всегда был весел и открыт. Все время что-то рассказывал и показывал: как продвигается работа над игрой, и сколько осталось еще сделать, и как все круто получается. Он реально «грузил мозг» своими разработками, и если Синка из вежливости делала вид, что ей это интересно, то Ник в такие моменты из всех сил пытался перевести разговор на какую-нибудь другую тему.

Лекс нервничал, потому что бесконечными рассказами о своих успехах пытался произвести на девушку впечатление, что, конечно же, противоречило дружескому договору, заключенному с Ником.

Пришло время задать вопрос, который рано или поздно пришлось бы озвучить.

— Леха… Может, все-таки стоит поговорить с Синкой и выяснить, с кем она хочет встречаться? Просто мы, как два дурака: ни себе, ни другу…

— Ну, ты-то не дурак, ты теперь начальник.

В голосе Лекса звучала неприкрытая издевка. Слышать это от друга Нику было обидно.

— То есть?

— Ну, как? Я начальник, ты — дурак. Ты начальник, я — дурак. Слышал такую поговорку?

— Причем тут это…

— Не причем, конечно же, — усмехнулся Лекс. — Ты почти топ-менеджер, «поляну» в кабаке накрываешь — самое время поговорить с ней.

Он говорил нарочито равнодушно, и вроде как шутейно, но Ник слишком хорошо знал его, чтобы понять, что ни равнодушием, ни юмором тут и не пахло.

— Ты на что намекаешь? — нахмурился Ник. — Думаешь, что я из-за нее тебя кинуть могу?

— Думаю, что для разговора с ней мы сейчас в разных весовых категориях и шансов у тебя на порядок больше. Разве нет?

Почти полминуты они испытывающе буравили друг друга глазами. И никто не отводил взгляда.

Первым не выдержал Ник.

— Ладно, — кивнул Ник. — Я ее просто приглашать не буду, и все.

— Блин, Ник, ты вообще слышишь, что я говорю? — воскликнул Лекс. — Почему не приглашать? Я говорил, что она наш друг, и пусть пока так и будет. Друг, сестра… просто наш договор пока остается в силе. Согласен?

— Я? Конечно, согласен.

— Ну, о'кей. Тогда приглашай, буду только рад ее видеть. Если, конечно, она вообще захочет прийти.

Синка захотела. И очень обрадовалась, узнав, где будет вечеринка.

— Фильм видели «От заката до рассвета»? Вот там точно такая же атмосфера.

Девушка оказалась права. Когда они подъехали в «Секстон», первое что им бросилось в глаза, это парковка, забитая байками, трициклами и прочими хромированными тюнингованными монстрами.

— Не хватает только коротышки, который орет: «пусси, пусси», — сострил Лекс.

Нику острота показалась пошлой, и он нахмурился. Впрочем, хмурость быстро прошла.

Отменная кухня, море пива, живая музыка, потрясающая атмосфера, веселье, беспрерывные тосты от бывшего и будущего начальников, — время летело незаметно.

Синка выглядела просто сногсшибательно. Джинсы, свитер под горло, осенние полусапожки на каблуках — модель, сошедшая с обложки модного журнала. Плюс аккуратная укладка, обворожительная улыбка, сплошной позитив и неистощимая энергия — в общем, с ней никто не мог сравниться.

Коллеги засматривались на нее и многозначительно подмигивали Нику.

Три литровые кружки пива сделали свое дело. Ник отлучился «по делам», а когда возвращался из ватерклозета, столкнулся со странным человеком, который чем-то напомнил его самого времен старших классов. Неуклюжий, со смешными юношескими усиками над верхней губой, суетливыми движениями, — ну, копия Ника в юности.

Они даже посмотрели друг на друга одинаково, синхронно бросив при этом:

— Извините.

Парень отступил на шаг назад, улыбнулся и вдруг торопливо произнес:

— Сначала ты должен понять, что важнее, коммуникация или изоляция.

— Чего-чего?

— Сравни час одиночества с неделей общения.

Ник ничего не понял, и от этого начал злиться.

Он уже собирался оттолкнуть «двойника» в сторону и продолжить путь, но тот неожиданно шагнул почти вплотную и очень медленно произнес:

— Настоящее определяется будущим и создает прошлое.

На этот раз Ник успел сосредоточиться и уловить смысл. Впрочем, смысла в сказанном он не нашел, поэтому переспросил:

— Может, наоборот? Определяется прошлым и создает будущее?

Ответить двойник не успел. Он был здесь не один, с компанией молодых людей, которые уже были одеты и покидали заведение.

— Коля! — позвала его одна девушка из этой компании. — Ты идешь?

— Да! — крикнул ей «двойник», затем посмотрел на Ника, и уже потише ответил ему: — Нет. Не наоборот.

Повернулся и пошел прочь.

Ник почесал затылок, качнул головой и направился к своим друзьям, постепенно забывая об этой странной встрече, и уж никак не предполагая, что много позже она будет иметь продолжение.

Веселье продолжалось.

Ближе к полуночи на подмостках появился сам Владимир Кузьмин, исполнивший свои лучшие хиты. Сразу после него началось байк-шоу: «ночные волки» демонстрировали свое мастерство, приковав к себе внимание посетителей клуба.

Далеко заполночь после феерического выступления мотоциклистов, в самый разгар веселья к Нику подошла Синка.

Смущенно она спросила, кивая на Гришина:

— Ник, а ты его хорошо знаешь?

Гришин в это время произносил очередной тост, язык у него уже немного заплетался, но силы еще были.

Ник почувствовал слабый укол ревности. Молодой красавчик, модно одетый, СЕО одной из крупнейших российских айти-компаний… что говорить, завидная кандидатура для свободной девушки.

По большому счету, у Ника против Гришина не то что мало шансов, а вообще никаких. Хорошо, что тот пьет и, похоже, планов относительно Синки не строит. Но вечеринка в самом разгаре и кто знает, как она закончится.

— Это Дима, мой бывший начальник… — неохотно пояснил Ник, но Синка его перебила.

— Знаю, знаю. Понимаешь, просто… бабушка дома одна, она волнуется…

Ник не сразу понял, что надо девушке, а когда понял, то почувствовал облегчение. Всего лишь телефонный звонок.

У Гришина был сотовый телефон. И как любой современный счастливый обладатель мобилы, он носил его в чехле на поясе, подтверждая свой статус.

— Тебе позвонить надо?

— Да. Но не хочется просить у этих рокеров служебный…

— Секунду, — кивнул Ник и направился к Гришину.

— Дим, можно твоим телефоном воспользоваться? Буквально на минутку…

— Только в Израиль не звони, — расплылся в улыбке поддатый Гришин и широким жестом протянул Нику новенький миниатюрный «Сименс».

Размером меньше, чем сигаретная пачка, телефон удобно сидел в руке, и расставаться с ним не хотелось.

— Ой, спасибо, ой, как круто… — восхищению девушки не было предела.

Пока Синка общалась с бабушкой и объясняла ей, что она с друзьями и еще немного задержится, Ник подумал о том, что со следующей зарплаты обязательно купит себе такую игрушку.

Хотя почему игрушку? Он же теперь начальник отдела. Еще не CEO, но уже где-то рядом.

Начальнику отдела телефон не для игр нужен и не для понтов, а для работы. Не пристало начальнику, как последнему лоху, ходить с пейджером. Не тот уровень.

Приняв такое решение, Ник почувствовал, что его настроение заметно улучшилось. А тут еще Синке удалось отпроситься у бабушки, и она традиционно добавила свою порцию позитива. Веселье продолжилось с новой силой.

Видели ночь, гуляли всю ночь до утра. Часть компании слиняла, но самые стойкие остались до закрытия заведения, до шести часов утра.

На улице было жутко холодно и темно, пришлось вызывать такси.

Ник попытался было устроить так, чтобы Лекс сел вперед, а они с Синкой на заднее сиденье, но не получилось. В итоге впереди сидела Синка.

Ребята вымотались настолько, что клевали носами, Синка же, напротив, развернувшись к ним, без умолку болтала, словно и не было этой активной ночной вечеринки.

Сначала завезли девушку, потом уже отправились к себе домой.

Едва ввалившись в квартиру, оба рухнули на кровати и моментально уснули.

Нику снился сон, в котором он в «Секстоне» защищал Синку от вампиров-байкеров с помощью сотового телефона. Почему-то среди вампиров были Лекс и Гришин, причем оба отличались особой кровожадностью.

«Скорей бы рассвет», — думал во сне Ник, размахивая новым сотовым телефоном.

Сименс СЛ-45. Предмет мечтаний.

ГЛАВА 6
МОБИЛЬНИК

Ноябрь 2001 года.

Лекс всегда рассчитывал только на то, в чем был уверен. Часто бывает: надеешься что-то получить, строишь определенные планы, но в последний момент все надежды рушатся.

Но в данном случае — не та ситуация. На друга всегда можно положиться. На друга, который дал слово… и… нет, не «кинул», просто забыл.

Лекс, правда, не был уверен, что дело в забывчивости. Скорее всего, его друг сделал выбор. И это еще печальнее.

Началось все с того, что Ник продемонстрировал, насколько он крут, когда вытащил из кармана новый, сотовый телефон.

«SiemensSL-45i», с mp3-плейером, инфракрасным портом, поддержкой java и еще кучей каких-то наворотов… пока Ник восторженно расписывал все достоинства телефона, Лекс крутил его в руках, кивал, делал восхищенно-уважительное лицо и едва сдерживался, чтобы не швырнуть трубку обратно в коробку.

Он не завидовал, нет, вся эта ситуация его просто злила. Почему-то первое, о чем подумал Лекс: как Ник будет доставать телефон в присутствии Синки?

— Кто оператор? — хрипло спросил Лекс, пытаясь скрыть эмоции.

— Билайн Джи-Эс-Эм, — гордо ответил Ник. — Ну, как тебе?

— Супер, — кивнул Лекс, возвращая телефон. — Красава, поздравляю.

Ник прямо-таки светился от радости, и Лекс вдруг почувствовал, что ему нестерпимо хочется врезать ему. Чтобы стереть с лица эту самодовольную улыбку.

Чего радоваться-то? Ну, телефон, ну, сотовый, ну, круто, да… но не до такой же степени, будто в этой коробочке — весь смысл жизни!

Лекс ушел к себе в комнату, сел за компьютер.

Работа не шла.

Вот бывает так: садишься за компьютер и хоть глаза закрывай, хоть о чем угодно думай, а пальцы сами строчки кода набирают, и работа течет, как по маслу. А сегодня как раз обратная ситуация — ломай, не ломай голову, а не лезет в нее ни одна мысль, ступор полнейший.

Испортил Ник настроение со своим телефоном дурацким.

Посидев с полчаса в тишине и бездействии, Лекс раздраженно оттолкнул клавиатуру в сторону. В этот момент пискнула аська.

Художник. Наемный рисовальщик из Армады, которого выделил Мусорщик. Парень был русским, молодым, откуда-то с Урала. Больше за все время общения никакой информации про него Лекс так и не смог выяснить. Армада тщательно следила за анонимностью своих сотрудников, и их общение с клиентами сводилось к формуле товар-деньги-товар. Без всяких межличностных отношений.

«Шеф, здорово, как там с финансами?»

Черт, ему сегодня аванс надо было выплатить.

Лекс выругался вслух, хотя никто его не мог услышать. Когда он стал открывать кошелек вебмани, он прекрасно помнил, что там ни цента, ни копейки. По инерции полез туда.

На долларовом счету осталось полтора бакса. Рублевый пуст, других счетов и вовсе не заводилось.

«Ау, шеф!»

«Завтра утром переведу».

«Блин, мне сегодня надо».

«Сегодня никак, траблы».

Отправив это сообщение, Лекс отключил аську, хотя это выглядело как самое настоящее хамство.

Еще посидел немного, потом встал, тяжело вздохнув.

Очень ему не хотелось делать то, что предстояло сделать. Но выхода не было. Деньги нужны, чтобы заплатить художнику.

Ник сидел на кухне с умным видом, телефоном в одной руке и инструкцией в другой.

Лекс прошел к крану, набрал воды в кружку, сделал несколько глотков, хотя пить не хотел. Потом, ломким голосом, стараясь говорить как можно небрежнее, спросил:

— Ты мне денег займешь-то?

— Блиииин… братаааан… — Ник положил телефон на стол, с извиняющимся видом посмотрел на Лекса. — А тебе уже сейчас надо?

Пару недель назад они говорили на эту тему, и Ник пообещал, что с зарплаты обязательно займет Лексу. Больше они к этой теме не возвращались. То ли Ник действительно забыл, то ли…

Вот и как строить планы на будущее, когда единственный друг и брат подставляет таким вот образом?

Почему-то Лекс был уверен, что ничего Ник не забыл, все он прекрасно помнил, просто телефон оказался для него гораздо важнее.

— Ну, не то чтобы срочно, но желательно.

— У меня просто денег не осталось… я ж телефон купил… до следующей недели потерпит? Я аванс возьму и тогда тебе займу.

«Конечно, потерпит», — подумал Лекс.

Потерпит художник, потерпит Мусорщик, все потерпят. В ушах до сих пор стоял неприятно въедливый голос Мусорщика, спрашивающего, надо ли рассказывать о последствиях, которые ждут Лекса, если он попытается нарушить условия договора. А задержку платежа вполне можно квалифицировать как злостное нарушение.

Но что толку объяснять Нику сложившуюся ситуацию? Только унижаться. Все равно денег нет.

Зато есть сотовый телефон, чтоб ему пусто было.

— Потерпит, конечно, — кивнул Лекс. Сделал еще несколько глотков и вышел из кухни.

Это была подстава. Самая настоящая. И самое обидно, что подставил друг!

Вообще-то, деньги у Лекса были. Квартирные, его половина за следующий месяц. Их отдавать на следующей неделе, а Ник сказал, что на следующей неделе сможет занять.

Можно попробовать перекрутить.

Хотя еще давно договорились, что квартирные деньги — это даже выше, чем НЗ, их ни в коем случае нельзя тратить. Но тут деваться некуда. И, опять же, подстава получилась по вине Ника, если уж на то пошло.

Войдя в комнату, Лекс сразу полез к коробке из-под кроссовок где лежал кэш неприкасаемого запаса.

На следующий день по дороге на работу Лекс заехал к знакомому агенту вэбмани, передал ему наличку. По приезду на работу проверил счет — все ровно, деньги пришли. После этого Лекс загрузил аську.

Кроме возмущенных мессаг от художника его ждал запрос авторизации от некоего пользователя с ником Лель. Уже спустя несколько секунд Лекс понял, что под этим ником скрывался сам Мусорщик.

Сообщение было предельно кратким и недвусмысленным: «Нехорошо нарушать договоренности».

И эппловский логотип надкусанного яблока вместо подписи.

Спешно переведя художнику аванс, Лекс скопировал подтверждение платежной системы о переводе, скинул его художнику, а потом торопливо отписал Мусорщику целую телегу, в которой объяснял, что никаких нарушений не было, а имело место быть всего лишь маленькое недоразумение, вызванное небольшой задержкой, потому что агент оказался тормозом, бла-

бла-бла.

С этим объяснением Лекс едва уложился в разрешенные для одного сообщения 450 символов. Отправил, а через несколько минут получил в ответ лаконичное «ок», которое, конечно, могло означать все, что угодно.

Зато художник, получивший деньги, не поскупился на благодарности. Он, видимо, сидел на полном нуле, так как после получения денег пообещал, что за неделю нарисует еще несколько важных игровых элементов.

Что ж, хоть это немного подняло настроение.

В эти дни нехватка денег ощущалась в жизни Лекса особенно остро.

ГЛАВА 7
НАЧАЛО КОНЦА

Москва, конец декабря 2001 года.

Нику очень хотелось бы знать: что делать, когда друг с каждым днем «тупит» все больше, а когда пытаешься ему помочь, начинает обижаться? Есть какой-нибудь кодекс поведения друзей или еще какая-нибудь хрень, которая объясняет, как правильно поступать, если друг ныряет в омут и тянет за собой всех, кто находится рядом?

У Лекса за последний месяц явно «башню снесло». Не понимает, что творит. То квартирные потратит, то займет без возврата, теперь вообще во всех своих бедах Ника обвинил, мол, тот такой-сякой, другу не помогает, только палки в колеса ставит. Ник, услышав такое, аж задохнулся от возмущения. И это после того, что он для Лекса!

Ладно… Проблема, в конце концов, была даже не в том, что у Лекса развились комплексы, в которых он винил Ника. Проблема была в том, что он слишком увлекся своей дурацкой игрой и совсем забыл, что зарплату ему платит корпорация. Сначала стал позже приходить и раньше уходить. Потом выяснилось, что на работе он занят в основном своими личными делами. На то, что сроки горят и проект, который надо сдавать, готов едва ли наполовину, Лексу было плевать. В общем, камушек под горочку покатился.

Конечно, хорошо, когда друг начальник отдела — всегда прикрыть может в случае чего. Раз, другой… но не постоянно же!

Ник руководил командой из восьми человек. Все они работали над спам-фильтром — программой, которая должна была определять, какие письма являются спамом, а какие нет.

Движок «писали», исходя из принципов байесового алгоритма, когда программа самостоятельно заполняет частотные словари из писем, находящихся в архивах пользователей, и таким образом обучается, подобно искусственному интеллекту. По задумке этот фильтр должен был работать с эффективностью 97–99 %, но пока он находился на стадии разработки и даже примерные сроки окончания работ не были ясны.

— Ты хороший парень, Ник, но компании нужны результаты, — сказал Гришин спустя пару недель после того, как Ник официально вступил в новую должность. — Пользователи страдают от спама, а когда страдают пользователи, страдаем мы

и наши зарплаты. Ты понимаешь, о чем я?

Ник понимал. Он все прекрасно понимал, и заставлял отдел работать на полную катушку. Но трудно это делать, когда один из сотрудников чуть ли не в открытую забивает на работу. И при этом открыто игнорирует своего начальника.

Ник не мог не заметить, что за последнее время Лекс сильно изменился, и не в лучшую сторону: стал скрытным, мнительным и, что особенно грустно, завистливым. Так казалось Нику.

Они еще оставались друзьями, но полоса отчуждения между ними стремительно расширялась.

Даже от Синки не ускользнули эти перемены. И однажды она поинтересовалась у Ника, что, мол, между вами произошло.

— Да ну его, — буркнул Ник.

Они с Синкой сидели в «Кофемании» в центре. Конечно, такие встречи противоречили договору Ника с Лексом, но с Синкой они встретились чисто случайно — Синка позвонила Нику на мобильный проконсультироваться насчет почты, и выяснилось, что они находятся поблизости друг от друга. Ну, а время было обеденное, так что сам Бог велел по-приятельски выпить по чашке кофе с пирожным.

— Совсем ненормальный стал, — пожаловался Ник. — Нам проект сдавать надо, меня начальство пилит каждый день, а он, вместо того, чтобы работать, в аське сидит, игру свою тупую обсуждает с новыми друзьями.

Нику было необходимо выговориться, а Синка для этой цели подходила как нельзя лучше. Строго говоря, она была единственным, с кем Ник чувствовал себя спокойно.

— Да уж… — вздохнула Синка. — Слушай, ну мне прям жаль, что у вас такая ситуация. Надеюсь, все разрешится.

Она ободряюще дотронулась до руки Ника, и тот почувствовал, как по всему телу разряд прошел.

— Конечно, разрешится… — пробормотал Ник. — Не вечно же ему дурью маяться.

Сказал, а про себя подумал, что сильно в этом сомневается.

— Какие планы на Новый год? — спросила Синка после паузы. — Где, с кем?

Ник вздохнул:

— Да никаких. Дома будем. Придешь в гости?

— Меня в Москве не будет… Слушай, Ник, а не хочешь… — она быстро поправилась. — Не хотите поехать в Домбай на Новый год?

— В Домбай? — удивился Ник.

— Моя соседка с мужем и сестрой были там в прошлом году, им очень понравилось. В этом тоже собираются, зовут меня…

если и вы поедете, будет круто… И путевки, если сейчас брать, не очень дорого выйдут.

— Ну… я даже не знаю, — растерялся Ник. — Надо с Лексом поговорить…

В этот момент у него зазвонил телефон.

Номер не определился, Ник поднес трубку к уху.

— Да?

— Помни про настоящее, — сказал в трубку незнакомый голос.

— Что-что? — переспросил Ник, но на том конце провода уже отключились.

Ник пожал плечами и спрятал телефон.

— Кто это? — спросила Синка, заметив недоумение на лице парня.

— Фиг знает, ошиблись, наверное.

— Что сказали? — невинно поинтересовалась девушка.

— Попросили не забывать про настоящее и сбросились, — хмыкнул Ник.

Может, ему показалось, но на мгновение у Синки вдруг изменилось лицо. Стало каким-то непроницаемым, всего на мгновение.

А затем снова стало обычным, и она даже улыбнулась.

— Да, наверное, ошиблись. — Синка встала. — Ладно, я побежала, спасибо за кофе, если надумаете в Домбай ехать, звоните-пишите-шлите телеграммы.

Если надумаете… Ник уже сейчас сказал бы, что согласен, что хочет поехать, даже если бы весь следующий месяц пришлось сидеть на голодном пайке. К сожалению, был еще один персонаж, от которого зависела эта поездка, и Ник подозревал, что ему эта идея не понравится.

Этим же вечером Ник, вернувшись домой, вошел к Лексу в комнату и с порога коротко обрисовал ситуацию.

— Синка приглашает в Домбай на Новый год. У них там компания собирается, нас зовут. Ты как?

Лекс, как обычно, сидел у компа и что-то кодил. Выслушав, он, не отрываясь от монитора, глухо спросил:

— Что значит: приглашает? У нее там дом что ли?

А он ведь прекрасно понял, о чем идет речь, мелькнуло у Ника.

— Приглашает — это в смысле: приглашает в компанию ее друзей. Горящие путевки, платит каждый за себя, отдыхаем вместе.

На этот раз пауза была дольше.

— У меня денег нет, — наконец ответил Лекс.

Он стал что-то набирать на клавиатуре, но было ясно, что делает он это бездумно, просто чтобы создать видимость занятости.

Ник хотел еще что-то сказать, но передумал и шагнул за порог. Вдогонку ему раздалось:

— А когда она пригласить нас успела?

Врать Ник не захотел, сказал правду.

— Виделись сегодня. Случайно встретились в «Кофемании», ну и…

— А, ну да, ты же теперь в ресторанах обедаешь…

Ник на колкость решил внимания не обращать, закрыл дверь комнаты, прошел на кухню.

Казалось бы, разговор был закончен, однако вскоре на кухне появился и Лекс. Достал из холодильника минералку, плеснул в кружку.

Как только Ник увидел его лицо, сразу понял: сейчас начнется выяснение отношений.

— Значит, договор наш решил нарушить? — сделав глоток, процедил Лекс.

— Я не нарушал… — поморщился Ник. — Говорю же: случайно встретились.

— Ну, конечно, случайно…

Допив воду, Лекс не спешил уходить, поинтересовался:

— И что, ты теперь в Домбай поедешь?

Ник посмотрел на него, подумал, что немного позлить ленивого друга совершенно не помешает.

— Отдохнуть не мешало бы.

— А, ну да, ты же трудяга, — с сарказмом и с плохо скрытым раздражением произнес Лекс.

И этого сарказма было достаточно, чтобы Ник завелся.

— Да, в отличие от тебя я трудяга! — с вызовом бросил он. — Кому-то же надо работать, чтобы квартиру оплачивать, еду… пока другие ни хрена не делают…

— Не понял… — брови Лекса взметнулись, словно щетки на лобовом стекле. — Ты меня что, куском хлеба попрекаешь?

— А чем тебя еще попрекать? — презрительно бросил Ник. — Тем, что ты на работе дизайном своей тупой игрушки занимаешься?

— Моя игрушка не тупее тебя, понял? Начальничек, мля… че, повысили, так теперь понты кидать можно?

Костер ссоры постепенно разгорался, масла в огонь обе стороны подливали щедро.

— А ты завидуешь, да?

— Да было бы чему!

— Да уж есть чему. Что, думаешь, я не заметил, как тебя перекосило, когда я телефон купил?

Слово за слово, разговор закончился тем, что Лекс пообещал, что отныне не притронется ни к чему, что купил Ник, и ушел к себе, хлопнув дверью.

Ник остался на кухне. Совсем недавно он бросил курить, но сейчас не выдержал. Порывшись в ящиках, нашел-таки пачку с несколькими сигаретами.

Ник считал себя правым и не понимал, почему Лекс не замечает своей вины. Пуская дым в окно, вглядываясь в безликие корпуса новостроек напротив, Ник размышлял над тем, как заставить своего друга взглянуть на себя со стороны.

Это была их первая серьезная ссора.

Конечно же, они помирились. Спустя несколько дней. Вот только, как в анекдоте, осадочек остался.

ГЛАВА 8
ВЫБОР ЛЕКСА

Москва, январь 2002 года.

Лекс не любил холодные зимы, а эта, казалось, выдалась особенно холодной. Снег, метели, колючий ветер, гололед — на улицу хоть не выходи.

От кого-то Лекс услышал, что с каждым годом зимы холоднее становятся — на полградуса или на градус. Можно, конечно, проверить по интернету, но Лексу лень было заморочиваться.

Плевать на погоду. Других проблем по горло.

В середине января он встретился с Мусорщиком.

Пришлось.

Встреча происходила в «Зависли», на этот раз в самом клубе — в кабинете администратора, а не в машине у входа.

Встрече предшествовала небольшая странная история. Сразу после новогодних праздников — отмечали, кстати, у одного из сотрудников дома — Лекс, наконец-то, заимел мобильный телефон.

Выкроил с премиальных, с сэкономленных, в ближайший выходной поехал на Горбушку и купил недорогой «Самсунг».

Там же и подключился, только не к «Билайну», как Ник, а к МТС.

Номер даже не успел никому сказать, только-только домой ехал, сжимая в руке пакет с покупками. И телефон зазвонил.

Когда Лекс отвечал на этот первый звонок, он был на сто процентов уверен, что это представитель оператора.

Но это оказался Мусорщик. Спокойным, равнодушным голосом он попросил Лекса приехать в течение дня в «Зависли», чтобы обсудить детали дальнейшего сотрудничества.

Откуда у Мусорщика оказался номер мобильного, Лекс даже предположить не мог. Но в подсознании прочно прописалась уверенность: возможности у Армады действительно большие.

Детали дальнейшего сотрудничества.

Формулировка не предвещала ничего хорошего. Лекс к этому времени уже пару раз задерживал платежи для художника и перловика, и хотя сроки ограничивались одним-двумя днями, все равно было несколько тревожно.

Он даже домой заезжать не стал, сразу поехал в компьютерный клуб.

Его встретили у входа и провели в кабинет администратора.

Это был явно не кабинет Мусорщика, однако тот вел себя здесь так, словно находился у себя дома. Пепельница засыпана горкой яблочных огрызков, а сам он — по-прежнему в темных очках и шарфе — сидел, закинув ноги на стол.

— Присаживайся, — кивнул Мусорщик на стул напротив, а после радушно предложил: — Чай, кофе?

— Нет, спасибо, — мотнул головой Лекс.

— Поздравляю с покупкой.

— Спа… спасибо.

Лекса так и подмывало спросить, откуда тот узнал новый номер, но не решился. По большому счету, это не так уж и важно.

Мусорщик доел яблоко, тем самым увеличив гору огрызков в пепельнице, облокотился на стол и спросил:

— Ну что, Леха… Леха-Леша-Алексей… что с тобой делать будем?

— В каком смысле? — напряженно спросил Лекс.

— В прямом. Людей ты моих обманываешь, за работу им платить не хочешь…

— Почему не хочу? Я на следующей неделе оплачу все. У меня зарплата будет, и я сразу рассчитаюсь…

— А причем тут твоя зарплата? — удивленно спросил Мусорщик.

— Ну как… — растерялся Лекс. — Я же получаю зарплату и с нее выплачиваю гонорары…

Он запнулся, догадавшись, что его собеседник все прекрасно понимает и просто издевается, играется, как кошка с мышкой.

А Мусорщик не унимался.

— Зарплату, значит… То есть теперь мы должны ждать, когда у тебя будет зарплата. А ты художнику объяснил уже, почему задержка?

— Я пытался, но он же по-русски не понимает… Вы же поменяли мне художника, помните?

Это было правдой. За несколько дней до Нового года у Лекса сменился художник. Новый был китайцем, совершенно не знал русский, английский знал немногим лучше, и не всегда понимал, чего от него хотят. Тем не менее, рисовал он хорошо и задания выполнял в срок и даже раньше. У Лекса было подозрение, что китаец работает не один, но выяснить, так ли это, у нового художника было еще сложнее, чем у прежнего, уральского, дарования. Сказывался труднопреодолимый языковой барьер.

— То есть ты ему ничего не объяснил, а решил…

— Я пытался, но он…

— Еще раз перебьешь меня, и я тебе палец сломаю, понял?

Теперь перед Лексом сидел не обычный молодой парнишка,

стильно одетый любитель яблок. Теперь перед ним сидел раздраженный и злобный хмырь, от которого непонятно что можно было ожидать.

Лекс нервно улыбнулся, кивнул, сглотнул слюну — все это в течение одной секунды.

— То есть ты ничего художнику не объяснил, не договорился с ним, — продолжил Мусорщик. — А просто решил, что заплатишь ему тогда, когда у тебя будут деньги, так?

— Нет, — набравшись храбрости, твердо ответил Лекс. — Не объяснил.

Мусорщик задумался, вздохнул, потом сказал:

— Знаешь, если честно, я не должен сейчас с тобой здесь разговаривать. Организация, в которой я работаю, имеет свои правила, и я должен им подчиняться. Я даже не должен был вызывать тебя.

Я должен был всего лишь дать твои контакты нашим юристам.

Можно только догадываться, кто в Армаде исполняет роль юристов — жулики с адвокатскими корочками или бандюки с корочками ЧОПов, а то и МВД.

Лекс сглотнул, ожидая продолжения речи, но Мусорщик сделал выжидающую паузу, и Лексу ничего не оставалось, как спросить:

— Почему же не дали?

— Потому что за тебя попросили, — ответил Мусорщик.

— Кто? — угрюмо спросил Лекс. — Макарыч?

Вместо ответа Мусорщик ткнул в сторону Лекса указательным пальцем и произнес:

— С твоей стороны зафиксировано нарушение договора. Преступление, которое пока останется без наказания. Говоря судебным языком, ты сейчас получил условный срок. Считай, что ты легко отделался. Разберись с художником в течение недели. До свидания.

Он махнул рукой, давая понять, что разговор окончен.

Когда уже Лекс выходил из кабинета, Мусорщик бросил ему вдогонку:

— Уверен, ты прекрасно понимаешь: если начнешь скрываться и игнорировать нас, будет только хуже.

Когда Лекс вышел из «Завислей», завибрировал пейджер.

Синка желала срочно связаться с ним по какому-то очень важному делу. Наплевав на расходы, Лекс позвонил по указанному номеру с новенького сотового.

— Слушай, тут с тобой один человек хочет пообщаться. Вроде какое-то дело с хорошим финансированием.

— Кто?

— Помнишь в Подвале я вас с Бадом знакомила? Ну, инфо трейдер…

— Ага, помню, — с некоторым разочарованием сказал Лекс. Он рассчитывал, что это будет кто-то более серьезный, а не этот болтун из полуподвального притона.

— У него к тебе дело.

— Ко мне? — удивился Лекс.

— Слушай, ну я не знаю, он сказал, что есть к тебе дело, а что за дело говорить не стал. Если не хочешь с ним общаться…

— Запиши мой номер, — прервал Синку Лекс и не без удовольствия уточнил: — Это мой сотовый.

— Вау, круто, поздравляю с покупкой…

Лекс продиктовал свой номер. Телефон зазвонил через несколько минут. Знакомый голос произнес:

— Чувачок, здорово!

— Привет.

— Слушай, мне Синка сказала, что ты в Майле работаешь, так?

— Эээ… ну, допустим.

— Чувачок, нам надо встретиться. У меня есть предложение, от которого ты не сможешь отказаться. Я сейчас на Профсоюзной, сможешь подъехать?

До Профсоюзной от «Завислей» было рукой подать. Ответ был очевиден.

Через полчаса Лекс уже сидел в небольшой кафешке и внимательно слушал инфотрейдера.

Много кофе, еще больше сигарет.

Речь шла о промышленном шпионаже. Правда, сам Бад назвал это «небольшой услугой», за которую предлагал вполне приличные деньги. Технически ее было очень легко выполнить, проблема была лишь в последствиях, которые могли поставить под угрозу будущее не только Лекса, но и Ника. Впрочем, насчет Ника Лекс как раз и не переживал. Обида на друга все еще сидела занозой в сердце, так что момент для предложения инфотрейдер выбрал самый что ни на есть удачный.

Бад оказался прав: от его предложения Лекс не смог отказаться. Несмотря на то, что это, по сути, было не только предательство, но и преступление.

Семь бед — один ответ.

ГЛАВА 9
КРАХ

11 марта 2002 года.

Беда не приходит одна. Беда имеет обыкновение врываться внезапно и, при этом, стремительно множиться. И справиться с этим нет никакой возможности.

Причем происходит это обычно в такой момент, когда кажется, что все зашибись, круто, а дальше будет еще лучше, ура!

И тут на, тебе, по загривку!

Понедельник — самое обычное время для начала неприятностей.

Девяносто процентов всех проблем должны быть благодарны своим появлением первому дню недели.

Еще позавчера был праздник. Международный женский день: цветы, открытки, поздравления реальные и виртуальные…

Синка пришла в восторг не только от фарфорового ангелочка, но и от странички с поздравлениями, которую Ник собрал, можно сказать, собственными руками.

Они сидели в кафе, потом гуляли по городу, потом пошли в кино и там, словно пятнадцатилетние подростки, жадно целовались на последнем ряду.

Потом еще много чего было, дома у одной из Синкиных подруг, которая так удачно была в отъезде. Ник вернулся домой только вчера рано утром и сразу завалился спать, счастливый и довольный.

Весь вечер он работал, точнее, пытался работать. У него была задумка: написать алгоритм для вируса, который мог бы переписывать свой код, но вчера, понятно, было не до работы. Обменивался с Синкой смсками — вот чем он занимался весь вечер.

А утром, в понедельник, пришел на работу, и камень покатился под откос, набирая скорость.

В их отделе с утра не было никакой связи. Все компьютеры оказались заблокированы не только для выхода в интернет, но и в локальной сети. При этом в соседних отделах все было в полном порядке. Никто из техотдела внятно ничего объяснить не мог, лишь мямлили про какие-то технические неполадки.

Это было странно. И глупо.

Ник только-только собирался выяснять, что там случилось в техотделе, как его вызвал к себе Гришин.

Разговор предстоял серьезный и неприятный — Ник почувствовал это, едва услышал голос Гришина, и уверился в своих опасениях, когда вошел в его кабинет.

Кроме Гришина, в кабинете был еще Женя Ифрит — начальник службы безопасности корпорации, крайне молчаливый и угрюмый чел неопределенного возраста — от тридцати до пятидесяти. Он сидел у стены и ковырялся в мобильнике, но надо знать Ифрита, чтобы понимать: всегда, когда кажется, что он ничего не делает, он максимально сосредоточен.

Это у него мимикрия такая.

Уже подспудно ощущая тревогу, Ник присел за стол напротив Гришина. Тот откашлялся, потом начал издалека:

— Ник, ты знаешь, как я к тебе хорошо отношусь. Нет, правда, до сегодняшнего дня к тебе, по сути, не было никаких претензий.

Вступление не сулило ничего хорошего. Ник напрягся.

Гришин тужился, видимо, пытаясь подобрать слова, а потом решил не тянуть кота за хвост.

— Короче! — он махнул рукой, словно воздух рубанул, посмотрел на Ифрита. — У нас, точнее у вас, проблема. Очень серьезная.

Женя?

Ифрит, в отличие от Гришина, был не менеджером, а технарем, поэтому говорил коротко и по делу.

— Кто-то из твоего отдела последнюю неделю копировал базу с частной перепиской. Копировал на внешние носители, которые так и не получилось найти. В общем, базу по частям выносили из офиса и сливали кому-то налево.

Прежде чем Ник смог осмыслить услышанное, Гришин поспешил добавить:

— Это очень серьезная ситуация. Спустить такое на тормозах не получится. В общем, Ник, во-первых, нам надо знать, кто это делал, и кому сливалась информация.

Ника так и подмывало спросить, что же будет «во-вторых», но вместо этого он, немного ломающимся голосом поинтересовался:

— Вы подозреваете кого-то конкретно?

— Мы подозреваем твой отдел, — сказал Гришин. — У тебя есть три дня, чтобы найти виновника. Иначе нам придется расстаться со всем отделом — и, поверь, это максимум, что я могу сделать, учитывая мое уважение к тебе.

Корпорации не выгодна шумиха, связанная с утечкой информации. Тем более, базы с частной перепиской. Поэтому никто не будет подавать в суд, ограничатся увольнением. Но и терять работу Нику не хотелось. Особенно сейчас, когда никаких

других источников доходов нет.

Да и не в доходах только дело ведь. Нику всего двадцать лет, а он уже начальник отдела в крупной корпорации. Вся карьера впереди… увольнение будет не просто fail, а epic fail.

Ник вернулся в отдел со смешанными чувствами. Он не стал сразу рассказывать всем, что произошло, сначала просто осматривал всех сотрудников, пытаясь понять, кто из них согласился ради денег, или еще по какой-то причине фактически предать своих коллег.

Все работали, как и раньше, никаких изменений не было.

Все как обычно, только теперь Ник знал, что в отделе завелась «крыса».

Ему нужно было посоветоваться с кем-то. Лекс? Несмотря на то что в последнее время между ними отношения нельзя было назвать братскими, больше у Ника друзей не было. Ну, разве что Синка, но она в этой ситуации была бесполезна. Не привлекая внимания, Ник тихо сказал, приблизившись к столу Лекса:

— Надо поговорить.

Они вышли в переговорную, там Ник пересказал Лексу разговор с Гришиным.

— Это точно кто-то из нашего отдела? — спросил Лекс, закуривая.

— Ифрит так сказал, — пожал плечами Ник.

— А кто точно, они не знают? — спросил Лекс.

— Если бы знали, наверное, мы бы тут не сидели? — буркнул Ник.

Он посмотрел на Лекса, и вдруг его осенило. Словно все кусочки мозаики-пазла сложились воедино, в целую картинку.

— Лекс… — медленно произнес Ник.

— Да?

— А откуда у тебя деньги? Телефон, художника ты оплатил, перловика…

— Ты что, думаешь, что это я?

— Я пока ничего не думаю, а спрашиваю.

— Ты меня подозреваешь… — Лекс тяжело задышал. — Ник, ты попутал?

— Путает паук паутину. Я тебя пока не обвиняю, потому что надеюсь, что ты объяснишь мне, откуда у тебя деньги?

— Я что, отчитываться перед тобой должен?

— Ты что, не понимаешь? — воскликнул Ник. — В нашем отделе «крыса», и в это же время у тебя появляются деньги! Что мне думать?

— Да мне плевать, что тебе думать! Считаешь, что это я? Доказывай. Не можешь? Пошел нах!

Он вышел из переговорной, хлопнув дверью.

День закончился ничем. Ник переговорил со всеми из отдела, объяснил ситуацию. Поговорил с Ифритом, но тот лишь развел руками.

— Если бы мы знали, кто — мы бы уже действовали, — ответил Ифрит. — Так что это твой крест.

Отчаяние охватило Ника. Он не знал, что делать — с одной стороны, не хотелось верить, что это мог сделать Лекс, с другой стороны, больше подозревать было некого.

Возвращаясь домой, Ник вдруг нестерпимо захотел увидеть Синку.

Позвонил ей на мобильный, но она не отвечала. Набрал через несколько минут — бесстрастный женский голос сообщил, что абонент находится вне зоны действия.

И тогда Ник решил поехать к ней домой. Вот так, без предупреждения, познакомиться с бабушкой, а потом официально сделать Синке предложение, от которого она не сможет, не должна отказаться.

Он был пару раз возле ее дома, провожал до подъезда, и знал, что она живет на шестом этаже в квартире с угловыми окнами.

Дождавшись, пока кто-то из местных откроет подъезд, Ник поднялся на шестой этаж и позвонил.

Дверь открыл мужик лет сорока в потертых тренировочных штанах и мятой майке.

— Здрасьте… — растеряно произнес Ник. — А Син… а Инну можно?

— Какую Инну? Нет тут никаких Инн, — с подозрением ответил мужик.

— Сема, кто там? — послышался басовитый женский голос, совсем не похожий на Синкин.

Квартиру, что ли, перепутал? Вроде нет, этаж тот же.

— Ей двадцать лет, светлые волосы, короткие… — быстро перечислил Ник приметы девушки. — Глаза разного цвета, один зеленый, другой синий… У нее бабушка еще больная, еле ходит.

— Ни разу не видел тут таких, — ответил мужик. — И бабушек больных у нас нет, все здоровые, слава Богу. А тебе подъезд из какой квартиры открыли?

Дальше продолжать диалог смысла не было.

Спускаясь по лестнице, Ник снова набрал номер Синки. И снова тот был отключен, либо вне зоны действия сети.

А когда Ник вернулся домой, то первое, на что обратил внимание — это довольное, даже счастливое лицо Лекса. Обычно не вылезавший из своей комнаты, он шуровал на кухне. Бутылка вина, уже наполовину початая, тарелка сыра.

— Можно спросить, от чего ты так прешься? — хмуро спросил Ник.

— Я игру запустил в бета-тесте, — похвастался Лекс.

— Ты что, идиот? — осведомился Ник. — Нас уволят не сегодня-завтра…

— Да и пох. — ответил Лекс. — У меня все хорошо, чего и тебе желаю. Мы, кстати, собираемся на следующей неделе в Турцию, не хочешь присоединиться?

— Мы — это кто?

— Я и Синка, — Лекс выждал несколько мгновений, чтобы насладиться оторопевшим видом своего друга, потом добавил: — А ты что, думал, что я буду молча наблюдать, как ты ее окучиваешь?

Посмотри, малышка, какой я крутой. Ай эм CEO, бля… все, теперь ты не сеошник, а такой же лох, как и я. Только у меня есть деньги, а у тебя нет. Или есть? Поедешь в Турцию?

Лекс был пьян, поэтому и не контролировал себя. Лицо Ника потемнело, но Лекс этого не замечал. Или не хотел замечать.

— Что, думал, будешь ей втихаря ангелочков дарить, а я типа все схаваю? Не выйдет, братец…

Ник вздрогнул. Заметив это, Лекс осклабился.

— Это она мне вчера рассказала, про ангелочка. Когда мы в кино ходили… Ник, а рассказать тебе, что мы после кино делали? Трахались мы. Пока ты дрочил на ее смски…

Он бы, наверное, еще много чего сказал, только Ник остановил этот словесный поток, врезав изо всех сил Лексу в челюсть.

Если бы попал в подбородок, то вырубил бы, но Лекс уклонился, кулак лишь скользнул, зацепив губу. Обратка не заставила себя ждать. Лекс рассек Нику бровь. Заливаясь кровью, они обменялись еще двумя ударами ногами, прежде чем сцепились в борьбе.

Силы были неравны. Ник проигрывал в боксе, но выигрывал в борьбе, и вскоре взял Лекса на удушающий.

Отключаясь, Лекс прохрипел, подражая Масяне:

— Директор? Пошел ты нах… директор.

Кислород перестал поступать в мозг, Лекс уснул на руках Ника.

Тяжело дыша, Ник поднялся. Вся кухня была в их крови. Снова смешалась, подумал Ник. Как несколько лет назад, правда, при других обстоятельствах.

Прижал полотенце к ране, уселся за стол. Помедлив, снова набрал Синку.

С момента последнего набора ситуация не изменилась.

Лекс очнулся спустя несколько минут. Поднялся, пошатываясь.

Тыльной стороной руки вытер кровь, угрюмо посмотрел на Ника.

— Ты мне больше не брат.

— Угу, — подтвердил Ник. — У меня к тебе только два вопроса.

Давно ли ты с Синкой, и кому ты сливал данные из компании.

Вместо ответа Лекс улыбнулся и показал Нику средний палец.

Через два дня весь их отдел был сокращен. Вернули трудовые книжки, даже выплатили остатки по зарплате.

— Должен вас предупредить, — сказал Ифрит на прощание. — Вы никогда не сможете работать в Майле или в аффилированных структурах. Ничего личного, это внутрикорпоративные правила.

Никто в этом и не сомневался.

Еще через день Ник съехал с квартиры на Юго-Западной. Жить в одной квартире с Лексом он больше не мог. И видеть тоже.

Синке он так и не смог дозвониться. Она исчезла.

ГЛАВА 10
СДЕЛКА

Москва, Жулебино, конец 2002 года.

Жесткий диск Seagate Barracuda емкостью в 40 гигов лежал на дне спортивной сумки «Adidas», скрытый четырьмя парами теннисных носков. В этой же сумке лежал пакет с сэндвичем, пара сорочек, жестяная банка колы и две осколочные гранаты, от колец которых тянулись нитки к ползунку молнии. Усики у колец заблаговременно отогнуты — если кто-то решит открыть сумку без позволения хозяина, у него будет несколько секунд, чтобы избежать превращения в фарш.

Сумка принадлежала Баду — молодому худощавому парню с красными кроличьими глазами и серьгой в форме значка Internet Explorer.

Бад шел по улице, сжимая ручки сумки вспотевшей ладонью, и постоянно скашивал глаза в разные стороны, чтобы убедиться, что за ним не следят. Он не был параноиком и обычно, идя по улице, чувствовал себя более спокойно. Но сегодняшний день, а точнее, сегодняшняя встреча, сильно отличалась от остальных, и требовалось быть начеку каждую секунду.

Воротник куртки поднят, шапка, наоборот, натянута максимально низко. И дело не в том, что на улице холодно, хотя и в этом тоже.

Главная причина — в чертовых камерах наблюдений, которые сейчас стоят на каждом углу. Бесстрастно фиксирующих всех прохожих, независимо от пола и вероисповедания.

Большой Брат is watching you. Таковы реалии современного мира и никуда от этого не деться. С каждым годом количество объективов на улицах будет только увеличиваться, что бы там не орали любители свободы и независимости.

Впрочем, грех жаловаться на камеры наблюдения тем, кому эти камеры помогают зарабатывать на жизнь.

Бад был инфотрейдером, одним из тех, кто за деньги продает любую информацию. И сейчас он шел на встречу, которая могла принести или кучу денег или же кучу неприятностей.

В неприятностях, в отличие от денег, Бад не нуждался. Он собирался вступить в очень серьезную организацию, а для этого требовались две вещи: незапятнанная биография и крупная сумма в качестве вступительного взноса. Если на встрече все пройдет гладко, биография останется незапятнанной, а денег будет

достаточно. Поэтому еще раз: внимательность и осторожность.

Вторую руку Бад держал в кармане куртки — ладонь сжимала рукоятку восьмизарядного «Тульского Токарева». Вряд ли пушка поможет на встрече, если возникнут какие-то осложнения, но все же оружие дает ощущение уверенности и спокойствия. Пусть даже и мнимое.

Содержимое винчестера на 40 гигабайт украдено у крупной корпорации, что гораздо опаснее, чем, скажем, воровство у государства. Обычно службы безопасности, стоящие на страже частного капитала, куда более профессиональны и эффективны, чем, например, набранные по объявлению ламеры из управления «К». Кроме того, у корпоративных безопасников развязаны руки, и они не станут церемониться, если возьмут Бада с поличным.

К счастью для Бада, в корпорации хотя и знали о факте воровства, но не подозревали, насколько ценной она была. Несколько мегабайт кода для спам-фильтра, база адресов крупнейшего почтового портала России и очень много гигабайт частной переписки.

По большому счету, мусор.

Безопасники даже не смогли вычислить шпиона, который скопировал данные и принес Баду. Уволили весь отдел, попавший под подозрение, и постарались забыть о неприятном происшествии.

За содержимое винчестера Бад заплатил бывшему сотруднику корпорации двенадцать штук. Плюс пара штук ушла на мелкие побочные расходы. Заказчик был готов выкатить двести тысяч.

Выглядело гораздо прибыльнее, чем торговля наркотой, оружием или человеческими органами. С такими деньгами шанс словить пулю в башку очень высок даже для тех, чьи спины прикрыты авторитетом организаций вроде Армады. А уж одиночка вроде Бада вообще выглядит потенциальной жертвой. Поэтому в сумке гранаты, а в кармане «Тульский Токарев». Если не спасут, то хоть подстрахуют.

Встреча назначена в Маленькой Японии — Жулебино, район за МКАДом, где нет даже метро, зато количество японских ресторанов и суши-баров на душу населения больше, чем в Токио или, например, в Нью-Йорке.

В Маленькой Японии почти нет ментов, а власть корпораций снижена до минимума. Все потому что этот район контролируют «гуми», японские группировки, более известные россиянам как якудза. Эти парни не терпят чужаков и предпочитают самостоятельно разбираться в своих проблемах — как бытовых, так и социальных.

Бад не любил японцев. Несколько лет назад сильно отравился

сашими и едва не отдал богу душу. С тех пор он не любил все, что связано со страной восходящего солнца. Но двести штук — это именно та сумма, которую надо внести, чтобы вступить в самую крупную организацию инфотрейдеров и получить доступ в буквальном смысле ко ВСЕМУ. Поэтому нелюбовь к японцам сменилась толерантностью, как минимум, до завершения сделки.

Заказчика звали Сукуригато. Про него почти ничего не было известно, кроме того, что он, практически безвылазно, сидит в московском Джапан-сити и занимается, в основном, промышленным шпионажем в пользу японских IT-корпораций.

За него замолвил словечко гарант с высоким рейтингом, и, тем не менее, Бад взял на встречу пушку, а в сумку с винчестером положил две осколочные гранаты. Береженого Бог бережет.

Встреча с Сукуригато назначена в ресторане «Хатто». Впрочем, ресторан — название условное. Скорее, закрытый клуб, рекламы которого не найти ни в интернете, ни в справочниках, ни даже на уличных указателях. Идеальное место для тайных встреч.

«Хатто» находится на третьем уровне подземной парковки на углу 14-й линии и Ченцова. Попасть туда можно только через лифт и охрану на втором уровне, состоявшую из молодой японской гопоты, неимоверно дерзкой и непредсказуемой.

Один из них, игнорируя сообщение Бада о том, к кому он пришел на встречу, попытался залезть в сумку и посмотреть, что там лежит. Пришлось несильно дать ему пистолетом в зубы, после чего под дулами двух калашей и одного «Узи» дождаться более вменяемого охранника.

Лифт, спрятанный за раздвижными стенами второго уровня стоянки, опустил Бада на несколько метров и выплюнул в полутемную залу с колоннами. Посетителей не было, однако между столами сновали официантки-гейши с белыми, словно у зомби, лицами.

Едва за спиной Бада закрылись створки лифта, к нему сразу же подошел японец-администратор, маленький человечек в костюме, непрерывно кланяющийся, словно андроид на батарейке.

— Господина Иван Иванов? — спросил он с сильным акцентом.

— Угу, — кивнул Бад.

— Господина Сукуригато ожидать вас. Ходите са мной, посалуйста.

Они прошли к дальнему углу, огороженному ширмой. Указав на ширму, администратор поклонился в последний раз и, пятясь задом, исчез куда-то, растворившись в полумраке среди колонн.

Здесь Бад и почувствовал первое беспокойство, когда увидел заказчика. Тот сидел за столом, на котором высилась красиво сложенная горка из костяных фишек, похожих на домино, только с узорами вместо точек. Тусклый свет от двух небольших светильников падал на тонкие холеные пальцы, перекладывающие фишки маджонга.

Это был китаец. Играющий в национальную китайскую игру в японском клубе.

Надо быть слепцом либо нацистом, чтобы не различать китайцев и японцев. И надо быть кретином, чтобы не понимать очевидной вещи: не может китаец быть лидером японской мафии, как японец не может верховодить в китайской группировке.

Это все равно что вайнах станет лидером «Славянского союза».

Абсурд.

И, тем не менее, за столом сидел китаец. Он раскладывал пасьянс маджонга, время от времени делая маленькие глотки из пиалы.

При виде Бада сделал рукой жест, приглашая сесть за стол.

Бад уселся. Тут же семенящая японка с лицом мертвой куклы поставила перед ним вторую пиалу и налила в нее чай из бронзового чайника с длинным, метра в полтора, носиком.

— Ты Сукуригато? — с сарказмом осведомился Бад, не притрагиваясь к пиале.

— Можешь называть меня Чен, — ничуть не смутившись, ответил китаец.

Он говорил по-русски без малейшего акцента, и Бад решил, что это один из тех китайцев, чьи предки жили в России, как минимум, несколько поколений.

— У меня встреча с Сукуригато…

— Его не существует.

— Прости, что?

— Сукуригато не существует, — пояснил китаец. — Это выдумка. Мираж. Фиктивный образ для отвлечения внимания. Когда ты вступишь в Синдикат, тебе станет доступна эта информация.

— Куда вступлю?

— Брось, Бад, — отмахнулся китаец. — Те двести тысяч, что ты получишь, разве не пойдут на оплату вступительного взноса в Синдикат Д?

У него был короткий ежик волос на голове, делавший его похожим на юнца, но почему-то казалось, что этому азиату не меньше полтинника. Кроме того, от него за версту несло опасностью, отчего хотелось побыстрее закончить сделку и

свалить отсюда. Наверное, дело было во взгляде — тяжелом, неприятном взгляде человека, который не только часто видел смерть, но и был ее причиной. Взгляд убийцы, проще говоря.

Бад больше не стал ничего не говорить, ни подтверждая, ни опровергая слова Чена. Но тот сам объяснил, откуда ему известно о намерениях Бада.

— Та организация, чьи интересы я сейчас представляю, сотрудничает с Синдикатом с момента его появления. Я знаю о тебе чуть больше, чем должен, но уверяю, эти знания были получены исключительно ради того, чтобы убедиться в твоей надежности. Надеюсь, ты не воспримешь это как оскорбление, эээ… господин Иванов Иван Иванович?

Вместо ответа Бад поставил сумку на край стола, постаравшись не зацепить аккуратную гору из костяных фишек. Открывать ее не спешил, изучающе посмотрел на Чена, потом хрипло спросил:

— А что с деньгами, чувачок?

— Как только я удостоверюсь, что ты принес именно то, что мне нужно, я переведу деньги, как мы и договаривались, — сразу же ответил Чен.

Бад колебался, потому что понимал: стоит ему отдать винчестер с данными, как стоимость его жизни упадет до нуля. Заметив его колебания, Чен улыбнулся:

— Я так понимаю, что слово гаранта для тебя никакой роли не играет?

— Знаешь, чувачок… — пожал Бад плечами. — Гарантов много, а жизнь у меня одна.

— И что ты предлагаешь делать в этой ситуации? — поинтересовался китаец. — Чтобы я перевел тебе двести тысяч, а потом смог посмотреть на товар? Кажется, у вас это называется «купить кота в мешке».

По условиям Бад действительно должен был предъявить товар, но уж очень не хотелось это делать сейчас, когда окончательно стало ясно, что заказчик не корпоративный шпион, а убийца.

Впрочем, другого выхода не было.

Осторожно приподняв сумку, Бад сунул руку в потайной карман, отодрал липучку и вытащил винчестер с данными, что называется, с черного хода.

Протянул собеседнику. Чен взял винчестер, поднял руку с ним вверх. Тут же из темноты за его спиной появился японец, взял винт и скрылся с ним в темноте.

— Думаю, проверка займет не больше получаса, — сказал Чен и показал ладонью на пиалу с чаем. — Попробуй. Это Черный

дракон, собранный на севере китайской провинции Гуандун. Очень вкусно и очень полезно.

Несмотря на то, что Баду сейчас не хотелось ни есть, ни пить, он все же сделал глоток из вежливости. Напиток оказался действительно вкусным и ароматным.

— Этот чай собирают осенью, именно тогда он приобретает наиболее насыщенный вкус, — сказал Чен, убирая с горки маджонга две очередные одинаковые фишки. — Иероглиф, которым изображают этот чай, так же можно прочитать как «Расцвет». История этого чая — это история Китая…

Лекция о чае начинала утомлять. Сделав еще глоток, Бад посмотрел по сторонам и пробормотал:

— Я думал, что японцы с китайцами не дружат.

— Только на геополитическом уровне, — заверил его Чен. — Бизнес стирает границы и укрепляет дружбу.

Несколько минут они сидели молча. Бад нервничал, и, дабы скрыть свою нервозность, пил чай маленькими глотками. Чен, напротив, выглядел спокойным и довольным, занимался своим маджонг-пасьянсом и, казалось, забыл про сделку. Длинными тонкими пальцами он убирал парные кости с одинаковым рисунком, причем делал это аккуратно, не тревожа соседних костей.

Наконец из темноты снова появился японец. Наклонившись, он что-то очень тихо сказал на ухо Чену.

Китаец выслушал его, поднял голову, улыбнулся.

— Все в порядке. Это именно то, что было мне нужно. Ты выполнил свою часть сделки, я выполнил свою. Деньги переведены.

Короткая пауза, после чего Бад сунул руку в карман, вытащил коммуникатор.

Это была очень волнительная минута, в течение которой Бад пробивался к своему счету сквозь толщу паролей.

Его счет действительно увеличился на двести тысяч долларов.

Сделка завершена.

— С тобой приятно иметь дело, чувачок, — хрипло произнес Бад.

— Взаимно, — склонил голову Чен и встал из-за стола. — Надеюсь, мы еще увидимся, когда ты станешь полноправным членом Синдиката. И, как говорят в Японии, аригато за сотрудничество.

Махнув на прощание, китаец скрылся в темноте. Через секунду возле Бада появился администратор, который, снова поклонившись, показал рукой по направлению к выходу,

приглашая следовать за ним.

Бад взял сумку, на этот раз особо не осторожничая. Зацепил остатки пасьянса, гора рассыпалась, несколько фишек упало на пол, но на это даже никто не обратил внимание.

Ровно через неделю Бад оплатил вступительный взнос и стал полноправным членом Синдиката Д — международной организации, специализирующейся, в основном, на торговле информацией.

Тогда он и узнал, что его недавний собеседником — один из опаснейших террористов в мире, пред которым Ильич Рамирес и Красный Принц выглядели невинными агнцами.

Чен представлял организацию «Brotherhood of sky fire», про которую Бад так же узнал немало интересного. 9/11, Диана Спенсер, взрывы в Лондоне и Мадриде… Они были профессиональными наемниками, выполнявшими за деньги заказы любых спецслужб мира.

Зачем самой крупной в мире террористической организации понадобились недоделанный спам-фильтр к убогому почтовому сервису и частная переписка нескольких тысяч пользователей, Бад, при желании, тоже мог узнать, приложив немного усилий. Но не стал этого делать.

Помимо этого Бад получил доступ еще к такому огромному количеству информации, что все это растворилось и забылось надолго, а может быть, и навсегда. Бад стал частью системы, которая по уровню обладания информацией была первой после Бога. Он сам стал информацией.

Все остальное уже не имело никакого значения.

ГЛАВА 11
ХАКЕР

Питер-Москва, весна 2004 года.

«Она была похожа на Синку. Вот просто один в один. Их еще много будет, похожих на нее, сильно или не очень. Но эта, из Питера образца 2004 года, была первой и, наверное, поэтому запомнилась» >/dev/null

Некоторые люди имеют очень смутное представление о том, кто такие хакеры. Эти люди не видят различий между, скажем, фишером и кардером. Для них чел, который пишет троянский вирус и чел, который пишет скрипт для простенькой программы-ежедневника, принадлежат к одной профессии.

Эти люди назовут хакером любого, кто поможет им переустановить винду или найти аддон к третьему варкрафту. При этом они на каждом углу будут рассказывать своим друзьям о знакомстве с хакерами и будут превозносить возможности оных до тех пор, пока их рассказами, в конце концов, не заинтересуется управление «К».

Ник понимал, что от таких людей следует держаться подальше, а в их присутствии лучше вообще не говорить на околокомпьютерную тематику. Их тупость, как правило, непредсказуема, а, следовательно, опасна. Все это понятно, да. Но…

«Она была похожа на Синку. Вот просто один в один…» >/dev/null

Она назвала его хакером.

Дело было на вечеринке в одном сетевом клубе в Питере. Небольшая компания зависла в VIP-зале, среди них, благодаря знакомству с хозяином клуба, оказался Ник.

Несколько мажоров заспорили, сколько сейчас стоит организовать дос-атаку и что вообще для этого нужно.

Одни утверждали, что достаточно всего лишь знать представителя организаций вроде Армады или Синдиката Д. При этом никто никого не знал, а только лишь что-то слышал, поэтому уверенности в словах не было.

Вторые пытались объяснить принцип дос-атаки, но глупо путались в терминах и больше шумели, чем доносили свои мысли.

Третьи — их было большинство — отмалчивались, больше слушая и, кажется, мало понимая, о чем вообще речь. Она тоже

слушала, — девушка, очень похожая на Синку.

Ник входил в третью категорию: слушал, но не вмешивался.

Мысли частично были загружены спором, а частично — воспоминаниями.

В Питер он прибыл на прошлой неделе. Спустя два года после увольнения из Мэйл.ру и дальнейших скитаний, которые можно было назвать либо выживанием, либо получением бесценного опыта.

За эти два года Ник объездил чуть ли не полстраны. Там сто грамм, тут сто грамм — состояния так и не удалось сколотить, но зато появилась какая-никакая сетевая репутация, которая помогала получать небольшой, но стабильный доход. На жизнь хватало, и — слава Богу.

Синку он так и не смог разыскать, хотя прилагал кое-какие усилия и даже обращался к инфотрейдерам из Синдиката. Она исчезла как из его жизни, так и из жизни Лекса — это была единственная достоверная информация насчет нее.

С Лексом все было гораздо проще, он все это время жил и работал в Москве, и при желании Ник мог бы разыскать его в реале. Только смысла не было. Плюнуть ему в рожу или же набить ее — это ничего не изменит. Работу в престижной компании уже не вернуть, и даже из черного списка вряд ли удалят. Оставались только мелкие авантюры в сети и надежда на то, что когда-нибудь подвернется большой куш.

Заметив девушку, Ник задержал взгляд, стал рассматривать.

Подумал, что она очень сильно похожа на Синку, только выглядит чуть старше и глаза одинакового цвета. А она повернулась к нему и сказала:

— Ты же хакер.

И Ник не нашелся что ответить.

Вечером предыдущего дня хозяин клуба скинул Нику некоторую сумму денег, после чего Ник обновил на некоторых компьютерах клуба базы данных питерского ГИБДД. Никаких взломов, обычный апдейт программы.

И вот сегодня в этом клубе вечеринка, и незнакомая девушка, похожая на Синку, ни с того ни с сего называет его хакером. При этом сразу понятно, что она как раз из той категории людей, которые не понимают, о чем идет речь.

— Ты же хакер. Ты умеешь это делать?

— Что именно? — спросил Ник с предательской хрипотцой в голосе. Он прекрасно понимал, о чем идет речь, он просто хотел оттянуть время, чтобы понять, как действовать дальше.

— Досить сайты умеешь? — спросил один из спорщиков-мажоров.

Он их не знает. Он вообще тут никого не знает, кроме хозяина этого клуба, которого сейчас здесь нет. Может, кто-то из них мент или родственник мента, или из управления «К», или… да кто угодно.

Самый лучший, самый правильный ответ: нет. Нет, и точка.

— Это противозаконно, ты в курсе?

— В курсе. Ты технически сможешь это сделать?

— Может, и смогу… все можно, только учиться надо…

— А, ну ясно все. Такой же хакер, как я балерина. Короче, пацаны, я вам говорю, погуглите Синдикат Д или Армаду…

Спор нарастал с новой силой.

Она отвернулась от Ника самой последней. В следующую секунду он достаточно громко спросил:

— А что, есть конкретные предложения?

В помещении возникла тишина и музыка, доносящаяся с первого этажа, теперь звучала особенно громко.

Мажор, сказавший про балерину, повернулся к нему, пару секунд изучал взглядом, потом сказал:

— Двести баксов, если задосишь сайт.

— Двести баксов? — презрительно переспросил Ник. — Хочешь, я тебе триста дам, чтобы ты не парился?

Она снова повернулась, смотрела на Ника с нескрываемым любопытством.

— А сколько ты хочешь? — нервно спросил мажор.

Ник подумал, что сейчас последняя возможность, чтобы вовремя отказаться. Еще не поздно включить заднюю, пока дело не зашло о деньгах и условиях.

Но очень интересно узнать приблизительные расценки на эту работу. В смысле, сколько люди готовы платить.

Да и девчонка эта… смотрит, словно ждет чего-то.

— Кого досить надо?

Мажор переглянулся со своими дружками.

— Да есть тут сайт один. Русскоязычный, но сервак то ли в Голландии, то ли в Швеции… Экстремистский форум, там всякие фашики тусят…

— Пять штук, — небрежно бросил Ник, не став дальше слушать.

Один из мажоров хмыкнул, остальные переглянулись. Сумма была для них вполне подъемной, хоть и неожиданной. Ник ждал, теперь уже внаглую пристально рассматривая девушку, которая была похожа на Синку.

— Если обратиться в Армаду… — начал было другой мажор.

— Армада возьмет с тебя за эту работу в два раза больше. Хочешь, ищи их. — Ник пожал плечами и уставился куда-то в

угол с равнодушно-независимым видом.

Они заплатили пять штук.

У него был свой ботнет — сеть из нескольких тысяч зараженных компьютеров с автономными программами-вирусами. Получив толстую котлету из пятидесяти- и стодолларовых банкнот, Ник подключил ноут, активировал ботнет и через интерфейс на ноуте указал ботам адрес сайта для флуда — бесконечных и бессмысленных запросов.

Сайт должен рухнуть через полтора-два часа.

Пока Ник тарабанил по клавиатуре, девушка стояла рядом, и он думал о том, что надо бы обязательно узнать ее имя. Но спрашивать при всех не хотелось. Пальцы набирали команды, а сам он представлял, как ее могут звать, и если вдруг ее зовут Инна, как Синку, то это будет презабавным и, наверняка, не простым совпадением.

Сайт вместе с топорной новостной лентой и неуклюжим форумом рухнул через час. Как раз за то время, пока Ник рассказывал всем принцип работы дос-атаки и ее разновидности. Мажоры подтвердили, что работа выполнена и претензий нет.

Через пятнадцать минут после этого, та, что была похожа на Синку, сидела у Ника на коленях. У нее были карие глаза, а еще она шептала ему в ухо какую-то похабщину, при этом словно специально касалась языком мочки.

Еще через полчаса Ник стаскивал с нее свитер в какой-то подсобке и думал, что ему совершенно плевать на ее имя, потому что она совсем не похожа на Синку. Обычная телка с хорошими задницей и сиськами, но не более.

На следующий день по скайпу с ним связался Грач, хозяин клуба.

Мучимый похмельем, еле-еле выговаривая слова, он сообщил, что Ник вчера сделал две ошибки.

— Во-первых, зря ты задосил тот сайт.

— Фашистов?

— Вообще-то, антифашистов.

— А в чем разница? — поинтересовался Ник.

— В том, что ты вчера трахнул младшую сестру одного из их лидеров, а значит, поимел их дважды. Сваливай из города, дружище.

Лучше сегодня. И лучше навсегда. Тебя, кроме этих полупокеров, еще и местные фейсы ищут. Только не из «К», а из «Э». Втыкаешь?

Управление «К» занимается киберпреступлениями, под которые толком работающих законов-то и нет. А вот управление «Э» занимается экстремизмом и руки у них развязаны от

«условного» до «пожизненного». Чего ж тут не втыкать.

Надо было вчера говорить «нет». Надо было…

Надо думать о том, что будет, а не о том, что было.

В общем-то, Ник и не собирался задерживаться в Питере. В детдом, правда, хотел заехать, проведать Магарыча, но теперь, видимо, не судьба.

— Спасибо, что предупредил.

— Да не за что. Я там тебе отписал по поводу других вопросов, посмотришь, как время будет?

— Ага, посмотрю, — эти слова Ник проговорил, спешно одеваясь. — Выздоравливай.

Он остановился в одной из частных и нетребовательных гостиниц, которые построены на месте бывших коммуналок. Документы здесь не отбирали и особо даже не смотрели, лишь оплату вперед брали. Вещей немного, сумка со шмотками да ноутбук.

Вокзал рядом. Ближайший поезд на Москву через час, есть время купить билет.

Он стоял в очереди и делал вид, что слушает плейер. Постукивал пальцами по сумке в ритм, хотя в наушниках стояла тишина.

Пока ничего подозрительного не наблюдается. Скорее всего, паника преувеличена, тем не менее, надо быть начеку.

Когда кто-то несильно толкнул Ника в плечо, он вздрогнул. Повернулся, готовый в любой момент прыгнуть в сторону и дать деру.

Рядом стоял худощавый парень в бейсболке и очках с толстыми линзами. Он никак не походил ни на бойца-антифа, ни на опера из отдела по борьбе с экстремизмом. Студент-ботаник, видимо, засмотрелся в сторону, когда шел, и наткнулся на Ника. А может, плохо видел. В любом случае привлекать внимание прохожих не хотелось, и Ник, на всякий случай пробормотав извинения, шагнул в сторону, пропуская парня.

А тот не спешил проходить. Покачал головой и произнес:

— Еще не время ошибаться. Не сегодня.

— Что? — переспросил Ник.

— Встретимся здесь через два года, Тверская, 8 Б. Запомнил адрес?

Лицо очкарика показалось Нику знакомым. А через мгновение он вспомнил, где видел его раньше. В Москве, в байкерском клубе, они точно так же столкнулись… года два назад, а может, три…

— Ты кто? — спросил Ник.

— Они знают, как ты сюда прибыл. Они знают твое новое

имя.

Они будут искать тебя здесь.

Очкарик сделал шаг вперед, и шепотом добавил:

— Отсюда уходи. Уезжай на машине. А через два года вернись. Тверская, 8 Б, не забудь. Настоящее определяется будущим и создает прошлое.

— Колян! Ты где там?

— Иду!

Очкарик шагнул вперед, на ходу снимая очки и сливаясь с шумной компанией таких же, как он, студентов. Компания растворилась в толпе за считанные секунды, голоса утонули в вокзальном шуме.

Словно и не было никого.

— Вы стоите в очереди?

Перед Ником образовалось небольшое свободное пространство, и стоящая сзади тетка обеспокоилась этим.

Ник осмотрелся. Решение принял быстро.

— Нет, не стою.

И тоже смешался с толпой, сливаясь с потоком и направляясь к выходу.

Когда он уже удалялся от вокзала, то заметил несколько машин, притормозивших у входа в вокзал.

По его душу, вне сомнений. Вовремя ушел.

Через одиннадцать часов и пятнадцать тысяч рублей питерский таксист с просроченной лицензией доставил Ника в Москву.

Он вышел в Медведково. Оттуда на метро до Юго-Запада, на маршрутке до Внуково. «Скай экспресс», рейс на Ростов, место забронировано, регистрация началась.

Ступеньки, автобус, трап.

Всякий раз, когда Ник входил в салон самолета, ему казалось, что он попадает в совершенно другой, чужой мир.

Запахи иные, цвета как-то по-другому видятся, и даже музыка в плеере сразу после того, как он переступает порог самолета, начинает играть как-то иначе, чем еще несколько секунд назад.

«Убитый» скайэкспрессовский «Боинг» с тесными креслами был одной из причин, по которой Ник не любил авиаперелеты. Правда, эту причину можно легко исключить, воспользовавшись услугами более престижной (и более дорогой) авиакомпании, но есть нюансы… «Скай экспресс», ввиду своей дешевизны, был чем-то вроде автобуса, в который набивается толпа. А в толпе очень удобно затеряться. К толпе внимания всегда меньше.

Досмотр проходить легко. Из багажа у него небольшая дорожная сумка с минимумом сменных вещей, да ноутбук,

который в двух из трех случаев просят включить, чтобы удостоверится, что это компьютер, а не замаскированная бомба с часовым механизмом.

Они не знают, что иногда содержимое ноутбука может быть во стократ опаснее любой бомбы…

Система зашифрована и на входе просит ввести пароль. Их три на самом деле. Первый откроет доступ ко всему, он вводится, когда опасность равна нулю.

Второй пароль вводится в ситуациях вроде таких вот проверок в аэропорту. Открывает доступ только к разделу, где лежит всякий мусор вроде игрушек или музыки.

Третий пароль Ник еще ни разу не вводил, кроме того раза, когда настраивал систему. Введение нескольких цифр и букв уничтожит все самое ценное на ноутбуке, оставив только мусор, за который вряд ли дадут срок.

Ник ввел второй пароль, на мониторе загорелось окошко загрузки Мастдая, и проверяющий делает отмашку, мол, устройство безопасно.

Откуда же ему знать, что на винте ноута, кроме легального вируса под названием «Майкрософт Виндоус», могут храниться разработки программ, которые в дальнейшем смогут, например, уничтожить банковские платежные системы, досить любые сервера, получать контроль над центрифугами атомных станций, перехватывать управление полетами и прочая, прочая, прочая… почему нет? Возможно всё.

И не надо никаких бомб, террористов-самоубийц.

Вирусы уничтожат любую систему эффективнее, чем разовые акции.

Для окружающих Ник выглядел обычным парнем, он совершенно не походил на деструктора каких бы то не было систем. Молодой, постарше тинейджера, но моложе «офисного планктона». Свободный гражданин. На коленях ноут, в ушах наушники, в зубах резинка — вы меня не трогайте, а я вас.

Место досталось у иллюминатора, со стороны трапа. Усевшись на свое место, Ник прикрыл глаза и стал ожидать, когда закончится посадка, и самолет, наконец, покатится по рулежной дорожке на взлетно-посадочную полосу.

Люди суетились, толкаясь и раскладывая вещи по полкам, усаживаясь, — кто-то смеясь, кто-то с равнодушно-каменными лицами. Всей этой возни Ник не видел, поглощенный собственными мыслями.

Ситуация, в общем-то, из разряда «неприятность эту мы переживем». Можно отправиться на юг, можно на братскую Украину взор кинуть. Есть где затеряться и поработать какое-то

время на аутсорсе, так сказать, при удаленном доступе к заказчику.

Скорее всего, на юг. Новороссийск, Геленджик, там пересидеть какое-то время. Подумать над разработками.

Ник мысленно улыбнулся сам себе. Пять штук оказались очень кстати, так что жалеть о том, что он задосил каких-то экстремистов, не стоит.

Посадка закончилась, так что сейчас должен был начаться инструктаж от стюардесс. Но инструктаж не начинался.

Ник открыл глаза, посмотрел по сторонам. Да, действительно, люди сидели на местах, кто-то уже спал, кто-то читал, кто-то шутил-смеялся… В проходах не было никого, но почему-то инструктаж не начинался, дверь была открыта и… и даже трап оставался на месте.

Ник скосил глаза на часы. До взлета оставалось несколько минут.

Что-то не то.

— Простите… молодой человек?

Ник вздрогнул, повернулся к соседу. Точнее, к соседке. Женщина лет тридцати пяти-сорока, с ней девочка лет пяти.

— Вы не могли бы поменяться местами с дочкой? — спросила женщина, смущенно улыбаясь, — Она боится самолетов, а у окна ей не так страшно.

Ник отстраненным взглядом посмотрел на нее, снова уставился в иллюминатор.

За бортом Внуково. Сотни, а может, и тысячи самолетов, если считать те, которые находятся в близлежащем воздушном пространстве. Точное расписание, система, упорядоченные действия, никакие сбои недопустимы. С чем может быть связана задержка дешевого рейса, в котором даже не предусмотрен бизнес-класс?

— Эээ… так вы поменяетесь?

Игнорируя соседку, Ник подтянул на колени рюкзак с ноутом, будто поправляя его.

Краем уха услышал, как обидчиво фыркнула соседка, но внимания на этом, конечно же, концентрировать не стал.

— Красавица, почему задерживаемся? — послышался зычный голос какого-то мужика, сидящего впереди.

Ему не ответили, стюардесса просто юркнула куда-то за шторку, избавив таким образом себя от необходимости давать объяснения.

А потом появился черный автомобиль. Подъехал к трапу и остановился в нескольких метрах.

Как в детской сказке-страшилке… черный-черный

автомобиль, черный-черный костюм, черная-черная папка… Костюмов на самом деле было три, а вот папка — одна.

Три человека вышли из машины. У одного в руке папка, не черная, правда… черт его знает, какого она была цвета. Ник в этот момент стиснул зубы, сердце заколотилось… Неужели это за ним?

Неужели это управление «К», менты, занимающиеся компьютерными преступлениями? Или еще хуже…

Только что пять тысяч условных единиц были хорошей суммой, а сейчас кажутся бесполезными бумажками.

Это не виртуальное беспокойство, связанное с авиаперелетами, а вполне себе такой конкретный страх, который, хотя бы раз в жизни, посещает любого преступника.

Словно вся жизнь пронеслась перед глазами Ника.

Два года, которые придется уничтожить всего лишь несколькими комбинациями пальцев.

Если, конечно, эти костюмы пришли по его душу.

Ник не мог видеть, как они поднимались по трапу, но чувствовал каждый их шаг. Сердце колотилось все сильнее, он уже был готов к любому исходу.

И только лишь когда костюмы вошли в салон, и бортпроводница закрыла за ними люк, Ник почувствовал облегчение. Костюмы уселись где-то впереди, у выхода. Обычные шишки — госслужащие с корочками или бизнесмены со связями, из-за которых рейс ненадолго задержали.

Все закончилось, так и не начавшись. Но страха пришлось натерпеться — мама не горюй.

Нервы ни к черту. Надо бы бросить все и поехать куда-нибудь на месяц-два отдохнуть, так, чтобы не думать ни о чем. В какой-нибудь санаторий или на курорт заграницу.

Ник вытащил руку из рюкзака, обратив внимание, что костяшки пальцев аж побелели. Про себя сделал выдох, затем повернулся к соседке.

— Давайте, я поменяюсь с ней, — сказал, кивнув на девочку.

Женщина, удивившись неожиданной перемене в поведении своего соседа, забормотала слова благодарности и торопливо, словно боясь, что он передумает, подхватила своего ребенка.

Теперь Ник сидел с краю, возле прохода. Он уже полностью успокоился и позволил себе снова прикрыть глаза под голос бортпроводницы, проводившей стандартный инструктаж.

— …Поддуть спасательный жилет можно в поддув справа и слева. При необходимости пользуйтесь свистком…

Задумавшись над тем, в каких случаях при авиакатастрофе необходим свисток, незаметно для себя Ник задремал.

Ему снились люди — мужчины, женщины, дети — все, как один, похожие на Синку. Обычный бессмысленный рваный дневной сон, какой бывает после особенно сильных переживаний.

За весь полет проснулся Ник только один раз, когда стюардесса катила между кресел дребезжащую тележку с бесплатными напитками. Пару минут понаблюдал сонным взглядом, как, словно змеи, тянутся со всех сторон к тележке руки мучимых жаждой и падких к халяве граждан, а потом снова провалился в полудрему.

ГЛАВА 12
ДА ХРАНИТ ТЕБЯ МАТЬ-ЗЕМЛЯ

Ростов, лето 2004 года.

Ростовские пацаны с закрытого форума ассемблерщиков в большинстве своем оказались неоязычниками. Они носили длинные волосы, поклонялись Сварогу, почитали огонь и разбирались в экстремизме лучше, чем кто-либо.

— Экстремизм — это самая подлая и коварная статья, — сказал один из них, представившийся Асгардом. — Тебе на Украину надо. А оттуда в Европу. Лучше всего в Норвегию.

— Значит, туда и поеду, — кивнул Ник.

— А если он в федеральном уже? — спросил парень по имени Святобор. — Пусть лучше у китайцев сейчас перекантуется, а мы пробьем, если что.

— В общаге пару дней поживешь, — решил Асгард. — У тебя как с деньгами?

Вопрос прозвучал вполне невинно, но всё же насторожил Ника.

Всех этих людей он видел впервые. Информации, что была у него по форуму, им было явно недостаточно. Возможно, про деньги они выведывали с какой-то целью. Мало ли?

— Не очень, но на первое время, надеюсь, хватит… — уклончиво ответил Ник. — А что у вас тут, работы никакой нет?

— Работа всегда есть. Сначала хлеб-соль, а потом и дела обсудим.

Сели в пивном шатре у дороги, взяли пива, рыбы, каких-то сухариков с чипсами.

После первой кружки и тоста за встречу Асгард перешел к делу.

— Мы тут фишинг потихоньку осваиваем. Есть кое-какие наметки.

Фишинг — это подсовывание лохам липовых страниц, один в один повторяющих страницы их любимых ресурсов.

«Введите логин», «Введите пароль», и так далее. Иначе говоря, хозяин засовывает ключ в замок, и невдомек ему, что не замок там, а форма из воска, в которой от его ключа слепок делают.

— А выхлоп?

— Это буржуйское казино. Ожидаем жир, ну а там как карта ляжет. Твои двадцать копеек, если поможешь. Тебе интересно?

Размышлял Ник недолго. Двадцать процентов от взлома казино должно быть достойным выхлопом.

— Интересно. Продолжай.

Асгард быстро, в общих чертах, обозначил ситуацию. Есть интернет-казино, в нем игроки, у игроков деньги. Задача — увести пароли у игроков, слить их деньги на подставные аккаунты, потом вывод на вебмани и профит.

— Ты же в Майле антиспамом занимался, да?

— А откуда инфа? — насторожился Ник.

— Да так, люди говорили… что ты в их черном списке.

Что, правда — то правда. Корпорация не прощала предателей, и внесла имя Ника в базу данных. С каждым годом количество компаний, пользующихся ею, стремительно растёт. Ему закрыты дороги в любую более-менее крупную организацию, а это значит, что фриланс — состояние перманентное.

Но Ник не собирался обсуждать это с малознакомыми людьми, и поэтому не стал ничего комментировать. Асгард все понял и продолжил:

— Короче, надо сделать рассылку внутри казино для игроков.

С фильтром, чтобы не всем подряд слал, а только, я подчёркиваю, только играющим. Нужен скрипт, который сделает такую рассылку с нашей страничкой внутри. Еще надо уязвимости поискать, кросс-сайт скриптинг, или что-нибудь вроде этого. Желательно за пару недель управиться. Ну, как, по зубам задача?

На этот раз Ник согласился без всяких колебаний.

— Конечно.

Сделку закрепили не одним литром пива и тостами, преимущественно в честь Сварога, Даждьбога и Матери-Земли. Славно так посидели.

Его поселили в Западном секторе города, в одной из гостиниц, которые китайцы постепенно выкупали и перестраивали в общаги класса «улей». У Асгарда были какие-то замуты с хозяином одной из общаг, так что Ника даже не стали оформлять. Когда они приехали, портье просто выдал им ключи и на ломаном русском пожелал хорошего отдыха. Пока они с Асгардом поднимались в лифте, Ник поинтересовался, кому и сколько платить, на что неоязычник только отмахнулся. Речь шла о действительно смешных суммах, не достойных внимания, и уже, когда они выходили из лифта, Ник начал понимать, почему.

В скором времени здесь обещали ремонт, вентиляцию и вай-фай.

Пока же здесь — дешевые услуги и вонь, словно в конюшне. Интернет есть, но не вай-фай, а $@%№#. Впрочем, какой-

никакой, а, всё же, интернет.

Номер, который арендовал Ник, считался здесь люксовым, видимо, из-за того, что имелась вторая комната в виде шестиметровой кухни. В ней с трудом помещались двухконфорочная плитка и небольшой холодильник.

В комнате шкаф, он же кровать, он же диван. Трансформер, экономящий почти половину пространства двадцатиметровой конуры.

Небольшой столик, над ним на полке телевизор. Дизайнер, похоже, яростный противник комфорта и большой фанат Спарты.

— Я «пробью», если тебя в федеральный не объявили, можно будет в центр в нормальную хату переехать, — подбодрил Асгард. — Зато здесь спокойно, никто никого не трогает, китайцы гарантируют. Все, я пошел. До завтра! И да хранит тебя Мать-Земля.

Вечером Ник связался по скайпу с Магарычом, объяснил, что в Питере был, но в гости не заехал по уважительной причине.

— В курсе уже, Грач рассказал, что тебя в экстремисты записали, — проскрипел в наушниках Магарыч. — Ерунда это все. Просто год-два в Питере не появляйся, а потом все забудется.

Услышав про год-два, Ник вспомнил про встречу на Питерском вокзале. Тот очкарик тоже говорил про два года.

— Эдуард Макарыч, просьба к вам… Адрес у меня есть, Тверская, 8 Б, не могли бы «пробить», что за здание такое? С меня… ну вы поняли…

— Гляну, — пообещал Магарыч. — Слушай, раз уж ты у нас в ближайшее время не появишься, в скайпе спрошу… Твой друг, Лешка…

— Я не знаю, где он, — сразу же обрезал Ник.

— Дык, я зато знаю. Сам недавно узнал: он, оказывается, игру открыл…

— Эдуард Макарыч, мне это неинтересно, — отрезал Ник.

— Тю… — после короткой паузы протянул Магарыч. — Вы ж друзьями не разлей вода были…

— Были, — подчеркнул Ник. — Больше не друзья.

Почему-то Нику показалось, что для Магарыча их ссора — не новость. Наверное, уже успел с Лексом пообщаться.

— Ясно, понял, — печально сказал Магарыч. — Адрес гляну, тогда наберу.

Адрес, названный Нику на вокзале странным очкариком, оказался пустышкой. По этому адресу находился старый трехэтажный дом, который сдавался в аренду, о чем сообщало большое полотно на втором этаже, — с телефоном агентства.

Ну, и черт с ним.

Через десять дней Ник выискал дырки в генерируемых страницах казино. На то, чтобы прикрутить скрипт, у него ушла пара часов.

Примерно через неделю, выждав удобный момент, Асгард и остальные дети Сварога славно сработали, получив пароли почти к трем сотням аккаунтов виртуального казино.

Дальнейшее было делом техники. За несколько часов, прозванных на форуме казино «Ночью хрустальных ножей», взломанные аккаунты лишились виртуальной наличности, которая прошла длинный путь сетевых обменников и вышла в кэш через банкоматы где-то в Краснодарском крае.

На форуме казино возмущенные бюргеры на трех европейских языках требовали вернуть похищенные деньги. По примерным подсчетам в общей сложности их кинули почти на двадцать тысяч евро.

Не такая уж большая сумма для казино, но достаточно приличная для компании безработных парней. Доля Ника составляла пятую часть, по идее — не меньше четырех тысяч должно получиться.

Операцию можно было считать успешной.

Асгард назначил встречу в «Будде» — элитном японском ресторане в центре города, рядом с ЖД-вокзалом.

Когда Ник приехал, кроме Асгарда там был еще один человек.

Черноволосый тип с крючковатым носом и взглядом зомби, которого ничто не интересует в этом мире.

Ник сел за стол. Официантка тут же положила рядом с ним толстое меню в красивой обложке и карту вин.

Перед Асгардом стояла деревянная дощечка с роллами. Он ловко управлялся палочками, что совсем не вязалось с его внешним видом неоязычника.

Вассаби, ролл, соус, имбирь. Вассаби, ролл, соус, имбирь. Вассаби, ролл, соус, имбирь. Ел Асгард с аппетитом, явно наслаждаясь японской кухней.

Перед рыжим стоял бокал минеральной воды, наполовину пустой, или наполовину полный. Рыжий с отрешенным видом смотрел на стакан, и у Ника мелькнула мысль: возможно, этот тип учится пить воду дистанционно, не прикасаясь к стакану.

— Будешь что-нибудь? — поинтересовался Асгард, кивая на меню.

— Не, — отказался Ник. Покосился на рыжего.

— Это Заза. А это Ник. Точно ничего не будешь?

Заза выполнял роль тумбочки и на слова не реагировал. Внешне он не был похож на неоязычника, то есть у него не было

косичек с ремешками кожи, амулетов и прочей атрибутики истинного солнцепоклонника. Костюм, белая рубашка, галстук, — скорее, он походил на охранника, и его присутствие совсем не радовало.

Ник мотнул головой, выжидающе посмотрел на Асгарда.

Тот сунул руку в карман, достал конверт, положил на стол. Палочки снова замелькали над дощечкой.

Ник взял конверт, открыл. Внутри лежала скромная стопочка евро. Пролистнул — оказалось, что далеко не все сотенные. Есть полтинники и даже двадцатки.

— Сколько тут?

— Шестьсот шестьдесят, — ответил Асгард, ничуть не смутившись. — Жира не было, но, по-моему, и так неплохо получилось.

Он отодвинул в сторону дощечку с остатками еды и, как аристократ, надменно промокнул уголки рта салфеткой.

— Неплохо? — переспросил Ник. — Ты мою долю не перепутал?

— Нет, все ровно. Мы чуть меньше трех с половиной тысяч подняли, твоя пятая часть.

— С трехсот аккаунтов три с половиной тысячи евро?

— Да. — Асгард вздохнул и развел руками. — Солнце в этот раз не такое яркое на нашей земле.

— А на казиношном форуме народ пишет, что тысяч двадцать точно увели.

— Ну, блин, Ник, на заборе тоже пишут. А в чем проблема?

— Проблема в том, что это мало, — показал Ник конверт.

— Могу еще шесть евро от себя добавить, чтобы цифра прикольной была. Добавить?

Асгард сунул руку в карман, достал бумажник.

Похоже, это был какой-то знак, поскольку рыжий пришел в движение, и хрустнул сначала пальцами, потом шеей.

Крыши у Ника нет, вот в чем проблема.

Нет никакой возможности качать права. Стоит только рыпнуться, и рыжая обезьяна по прозвищу Заза смешает Ника с мебелью один к одному. Вон, костяшки пальцев набиты, как бы подчеркивают, что за спиной их хозяина годы тренировок и умение ломать кости.

— Шесть евро себе оставь, — бросил Ник.

— Уверен? — насмешливо спросил Асгард, не убирая бумажник.

— Как и в том, что ничего тут есть не буду.

Ник поднялся. Асгард посмотрел на него спокойно так, затем усмехнулся.

— Что смешного? — зло бросил Ник. — Что три с половиной тысячи с трехсот акков — это по десять евро на аккаунт, это смешно?

— Извини, Ник, — сквозь смех проговорил Асгард и вытащил из бумажника листок бумаги. — Тебя никто не хотел кидать. Дети Сварога не станут менять слово на деньги.

Он протянул листок Нику, и, смеясь, добавил:

— Блин, у тебя такой фейс был, когда ты решил, что тебя кинули… На фото и в кунсткамеру ненависти.

На листке был написан почтовый адрес, а под ним строка из цифр и символов. Логин, пароль.

— Что это? — спросил Ник, уже подозревая ответ.

— Яндекс-деньги, дружище. Вип-аккаунт, любые переводы и обналичка без бюрократического гемора. Там шесть евро рублями по курсу. И да хранит тебя Мать-Земля.

— Шесть евро?

— Шесть штук, разумеется. Мы почти тридцать пять тысяч сняли с этих буржуев, твоя доля шесть шестьсот шестьдесят. — Асгард рассмеялся. — Извини, выдержку твою надо было проверить.

— Зачем?

— Я попросил, — впервые нарушил молчание Заза.

Оказывается, он умеет разговаривать. Ник повернулся, уставился на него в ожидании.

— Присядь, уважаемый. Есть разговор к тебе.

Он говорил с бархатным кавказским акцентом. Без агрессии, доброжелательно, что хотя бы успокаивало.

Спрятав бумажку с паролем, Ник уселся.

— Я из Синдиката Д, — сказал Заза. — Слышал о нас?

— Нет, — ответил Ник. — Это что-то типа Армады?

— Ничего общего, мы не наемники.

Заза презрительно фыркнул, выражая тем самым отношение к Армаде. Потом негромко пояснил:

— Мы боремся за права информации быть свободной.

— Какой информации?

— Любой. Мы считаем, что любая информация должна быть доступна всем. И мы способствуем этому правилу.

— Вы хакеры?

— Нет, они инфотрейдеры, — пояснил Асгард.

— То есть вы торгуете информацией?

— Мы добываем информацию и отдаем всем, кому она нужна, — уклончиво ответил Заза.

— И что вы хотите от меня?

— Примерно то же самое, что вы сейчас провернули. Только

на другом ресурсе.

Все это Ник понял с самого начала разговора, едва Заза сообщил, чьи интересы он представляет.

Своими вопросами Ник ломал комедию и тянул время. Он слышал про Синдикат Д и прекрасно знал, чем они занимаются.

Это международная группировка. Сами себя они называют революционерами. Выступают за свержение существующего порядка и установление новой справедливой эры. Борются против режимов, получают за это деньги от других режимов, в общем, все как у любой революционной бригады. Отличие только в методах борьбы.

В большинстве своем среди них действительно нет хакеров. Зато среди них есть множество дельцов по всему миру, которые «знают все, а что не знают — знают, где узнать».

У них можно купить, например, точный распорядок дня любого человека. Или новейшую технологию конкурента с подробными описаниями ноу-хау. Или переписку внука Энгельса с правнучкой Каутского. Или еще что-нибудь. Все, что угодно, вопрос лишь в цене.

У них много компромата, говорят, даже больше чем нужно, что-бы дважды утопить население всего мира в дерьме.

Любой член этой организации рано или поздно попадает в перекрестие спецслужб или наемников, посланных очередным влиятельным лицом.

Связываться с Синдикатом — это гарантированно нажить себе неприятности. Членов Синдиката, во время войн компроматов, убивают направо и налево, и в этом их главное отличие от Армады, которая тщательно следит за своей безопасностью и неприкосновенностью.

Ник посмотрел на своих собеседников.

— Что за ресурс ломать?

— Игра, — ответил Заза.

— Игра? — удивился Ник. — Что за игра?

— «Путь». Браузерная ролевуха, фэнтезийный мир, виртуальная валюта, артефакты. Надо украсть как можно больше аккаунтов от этой игры.

Название ни о чем не говорило.

Ник взял зубочистку, стал жевать, раздумывая.

С одной стороны, есть деньги, и есть желание свалить куда-нибудь в безопасное место. С другой — в Ростове пока вполне безопасно, а денег много не бывает.

— И что дальше с этими аккаунтами?

— Я говорю тебе твою часть работы, уважаемый, — сказал Заза. — Оценивай ее, пока ты не в деле.

— Оценивать с точки зрения чего?

— С точки зрения двадцати тысяч евро. Пять авансом, остальное после работы.

Сумма была немалой.

— За обычную игру?

— Это не совсем обычная игра, уважаемый, — сказал Заза. — Это что-то вроде секты, у которой много богатых поклонников.

— Деньги хорошие, — задумчиво произнес Ник. — Чем же эта игра так примечательна?

— Уважаемый, ты задаешь нам много вопросов, а мы до сих пор не услышали ответа на один.

— Ладно, — кивнул Ник. — Допустим, я согласен.

Заза и Асгард переглянулись, после чего неоязычник доел последний ролл и отставил дощечку с палочками в сторону.

Заза произнес:

— Ты должен знать две вещи. Первое: когда ты работал в Майле, твой друг Лекс слил базу данных и кое-какие разработки вашего отдела Баду, инфотрейдеру. За двенадцать тысяч долларов. Это по его вине ты в черном списке Майла.

Подошла официантка, забрала дощечку, соусник, и удалилась.

Для Ника сообщение Зазы не было новостью. В общем-то, это было первое, что он выяснил, когда появились деньги. Нашел через знакомых выход на Синдикат, заплатил и узнал, что иудой оказался его некогда лучший друг. С ценой в двенадцать тысяч сребреников.

Впрочем, эта информация тогда была ожидаемой. Куда более в тот момент Ника резануло известие о том, что заказчиком Лекса был приятель Синки Бад.

— Я в курсе, — медленно произнес Ник. — Зачем ты мне это сказал?

— Чтобы сообщить так же второе: та игра, которую мы будем ломать, принадлежит твоему бывшему другу Лексу. Он ее главный разработчик. В игре он использовал движок чата, который ты писал когда-то. Собственно, поэтому мы к тебе и обратились.

Изжеванная зубочистка отправилась в пепельницу. Внезапно Нику сильно захотелось встать под душ, направить в лицо струю горячей воды и долго стоять так, зажмурив глаза.

Он глубоко вздохнул.

— Твое решение не изменилось? — поинтересовался Асгард.

— Нет, — покачал головой Ник. — Оно лишь стало тверже.

— Тогда готовься к работе, — кивнул Заза. Покосился на Асгарда и добавил: — И да хранит тебя Мать-Земля.

ГЛАВА 13
TO MAKE MONEY FROM AIR

Москва, Коровий вал, 2004 год.

Бутылка «Чивас», «Кохиба» в пепельнице, и аккуратная двухграммовая горка кокаина на маленьком зеркальце. День только начался, но нет никаких причин, чтобы не воспользоваться этими прелестями.

Жизнь удалась? Наверное.

Перед глазами — двадцатитрехдюймовый монитор. На весь экран браузер Интернет Эксплорер, а в нем запущена… игра?

Да черта с два это игра! Это не просто игра. Это…

Два года назад, когда его бывший друг Ник, не попрощавшись, отбыл в неизвестном направлении, Лекс остался один, но совершенно не переживал по этому поводу. Денег было более чем достаточно. Единственное, что его расстроило — это то, что одновременно с Ником из его жизни куда-то исчезла и Синка. Но и по этому поводу Лекс горевал недолго. Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда.

Два года назад он по совету Мусорщика сделал одну очень простую вещь: объединил свои разработки с разработкой Ника, — соединил игру с обыкновенным чатом, коих в интернете было пруд пруди.

Так что в конечном итоге игра теперь состояла из двух частей: в верхней происходила непосредственно сама игра, а в нижней игроки могли общаться между собой, посылать друг другу смайлики… или же просто посылать друг друга.

Фэнтезийный мир. Без детального сценария, с простой, можно даже сказать, элементарной боевкой. Дерешься, побеждаешь, получаешь дополнительные очки, благодаря которым становишься сильнее, снова дерешься, и так далее — до бесконечности. За каждый уровень получаешь «деньги», на которые покупаешь оружие и обмундирование. Конечно, это не продукция Близзард, но ведь и требования у игрушки минимальные, в отличие от Диабло или Варкрафта. Достаточно иметь компьютер, интернет и браузер. Даже устанавливать ПО не требуется, регистрируйся и — вперед, покорять вершины без палева от начальства.

Тогда, два года назад, редкие посетители сайта, нашедшие в себе силы зарегистрироваться, болтали в чате, тыкали в блок-удар, получали уровни и были вполне довольны. Чего нельзя

было сказать о ведущем разработчике.

Первые пару месяцев, пока шло так называемое открытое бета-тестирование, Лекс размышлял, как на этом можно заработать денег, и безуспешно искал спонсоров проекта. Мусорщик вошел в долю двумя программистами и художником, и это позволило существенно сократить расходы, но проблема была даже не в расходах, а именно в отсутствие доходов. Надо платить за квартиру, надо покупать еду… надо, надо, надо… двенадцать тысяч, полученные от Бада, заканчивались.

Надо было искать новую работу, чтобы остаться на плаву и хотя бы минимально поддерживать существование игры. Но работать не хотелось. Помня унылые дни в офисе Майла, Лекс оттягивал момент с поиском работы, экономил на еде и каждый день мечтал о том, что когда-нибудь найдется инвестор, который вложит в его игру хотя бы сто, хотя бы пятьдесят тысяч, что позволило бы…

На этом месте обычно мечты прерывались, поскольку инвесторов не было и не предвиделось.

Не было так же и желающих разместить на страницах игры свою рекламу. Когда Лекс стал выяснять причину, то узнал: все дело том, что его имя значилось в черном списке Майла. Подонки из корпорации уже установили, кто был замешан в воровстве двухлетней давности и мстили, включив в черный список не только Лекса, но и его игру. Ни один серьезный рекламодатель не захочет связываться с ресурсом, который находится в черном списке самой крупной российской IT-корпорации. И хотя Мусорщик пообещал, что попробует разрешить эту проблему, прошло уже два года, а воз и ныне там.

Впрочем, сейчас реклама была неактуальна.

Лекс уже и не помнил, кто именно первым предложил ему эту сделку. Помнил только, что это произошло где-то через три-четыре месяца после открытия бета-теста. Кто-то из игроков, будучи осведомлен о том, что Лекс является ведущим программистом, предложил ему «пятьдесят баков за то, что мой меч будет наносить чуть больший урон, чем другие». Технически это было несложно сделать. Вопрос упирался лишь в игровую этику.

Пока Лекс размышлял над заманчивым предложением — надо сказать, не очень долго — ему поступила еще пара подобных же: один просил улучшить защитные свойства его доспехов, а второй готов был заплатить «до сотни зеленых» за то, что его образ на картинке будет не черно-белым, как у всех, а цветным.

Эти просьбы стали поворотным моментом и вскоре у игры появился свой собственный прайс виртуальных услуг, которые

можно было приобрести за реальные деньги.

Первые артефакты — так называлось оружие с повышенными характеристиками — стоили не очень дорого. Пятьдесят, сто, двести евро максимум. Покупателей было не слишком много, гораздо больше было недовольных тем, что баланс игры существенно изменился. Проекту предрекали скорую смерть из-за столь вызывающей монетизации и, надо признать, пару раз прочитав на игровом форуме аналитические статьи о будущем игры, Лекс действительно забеспокоился.

Но время шло, количество регистраций неуклонно росло, вместе с этим росли продажи и цены. Уже через полгода комплект виртуальной одежды исчислялся тысячами евро, и люди охотно платили эти деньги.

При этом никто никогда не видел администрацию в глаза, все финансовые операции шли через дилеров и суб-дилеров. Компания зарегистрирована на Каймановых островах, сервера в Норвегии, российский офис то ли в Москве на Коровьем Валу, то ли в Питере на Васильевском острове. Короче — мрак, слухи и легенды. Как не странно, но это отсутствие прозрачности не отбивало у людей желание платить деньги, напротив — они считали себя причастными к некоей тайной организации и не только отдавали свои деньги, но еще и подбивали своих друзей на это дело.

To make money from air. Делать деньги из воздуха.

— Посмотри, кто у нас играет, — важно рассказывал Лекс очередной подруге и перечислял имена тех, кто постоянно мелькает в телевизоре.

Политики, бизнесмены, артисты, певцы без всякого сожаления расставались с реальными деньгами, чтобы получить гифку весом в несколько килобайт, на которую у них даже не было никаких авторских прав после покупки.

Деньги текли ручейком, затем рекой.

Лекс снял офис на Коровьем валу, увеличил штат. Теперь он мог себе это позволить, поскольку девяносто процентов прибыли, что он получал (десять принадлежали Мусорщику и Армаде) были очень большими деньгами.

Как-то раз Мусорщик появился в офисе в сопровождении высокого длинноволосого мужчины в черном плаще и костюме с галстуком. На правой руке у патлатого красовался здоровенный фентиль с бриллиантом, на левой виднелись следы от сведенных татуировок.

— Это Конь, — представил Мусорщик своего спутника. — Зовут Валерой, решает вопросы.

Конь положил на стол визитку. Лекс посмотрел: на визитке

был напечатан номер мобильного телефона. И все. Ни имени, ни фамилии.

— Какие вопросы?

— Да всякие, брателло, — сказал Конь, с интересом осматривая офис. — С пацанами, например.

— Э-э-э… с какими пацанами? — не понял Лекс. — С блатными что ли? Тебя можно на минутку?

Отойдя с Мусорщиком в сторону, Лекс поинтересовался:

— Это что, типа бандитской крыши?

— Типа, — подтвердил Мусорщик. — Он законник, между прочим.

— Слушай, сейчас две тыщи четвертый год, — напомнил ему Лекс. — Блатных уже постреляли всех да пересажали…

— Это в твоем мире всех постреляли и пересажали, — ответил Мусорщик. — А в этом мире они себя вполне хорошо чувствуют.

Не переживай. Валере не надо денег.

Лекс покосился на Коня и подумал, что он не похож на человека, которому не нужны деньги.

— А что ему надо?

— Валера, — окликнул Мусорщик Коня, а когда тот подошел, спросил: — Валера, ты что хотел, расскажи?

— Комплект Ангела, меч Кромуса и тапки нормальные можно замутить, брателло? Так, чтобы от души.

Лекс ошарашено кивнул. Таким образом, не тратя ни копейки денег, ресурс получил крышу, за которую еще каких-то десять лет назад пришлось бы отдать треть, а то и половину бизнеса.

Игроки объединялись в кланы, воевали друг с другом, назначали сходки, на которых обсуждали свои победы и поражения, вели войны, в которых один бой мог длиться более двух суток. Они сами заводили сайты, на которых сами же писали новости о проекте, обсуждали все, что происходило внутри него.

Обеспечивали изменения в жизни Лекса.

Монитор вот — вместо лампового жидкокристаллический, да не семнадцать дюймов, а двадцать три. «Чивас» вместо «Балтики», «Кохиба» вместо «Золотой Явы»… бодрящий иней на зеркале.

А еще «мерин» с водителем, трехкомнатная квартира в центре — съемная, правда, но и до своей недолго осталось.

Gucci, Prado, D&G…

Только это все на самом деле мусор. Пыль, мишура для телочек, подобных той, что вчера полчаса сидела под столом, отрабатывая три сотни гонорара.

О том, что приносит настоящее удовольствие, Лекс не говорил никому.

У него есть свой собственный мир, который он создал, и который подчинялся своему создателю. Любые законы, любые изменения — все это ему подвластно. Это трудно описать словами… то ощущение, которое возникало, когда Лекс читал форум, на котором игроки умоляли администрацию сделать то или иное действие.

Это сродни молитве.

Игроки — паства, модераторы — священники, а он — мироздатель.

«Чивас», кокс, сигары и телки под столами есть у каждого сопляка, чей папаша занимает должность чуть выше менеджера среднего звена. Возможность почувствовать себя богом, истинным создателем — такое нельзя купить за деньги. Для этого мало иметь монитор в двадцать три дюйма.

Для этого придется что-то создать. И Лекс смог это сделать.

Жизнь удалась.

Мастеркард выравнивает часть горки порошка в две полоски длиною с Байкало-Амурскую магистраль. Пятидесятидолларовая купюра уже скручена и осталось всего ничего: сделать отработанное движение носом — чтобы мозг взорвался калейдоскопом ярких мыслей.

Дверь кабинета открылась, и Лекс вскинул голову, одновременно небрежно набрасывая на зеркальце «Московский комсомолец» полугодовой давности.

Только один человек мог входить в его кабинет без предупреждения или стука. Пока он садился напротив, Лекс автоматически опустошил пепельницу, и подвинул поближе к гостю. Для огрызков.

Они знакомы почти три года. Результат их общения: Мусорщик знает про Лекса все, а Лекс про Мусорщика — ничего, кроме прозвища. В общем-то, для сотрудников Армады это неудивительно — они все безликие, без имен, без прошлого. Максимальная анонимность в целях безопасности организации.

Мусорщик появлялся из ниоткуда, в самые неожиданные моменты. Мог пропасть на месяц, а мог за неделю несколько визитов нанести.

Ему принадлежало десять процентов от прибыли игры. Фактически Мусорщик получал всего лишь восемь-девять процентов, но в этой мелочи Лекс не был готов признаться даже самому себе.

Всякий раз, когда Мусорщик появлялся в офисе, Лекс чувствовал себя неуютно. Хотя, казалось бы, не такой уж крупный акционер, чтоб перед ним лишний раз расшаркиваться, но нет ведь — ноги сами семенить начинают, да голос елеем

покрывается.

Он дал деньги на раскрутку в самом начале. Не очень большую сумму по нынешним меркам, но два года назад она казалась огромной. За это получил процент от прибыли, который уже многократно вернулся. Лекс до сих пор не знает, чьи это были деньги — Армады или лично Мусорщика. Поэтому больше, чем на пару процентов, никогда его не обманывал.

А два процента — это вполне оправдано.

В офисе работает пара айтишников от Армады. И вроде бы зарплату им платит Лекс, но подчиняются они только Мусорщику, и уволить их нельзя. То есть они, по сути, могут делать все, что им хочется. Это нервирует, но сделать ничего Лекс не может. Приходится терпеть и искать компромиссы. Так вот два процента, недополученные Мусорщиком — это плата за терпение.

Всякий раз Лекс собирался при встрече качнуть права, и всякий раз оказывался не готов к разговору и обламывался. Вот так два года их знакомства и прошли — недовольство копится, а разговоры откладываются.

Сейчас, видимо, тоже поговорить не получится. Как обычно, неподходящий случай.

— Какие люди! — расплылся Лекс в самой неискренней и фальшивой улыбке за всю историю человечества. — Выпьешь что-нибудь?

Чай, кофе?

— Лекс, что ты считаешь самым главным в нашей игре? — спросил Мусорщик, усаживаясь напротив.

То, что он назвал игру Лекса «нашей», это еще полбеды. Усевшись, Мусорщик приподнял «Комсомолец» и брезгливо поморщился, прежде чем отпустил газету обратно. Столь презрительная бесцеремонность в чужом кабинете покоробила Лекса.

— Что значит, самым главным? — переспросил он, пряча наркотики в стол. — Ты имеешь в виду, откуда больше всего бабла поступает?

— Откуда больше всего бабла — это ты будешь Коню рассказывать. А я задал тебе элементарный вопрос: что является в «Пути» самым главным?

Может, он на себя намекает, мелькнула мысль у Лекса. Типа он тут главный и все такое? Неужели решил еще процентов отжать?

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — нервно произнес Лекс. — Ты про Комиссионный магазин или Аукционы?

Два отдела, занимавшиеся программированием этих внутриигровых сервисов, были уволены около полугода назад,

когда были пойманы на том, что выполняли заказы для конкурентов. С тех пор оба ресурса почти не развивались, хотя когда-то считались популярными в игре и перспективными.

— Комиссионный магазин, аукционы… — Мусорщик покачал головой. — М-да… ладно, попробую по-другому…

Он подошел к двери, выглянул наружу, и позвал:

— Мария! Мария, зайдите сюда.

Девушка с короткой стрижкой последнее время почему-то до чертиков стала напоминать Синку. Она была крайне приятной в общении, и в ближайшее время Лекс собирался пригласить ее на ужин.

Она выполняла функции секретаря-администратора, с которыми неплохо справлялась, ее звали Машей, и, наверное, это было все, что про нее знал Лекс.

Во всяком случае, для него стало откровением, когда в ответ на вопрос Мусорщика, играет ли она в «Путь», девушка кивнула.

— Давно? — поинтересовался Лекс.

— Около года, — спокойно ответила Маша.

— Ответьте мне на один вопрос, — сказал Мусорщик и девушка, которая обычно никогда не робела, вдруг подобралась. — Всего один вопрос. Что для вас самое главное в «Пути»?

Она ответила, почти не раздумывая.

— Ну… общение с друзьями.

— Вот! — назидательно Мусорщик поднял вверх палец. — Спасибо, Мария, вы свободны.

А когда девушка вышла, снова уселся перед Лексом и нравоучительно заметил:

— Общение — вот что главное в игре. Ты недооцениваешь коммуникацию и поэтому совершаешь ошибки.

— Например?

— Например, твое решение оптимизировать работу чата было ошибочным.

— Чат тормозит игру…

— И поэтому ты убрал все скрипты, которые тебе показались ненужными. Ты отключил сохранение всей переписки между нашими пользователями.

— Для пользователей никогда не были доступны логи чата, — фыркнул Лекс. — Только хистори личной почты, а личку мы не трогали. У нас все под контролем, никто и не заметил, что мы…

— Я заметил, — произнес Мусорщик. — Тебе этого достаточно?

— Не понимаю, в чем проблема? — удивился Лекс. — Мы

историю чата сохраняли только для того, чтобы модераторы могли жалобы на оскорбления проверять…

— Это в твоем мире логи сохранялись именно по этой причине, — сказал Мусорщик. — А на самом деле…

Он пробарабанил тонкими, как у музыканта, пальцами по столу.

Посмотрел на бутылку с виски, на сигару.

Покачал головой, сочувственно вздохнул.

— Впрочем, неважно. В общем, так… Не позднее сегодняшнего вечера ты сделаешь на серваке откат и вернешь все скрипты, которые сохраняли историю чата. Задача ясна?

Он разговаривал с позиции хозяина, и Лексу это совершенно не нравилось.

— Зачем тебе чужие разговоры? Ты что, компромат на кого-то роешь?

— А ты не хочешь обсудить, почему только два из семи твоих дилеров работают с наличкой? — полюбопытствовал Мусорщик. — Тебя больше интересует, чем я занимаюсь?

— Блин, да из-за этих скриптов вся игра тормозит, — пробурчал Лекс.

— Нет. — Мусорщик с аппетитом хрустнул яблоком. — Это ты тормозишь. Развел тут гадюшник, жрешь, пьешь и дрочишь на рейтинги своей божественной популярности. Знаешь, почему мне плевать на то, что ты меня обманываешь с этими двумя дилерами и наличными? Знаешь, почему…

— Я не обма… — Лекс осекся, потому что перебивать Мусорщика было не самой лучшей идеей.

— …Почему мне плевать на то, что ты каждую вторую неделю увеличиваешь расходы по офису?

— По офису расходы я увеличил потому, что мы флешера наняли, — заметил Лекс.

— Да? А я думал, потому что ты у Джамбы кокса купил чуть больше, чем обычно. Посмотри вокруг, Лекс. Информация, вот что нужно всем. Информация и возможность ей обмениваться. В следующий раз, когда будешь уничтожать что-то из того, что попало тебе в руки, задумайся над истинными ценностями мира, в котором ты живешь. Куда это выбросить?

Мусорщик деланно огляделся, хотя пепельница стояла у него прямо перед носом, затем, не глядя, швырнул огрызок яблока за спину и пояснил:

— У тебя тут всюду срач. Ладно. Собственно говоря, я к тебе с другой целью заехал. Ты знаешь, кто у нас играет под ником Эмир?

Лекс знал. Аккаунт принадлежал сыну одного из самых

влиятельнейших лиц Среднеазиатского региона, и денег у сына было не меньше, чем влияния у отца.

В персонажа с ником Эмир на сегодняшний день влито чуть менее двухсот тысяч евро, это один из самых дорогих аккаунтов игры.

Ви-ай-пи. Конечно же, Лекс знал, кому он принадлежит.

— Эмир собирается сделать тебе коммерческое предложение, — сказал Мусорщик.

— Хочет купить долю в игре? — спросил Лекс с презрением. — Думаю, ему дешевле будет сделать свою, с блекджеком и шлюхами.

Мусорщик улыбнулся, как обычно улыбаются детям:

— Нет. Средняя Азия хочет стать частью нашего мира. А насчет дешевле…

Он взял со стола ручку и лист бумаги, написал единицу, потом аккуратно пририсовал к ней семь нолей.

— Твои любимые, — евро, — сказал он, подмигнув Лексу. — Это начальная сумма инвестиций.

Сумма внушала искреннее и неподдельное уважение.

— И что Эмир хочет за эти баб… инвестиции?

— На следующей неделе Эмир пришлет в Россию своего представителя. Ему и расскажешь, что ты готов предложить азиатам на эту сумму. Встреча будет в Ставрополе, так что готовься к поездке.

— Э-э-э… а почему в Ставрополе? — удивленно спросил Лекс.

— Ты когда-нибудь слышал про турнир Башни?

— Нет. Что это за хрень?

Мусорщик лишь хитро улыбнулся, поднялся, и вышел, не попрощавшись.

ГЛАВА 14
INVIA VIRTUTI NULLA EST VIA

Ставрополь, лето 2004 года.

Эту забаву много лет назад придумали ставропольские бахчевые — лидеры нескольких корейских и русских кланов, короли арбузно-луковой продукции, которая выращивалась на тысячах гектарах необъятных полей черноземья.

Бичи, работавшие на полях у сельскохозяйственных королей, не имели ни документов, ни вообще каких-либо прав. Они получали в сутки три «анакома» и пачку дешевых сигарет, и это был их единственный заработок. Рабы без будущего, среди них легко было найти добровольцев, готовых рискнуть своей жизнью ради того, чтобы что-то изменить.

Каждый сезон бахчевники устраивали турнир, который поначалу проходил в развалинах старой сторожевой башни на границе с Карачаево-Черкессией. На этот турнир бахчевые привозили по одному рабу из тех, кому нечего терять. Рабам раздавали ножи и запускали в башню.

Правила турнира предельно просты. Выйти из башни может только один, самый сильный, ловкий и хитрый. Тот, кто выходил, получал свободу и обеспеченную жизнь, а его бывший хозяин — несколько гектаров земли от своих конкурентов.

Первые турниры проходили еще в семидесятых, но с того времени много прошло и многое модернизировалось.

Теперь вместо сторожевой башни в условленное место приезжало несколько грузовиков, и бригада строителей за полдня возводила сооружение, спроектированное организатором турнира.

Это мог быть большой ангар с перегородками в виде лабиринта, или же классический вариант турнира: башня в несколько этажей с переходами, или же что-то, повторяющее какую-то известную постройку, как, например, в этот раз, когда устроитель построил пятиугольное здание, по форме напоминающее Пентагон.

В условленных местах лежало различное холодное оружие, кое-где медикаменты и стимуляторы. Повсюду стояли камеры слежения, а зрители, находясь неподалеку в шатрах, пили-ели и наблюдали за турниром на экранах громадных мониторов.

От старых традиций осталось только обязательное закалывание барашка. Баранья голова вручалась победителю

турнира вместе с призом.

— И большой приз? — поинтересовался Лекс, откручивая колпачок с нагрудного амулета.

Они с Мусорщиком прилетели в Ставрополь рано утром. В аэропорту их встретил молчаливый провожатый на огромном «рейндж-ровере», они выехали за город и ехали неизвестно куда.

Ехали долго — сначала по федеральной трассе, обгоняя многочисленные фуры, потом по каким-то проселочным дорогам, потом и вовсе по местам, в которых, казалось, не ступала нога человека.

— Раньше победителю давали дом, машину и какую-то сумму на жизнь, — ответил Мусорщик. — Сейчас просто деньги выдают.

В этом году приз что-то около миллиона баков. Ну, и столько же хозяин раба получит. Плюс хозяин победителя получит право организовать следующий турнир, а для бахчевых это очень почетно считается. Авторитета добавляет.

Щепотка порошка, которую Лекс высыпал из амулета на ноготь большого пальца, заставила Мусорщика поморщиться. Лекс это заметил и про себя ухмыльнулся. Резкий вдох, другой… и вот уже дорога не кажется такой унылой, а путь — долгим.

Еды у них не было, но Мусорщик захватил с собой сумку с яблоками, и Лекс воспользовался этим, чтобы утолить первые позывы голода.

На коленях у Лекса лежала толстая папка с выкладками, графиками, отчетами и прочей экономически-юридической ерундой, называемой бизнес-планом. Лекс потратил несколько дней, наполняя эту папку бумажками, которые должны в итоге принести десять миллионов евро.

Когда время близилось к обеду, их машина свернула на дорогу, которая терялась в лесополосе неподалеку, и остановилась.

Дорогу преграждал трактор, возле которого возились двое угрюмых мужиков. Провожатый предъявил им какой-то жетон, трактор отогнали в сторону, и «рейнджровер» продолжил путь через просеку и дальше — по дороге мимо вспаханных полей.

Второй периметр выглядел серьезнее. Шипастая лента, несколько мотоциклистов. Один из них подошел к машине, осмотрел пассажиров и коротко кивнул.

Ленту убрали, они продолжили путь и через несколько минут подъехали к шатрам, стоявшим в чистом поле в окружении нескольких десятков внедорожников. Шатры соединялись между собой переходами, всюду прохаживались охранники с помповыми ружьями, некоторые были с собаками.

— Несколько лет назад победитель турнира сошел с ума, и

вместо того, чтобы радоваться призу, решил отомстить бахчевникам и зрителям, — рассказал Мусорщик, вылезая из машины. — Сразу после турнира он раздобыл автомат и направился сюда. У него ничего не вышло, конечно же, но охрану с тех пор заметно усилили.

К ним подошел пузатый тип в смокинге и с бейджиком «Распорядитель».

— Добро пожаловать на турнир, — сказал он с некоторым пафосом, слегка опустив голову. — Позвольте мне рассказать вам, где у нас можно поесть и отдохнуть с дороги…

— Не надо, — махнул ему Мусорщик. — Мы в курсе.

Распорядитель скрылся.

— Ты что, тут не первый раз? — спросил Лекс.

Мусорщик не ответил. Вместо этого, посмотрев в свой КПК, сообщил:

— Представитель Эмира уже здесь. Думаю, вам лучше пообщаться до начала представления.

— Я готов, — пожал плечами Лекс и приподнял папку с документами. — Куда идти?

Кивнув, чтобы следовал за ним, Мусорщик шагнул в ближайший шатер.

Здесь было светло, прохладно и шумно. Деревянный пол, на котором повсюду были разбросаны пуфики и циновки. Народу было много, в основном, корейцев разного возраста. Одни сидели, разбившись на группы, и что-то обсуждали, вторые прохаживались между ними, здороваясь, перебрасываясь фразами. На Мусорщика и Лекса никто даже не обратил внимание.

У входа, прислонившись к одному из опорных столбов, здоровенный кореец в бейсболке «Лос-Анжелес Лейкерс» без зазрения совести с руки забивал косяк марихуаны. Неподалеку несколько парней — корейцев и славян — окружили ноутбук и, поочередно тыкая пальцами в экран, спорили о каких-то ставках и кэфах.

В стороне возле длинного стола двое официантов услужливо наливали каждому желающему напитки, которыми был уставлен стол — от пива и содовой до виски и самогона.

Лексу сразу же захотелось хлопнуть грамм сто вискаря, он даже шагнул в сторону стола, но Мусорщик остановил его.

— Потом, — сказал он. — Когда закончишь дела.

— Да я в порядке… — несколько раздраженно ответил Лекс.

— Если ты сделаешь до разговора хотя бы глоток спиртного, я сломаю тебе нос, — равнодушно предупредил его Мусорщик.

Он выглядел тщедушным сопляком на фоне Лекса, и здесь,

вдали от столицы с охраной, его слова казались не более чем пустым звуком. Тем не менее, Лекс не решился его ослушаться. Быть может, по привычке.

Пора уже менять стереотипы, недовольно подумал Лекс, доставая сигару. Иначе этот хлюпик, которому посчастливилось получить место московского представителя Армады, окончательно поверит в то, что он всемогущ, и тогда от него совсем жизни не станет.

Пройдя до конца шатра, они перешли в следующий — здесь стояли пластмассовые столики, а контингент, за ними сидящий, отличался от бомжей только количеством золотых колец и цепей.

Золотом был обвешан буквально каждый, причем большинство расстегивало рубашки и закатывало рукава, чтобы продемонстрировать окружающим свое вульгарное богатство.

Несколько официантов в грязновато-мятой одежде разносили в одноразовых пластиковых тарелках дымящуюся баранину, хлеб и овощи.

Почуяв запах, Лекс сразу же почувствовал и аппетит, но Мусорщик, судя по всему, не собирался задерживаться и в этом шатре — осмотревшись, он уверенно шагнул дальше, и Лексу ничего не оставалось, как следовать за ним.

Третий шатер оказался самым большим и самым цивилизованным — столы здесь были покрыты скатертями, вдоль стен висели белые экраны для проекторов, а люди, восседавшие за столами, в большинстве своем были одеты в костюмы.

Над экранами был растянут плакат в стиле советского агитпрома, только вместо призывов перевыполнить план или бороться за дело коммунизма на нем было на латыни написано: «Invia virtu ti nulla est via».

Резко бросался в глаза стол, который стоял отдельно — он был единственный не из пластика, а из дерева. Здоровенный резной стол, за которым сидело несколько стариков важного вида.

К столу постоянно кто-то подходил, чуть ли не очередь на прием образовалась.

— Это короли, — негромко произнес Мусорщик. — Им принадлежит Ставропольский край.

Рядом с королями стояли телохранители — свирепого вида взрослые дядьки, которые внимательно следили за тем, кто подходит к столу. Телохранители были, как один, в серых костюмах, из-под пиджаков выпячивалось оружие.

— А я думал, Ставропольский край принадлежит Российской Федерации, — саркастически заметил Лекс.

— Это в твоем мире. А здесь от их слова зависит всё. И «всё»

— это не преувеличение.

— Ясно, — кивнул Лекс. — Местечковые баи рулят. А с кем мы будем вести переговоры?

— Представитель Эмира должен быть где-то здесь… — пробормотал Мусорщик, осматриваясь. — Дьявол и котэ… не может быть… Чен…

Мусорщик первый подошел к столу, за которым в одиночестве сидел человек, чью национальную принадлежность Лекс определил сразу — это был китаец. Худощавый, невысокий, с короткими волосами ежиком. Он пил минералку и возился с коммуникатором. Завидев Мусорщика и Лекса, он поднялся. Поздоровался с ними двумя руками, показывая тем самым уважение, пригласил присесть.

— Кажется, мы уже знакомы? — спросил он, пристально рассматривая Мусорщика.

— В августе девяносто шестого, в Париже, — напомнил Мусорщик.

— Да, верно, — китаец улыбнулся. — Как же все-таки тесен мир.

Лекс почувствовал себя лишним в этой беседе. Появилось сильное желание встать и сходить за вискарем, пока эти два напыщенных индюка будут предаваться воспоминаниям.

Но этого не произошло. Мусорщик не стал тянуть и сразу перешел к делу.

— Это Лекс, главный разработчик и хозяин игры, заинтересовавшей уважаемого… кхм… Эмира… и его друзей. А это Чен, он представляет интересы Эмира…

— Не совсем так, — улыбнулся китаец, и было в его улыбке что-то нехорошее. — Я представляю свои интересы, которые совпадают с интересами Эмира… и его друзей. В этом вопросе я уполномочен принимать решения от имени Эмира, но вы должны понимать, что я работаю не на Эмира, а с Эмиром.

— Конечно, — Мусорщик кивнул.

— Итак… — Чен повернулся к Лексу. — Мы готовы сделать инвестиции в ваш проект, для начала на сумму до десяти миллионов евро. Деньги чистые, переводом в любой европейский банк или же в оффшор — по желанию.

Сердце забилось заметно сильнее. Лекс положил на стол папку с графиками и бизнес-планами, открыл ее, достал несколько листков, протянул Чену.

— Что это? — недоуменно посмотрел на листки китаец.

— Это графики ожидаемых прибылей, — начал объяснять Лекс.

Чен засмеялся, покачал головой.

— Я плохо разбираюсь в экономике и финансах, — сказал он, не притрагиваясь к листкам. — Боюсь, меня, а в моем лице так же и Эмира, интересует нечто другое, а не ожидаемые прибыли.

Лекс растерянно покосился на Мусорщика, но тот сидел с невозмутимым видом, грыз свое яблоко.

— Тогда что же вас интересует? — озадаченно спросил Лекс, пряча бесполезные расчеты.

— Доступ к вашей базе данных, — ответил Чен.

Лекс растерялся окончательно. Он не понимал, что происходит, на мгновение ему даже подумалось, что все это — дурацкий розыгрыш Мусорщика.

— К какой базе данных?

— В твоей игре есть место, где все говорят… кажется, это называется чат… вы записываете разговоры, обрабатываете, создаете базу данных…

— Но мы не создаем никаких баз данных… — Лекс осекся, заметив, как внезапно напряглось лицо Мусорщика. — То есть я хотел сказать, что мы ведем разработки в этом направлении, но…

— Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан, русский сектор Китая… — перечислил Чен. — Эмир гарантирует, что геймеры этих регионов будут играть только в вашу игру. Это многомиллионная аудитория, и они принесут гораздо больше, чем наши инвестиции. Мы хотим знать все, о чем они будут говорить в… в чате. Простите, я плохо владею компьютерной терминологией, но надеюсь, что моя мысль понята верно.

— Да, конечно… — пробормотал Лекс. — Мне все понятно, я хочу лишь объяснить… видите ли, каждый день в игре общаются десятки тысяч людей, и практически каждый из них пишет в чат огромное количество флуда…

— Что такое флуд? — спросил Чен.

— Бессмысленная информация. Чтобы ее обработать и найти то, что нужно, надо делать внутриигровой поисковик, ставить фильтры, которые будут отсеивать…

— Стоп, стоп! — Чен поднял руку. — Я еще раз повторю, что плохо в этом разбираюсь, но хочу заметить главное: информация не может быть бессмысленной. Эти ваши фильтры, поисковики… десяти миллионов евро хватит, чтобы все это… м-м-м… упорядочить?

Под столом Мусорщик пнул Лекса ногой. Несильно, но ощутимо.

— Да, конечно, — кивнул Лекс. — Конечно, хватит.

— Тогда будем считать, что мы договорились, — сказал Чен. — Послезавтра Эмир пришлет к вам своих юристов, чтобы уладить формальности. Кстати, вы здесь впервые?

Лекс был несколько обескуражен как самими переговорами, так и их результатом. Нет, он, конечно, был всем доволен, но он впервые видел, чтобы судьба десяти миллионов евро решилась всего лишь несколькими фразами в каком-то затертом до дыр шатре где-то в заднице мира.

До начала турнира оставалось еще около двух часов, гости все прибывали, и вскоре в каждом шатре было шумно и многолюдно.

Оставив Мусорщика общаться с китайцем, Лекс нашел укромное местечко, где сделал пару добрых понюшек. Кокс разложил реальность по полочкам, организм по привычке потребовал спиртного и Лекс отправился в шатер, где видел горячительные напитки.

Потолкавшись в проходах, он добрался до стола со спиртным.

Официант наливал виски в пластиковый стакан, а Лекс думал, что, несмотря на видимую крутость, это место мало чем отличается от хлева. Без разницы, сколько здесь у людей денег. Они одеты, как скоты, ведут себя, как скоты, и даже мыслят категориями скота.

— Лед есть?

Официант на этот вопрос лишь развел руками. Ну, конечно, откуда здесь лед.

Лекс залпом выпил полстакана теплого вискаря и поморщился. Вкус у напитка был отвратительный, — скорее всего паленка.

Не удивительно, откуда в этой дыре взяться нормальному пойлу.

Лекс выбросил стакан в мешок для мусора и ткнул пальцем в бутыль коньяка.

— Вот этого налей.

Экраны в шатрах включились и стали транслировать фото участников турнира. Звука не было, точнее, играла музыка, а вся информация была текстовой. Лекс сначала читал имена и клички участников, их вес, возраст и прочие характеристики, но очень быстро ему это наскучило.

Еще понюшка, еще алкоголь… и понеслась! Он словно с цепи сорвался.

Когда начался турнир, он был, что называется, в говно. Развалившись на пуфике, мало что соображая, Лекс смотрел на экраны, развешанные по стенам шатров, и думал о том, что вполне готов высказать Мусорщику все, что о нем думает.

Где-то в нескольких километрах отсюда какие-то люди зачем-то бегали с ножами и арматурами по наспех построенному лабиринту, но качество транслируемого видео было настолько

паршивым, что невозможно было понять, кто и куда бежит.

В голливудских фильмах с похожим сюжетом, вроде «Бегущего человека», например, профессиональные операторы и монтажеры делали красивую картинку для зрителя, здесь же все снималось статичными камерами и одним дублем, поэтому разница была более чем заметна.

Люди вокруг делали ставки, размахивали руками, что-то кричали, и их крики заглушали музыку. Лекс ничего не понимал, сил и разума хватало только на то, чтобы сделать очередной глоток из бутылки коньяка и вновь уронить голову на грудь.

Хотелось обратно в Москву. К телочкам, гидромассажной ванне, хорошему виски со льдом и нескончаемым запасам кокаина. Хотелось зайти в игру, и с помощью админ-панели снова почувствовать себя богом.

Я хозяин своей жизни, думал Лекс. Я, и никто другой. И ни одна дрянь, вроде тупого Мусора, не смеет мне указывать…

Когда толпа взорвалась неожиданно громким ревом, задремавший Лекс встрепенулся. Разлепил веки и первое, что увидел — это крупный план на экране проектора.

Человек, на спине и груди которого была нарисована большая цифра «4», с яростью взмахивал арматуриной, опуская ее на участника под номером «2».

Бедняга пытался защититься, подняв руки к голове, но после нескольких ударов его руки повисли безжизненными плетьми. Арматура опускалась на голову и на предплечья жертвы бесчисленное количество раз. Участник под номером «2» покидал игру под названием «Турнир башни» и одновременно покидал игру под названием «жизнь».

В тот момент, когда все уже было кончено, из-за угла выскочил участник под номером «7». Подкравшись со спины к Четвертому, он сделал несколько резких движений рукой и Четвертый, покачнувшись, рухнул на свою жертву.

Толпа взорвалась новыми криками, а Седьмой, повернувшись к камере, потряс здоровенным ножом и что-то крикнул в объектив, яростное и злое. На фоне двух тел, лежащих у него за спиной в луже крови, это выглядело жутковато.

Завороженный этим зрелищем, Лекс даже протрезвел и выпустил из рук бутылку с остатками коньяка.

А действо на экранах продолжалось. Пятый дрался с Первым и вроде бы побеждал, но откуда-то появился Третий и сначала убил Пятого, а затем добил Первого.

Потом Третий встретился с Седьмым и убил его, а после сошелся в финальной схватке с Шестым и победил его, едва уцелев.

Лекс заворожено смотрел на выходящего из Башни победителя — измазанного кровью, хромающего, с лицом, так не похожим на лица киношных победителей. В какой-то момент камера поймала его взгляд, и Лекс, увидев глаза, вздрогнул.

В глазах победителя отчетливо читалась стоимость жизни, ее истинная стоимость. И Лекс вдруг осознал, насколько ничтожны все его потуги и мечты по сравнению с этим обычным бомжом, который добился гораздо меньшего за гораздо большую цену.

Всего лишь одного мгновения хватило Лексу, чтобы понять: он такой же скот, как и все остальные в этом шатре, с наслаждением взиравшие, как им на потеху люди убивают друг друга.

Всего лишь одного взгляда на экран оказалось достаточно, чтобы Лекс почувствовал невероятное отвращение к выпивке и наркотикам, которые медленно, но верно уничтожали его единственную ценность, которой он обладал, — жизнь.

Всю дорогу обратно Лекс не проронил ни слова, а когда они вернулись в Москву и он вошел в офис, то первое, что сделал, это высыпал весь кокаин в унитаз. Без всякого сожаления.

А затем собрал самых способных сотрудников в конференц-зале и объявил, что с сегодняшнего дня приоритетным направлением для разработок является обслуживание чата и всего, что с ним связано.

Примерно через неделю после этого на счета компании поступил первый транш — два миллиона евро. Но к этому времени деньги для Лекса перестали быть мотивацией.

Потому что Лекс понял смысл жизни. И он точно был не в деньгах.

Через несколько дней на стартовой странице игры появился новый герб. На красном фоне сжатый кулак и обрамляющая его надпись: «Invia virtuti nulla est via».

Для доблести нет непроходимых путей.

ГЛАВА 15
ПРОШЛОЕ-НАСТОЯЩЕЕ

Ростов, август 2004 года.

Весь день стояла невыносимая духота, какая обычно бывает перед дождем. Но дождя не было ни на улице, ни в метеосводках, нигде.

Кондиционер в квартире работал исправно, но искусственная прохлада была не самой лучшей заменой духоты. Ник вообще не любил кондиционеры и включал их только в самых крайних случаях. К тому же на ночь кондишн пришлось отключить, чтобы не продуло — и прохлада вновь сменилась духотой. Как следствие — плохой сон, рваные кошмары, мокрые от пота мятые простыни.

Ранним утром Ника разбудил звонок в дверь. На пороге стоял Асгард.

— Ты обурел что ли, в такую рань? — проворчал Ник, протирая глаза.

— Войти можно?

Ник посторонился, пропуская раннего гостя. Когда закрыл за ним дверь, Асгард произнес:

— Все отменяется.

— В каком смысле? — спросонья не понял Ник.

— Заза заднюю включил, сука, — выругался неоязычник. — У твоего дружка, по ходу, крыша слишком крутая, Синдикату не по зубам.

— Армада? Или менты с чекистами?

— Круче, — ответил Асгард. — Насколько я понял, там теперь какие-то азиаты в доле. Заза подробностей не рассказывал, сказал только, что с ним связались главари Синдиката и запретили лезть в это дело. Вот, возьми.

Он протянул Нику конверт.

— Это типа отступных? — спросил тот, заглядывая внутрь.

— Ага. Тут, конечно, меньше, чем предполагалось, но все же лучше, чем ничего.

— А чего ж Заза сам не приехал? — поинтересовался Ник.

— Заза поехал перед заказчиком оправдываться. Там история такая была, насколько я знаю. В Синдикат обратился кто-то, сделал заказ на взлом игры твоего друга. Заза заказ принял, вроде даже аванс получил, нас подписал на это дело, тебя вот тоже. А потом внезапно у твоего кореша крыша стала круче, чем у

Майла, и Синдикат, что называется, умыл руки.

— А кто заказчик?

— Ну, ты даешь! — ухмыльнулся Асгард. — Откуда ж я знаю. Наверное, конкурент какой-нибудь.

Он достал мобильник, посмотрел на часы.

— Значит, все? — спросил Ник, небрежно бросая конверт на трюмо в прихожей. — Оружие на склад, солдаты по домам?

— Похоже на то. Извини, что разбудил, но у меня поезд через два часа.

— Уезжаешь?

— Да, к тетке в деревню. Через пару недель вернусь. Ты тут еще будешь?

— Поеду на побережье, наверное, — соврал Ник. — Отдохну, потом видно будет.

В планах у него было добраться до Украины, оттуда рвануть куда-нибудь в Европу. Но, конечно же, посвящать в свои планы Асгарда он не собирался.

— Ладно. Если что, на связи. И да хранит тебя Мать-Земля.

— Угу, и тебе не хворать.

Асгард ушел, Ник закрыл за ним дверь и понял, что уже не заснет.

Лениво пересчитал деньги в конверте. Две штуки. Что ж, Асгард прав: это лучше, чем ничего.

Заварил кофе, подошел к окну, распахнул настежь. Духота никуда не делась, но все же утром воздух был куда приятнее, чем днем.

Город постепенно просыпался, хотя в центре пробуждение начиналось позже, чем на окраинах. Наблюдая за дворниками, убирающими центральную улицу, Ник размышлял о настоящем и будущем.

В Ростове его больше ничего не держало, но уезжать почему-то не хотелось. Допив кофе, Ник решил, что задержится здесь еще на денек.

Весь день до вечера Ник просидел за ноутбуком, набирая строчки кода для новой программы, которую писал скорее из фана, чем из желания что-то на ней заработать. Программка должна была уметь за минимальное время обрабатывать огромное количество информации, находя нужную — что-то вроде интеллектуального поисковика, который знает, что необходимо хозяину, даже если хозяин сам об этом не знает.

Ближе к вечеру отправился на набережную бессмысленно прогуляться, да выпить пару бутылок пива.

Прощальное рандеву по городу, временно приютившему начинающего хакера.

Близился вечер, на набережной было многолюдно. Вдоль причала стояло несколько прогулочных теплоходов, которые курсировали по Дону каждые полтора-два часа. Отбоя от желающих прокатиться не было.

От мини-юбок и стройных ножек молодых девочек рябило в глазах.

А может, снять кого-нибудь? — подумал Ник. Прокатиться на кораблике, вино там, шампань с шоколадом, а потом поехать домой и продолжить вечер…

Сказано — сделано. Для молодого симпатичного парня с деньгами снять девочку на ростовской набережной — дело нескольких минут. Она назвала свое имя, но Ник не расслышал его, а переспрашивать не стал. Заплатил у трапа кассиру за два места, и они поднялись на борт прогулочного корабля.

Народ собрался быстро, и шхуна с претенциозным названием «Рай-18» отчалила.

Ник и его новая знакомая сели за столик на палубе. Шампанское в пластиковых стаканах, фрукты в треснувшей вазочке, шоколад, — в общем, все как полагается.

Девочка сразу же стала щебетать, рассказывая про себя, про каких-то подружек, несла еще какую-то утомительную и бессмысленную чушь. Слушать ее не хотелось, но приходилось делать вид.

Неподалеку сидела большая компания, состоящая в основном из парней в строгих черных костюмах и темных очках — несмотря на то, что все они старательно делали серьезный вид, пытаясь походить на крутых бандитов, выглядели они весьма комично. Рыжеволосый армянин, чубатый хохол, пара русских с «окающим» говором северян, пара англоязычных перцев, короче полный интернационал.

Они обмывали то ли удачную сделку, то ли какую-то аферу с картинами, которую они провернули в Москве несколько дней назад.

В компании выделялся здоровенный негр, похожий на Лоуренса Фишборна, с бритой головой и серьгой в ухе. Он больше всех говорил и было видно: если он и не старший в этой компании, то, как минимум, в авторитете. У него на коленях сидела миниатюрная блондинка, которая все время пыталась обратить на себя его внимание, но негру хотелось разглагольствований. Демонстрируя татуированные бицепсы размером с пивную кружку, негр всех называл братьями, много улыбался и много пил.

Вскоре Ник потерял интерес к компании и сосредоточился на своей спутнице.

У нее были длинные каштановые волосы, длинные ресницы и длинный нос, который, впрочем, был не настолько длинным, чтобы вызывать отвращение, а, скорее, придавал облику некую изюминку. Четвертый размер подчеркивал эту изюминку. Девушка была в кофте, и Нику вдруг немедленно захотелось выяснить, есть ли под кофтой лифчик. Для этой цели он подсел поближе, закинув руку на спинку ее стула.

Девушка не возражала, даже наоборот, сама подалась к нему, продолжая щебетать. Ник только успевал кивать да вставлять односложные предложения, не забывая подливать в ее бокал шампанского.

В какой-то момент поймал себя на мысли, что сравнивает ее с Синкой. А еще заметил, что всякий раз, когда он делает глоток алкоголя, его спутница становится похожа на Синку все больше и больше.

Шампанское быстро закончилось, Ник поднял руку, подзывая официанта.

— Еще бутылку принесите.

Когда официант, забрав пустую тару, удалился, Ник встал из-за стола.

— Сейчас вернусь, — сказал он и направился в сторону туалета.

Его немного пошатывало — от алкоголя вкупе с небольшой качкой. Тем не менее, до цели добрался без падений и других эксцессов.

У входа в сортир стояла компания худощавых подростков, судя по гнусавым голосам, сильно загашенных.

— Ты смотрел «Пиноккио-964»?

— Не-а.

— Посмотри, ваще крутяк.

— А ты видел «Электрический дракон»?

— Не-а.

— Тоже круть, посмотри…

— А ты смотрел…

Они посторонились, пропуская Ника, и продолжили свой разговор.

В сортире сильно воняло хлоркой и анашой. Стоит поторопиться, подумал Ник, морщась от омерзительного запаха.

Когда он вернулся за столик, его там ждал неприятный сюрприз — на его месте сидел какой-то тип, который мало того, что пытался облапать спутницу Ника, так еще и пил шампанское из его стакана.

Самое неприятное заключалось в том, что тип был постарше Ника и был явно сильнее.

Можно, конечно, развернуться на сто восемьдесят, уйти куда-нибудь в трюм на танцпол и отсидеться там до конца поездки, но остатки гордости победили зачатки страха.

Ник подошел к столу, словно невзначай, подвинул бутылку с шампанским, которую принес стюард.

Руку от горлышка убирать не стал.

— Здесь я сижу, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал твердо и уверенно.

Тип повернулся. Жест с бутылкой не прошел для него незамеченным — он смерил Ника взглядом, затем произнес:

— Только рыпнись, я тебя за борт выкину, — и после секундной паузы добавил: — Пойди лучше погуляй часок.

У него были мозоли на костяшках кулаков и Нику подумалось, что если он решит врезать этому хаму бутылкой по голове, то, скорее всего, промажет.

Девчонка сидела с испуганным видом и боялась даже пошевелиться. Надо было принимать решение. Бить или не бить.

— Я сейчас охрану позову, — сказал Ник, и эти слова прозвучали, словно писк забитой мыши откуда-то из-под плинтуса.

— Я тебе сейчас глаз на жопу натяну, мудила, — тип скорчил свирепое лицо, и стал подниматься.

— Привет всем, какие проблемы?

Голос, прозвучавший рядом, показался Нику знакомым. Поворачиваясь, он обратил внимание, что рядом вдруг стало подозрительно тихо, и голосов шумной компании уже не слышно.

Сбоку от Ника стоял тот самый негр. Он не был похож на человека, который вмешивается в чужие дела, и Ник сначала подумал, что этот негр и хам, севший за его столик, из одной компании. В этом случае у него не было никаких шансов.

Но оказалось, что это не так, поскольку хам уставился на негра, а затем процедил:

— Отвали, шоколадка.

— Monsieur, votresociete estintolerable, — произнес негр, мягко улыбаясь. При этом он обошел стол и очутился почти за спиной у хама, так что тому пришлось повернуться.

— Че-че-че? — скривился хам. — Слышь, по-русски говори…

— По-русски я тебе говорю: свали отсюда нахер, брат, — произнес негр.

Дальнейшее произошло в течение одной секунды, Ник даже не успел опомниться. Хам начал привставать с места, в это время негр двинул рукой и одним мощным хуком в подбородок уложил его на пол. Удар был настолько стремителен, что Ник даже не заметил его движения.

— Уберите его, — скомандовал негр своим приятелям в черных костюмах. Двое тут же подхватили хама подмышки и поволокли куда-то вниз, на глазах у публики, которая, впрочем, старалась делать вид, что ничего не замечает.

Негр посмотрел на девушку, затем на Ника.

— Все в порядке, брат?

— Э-э-э… да, спасибо, — кивнул растерянный Ник.

— Спасибо не мне говори, брат. Ей, — негр кивнул куда-то в сторону, хлопнул Ника по плечу и направился к своему столику.

Ник повернулся. Он не поверил своим глазам, когда увидел. Словно разряд по телу, мурашки…

Все, что забылось — вспомнилось. Все, что помнил до сих пор, врезалось в сознание и головокружительным потоком завертело мысли, не давая им упорядочиться.

Возле борта стояла Синка.

Не замечая ничего вокруг, на негнущихся ногах Ник подошел к ней.

— Привет, Ник.

Она совсем не изменилась со времени их последней встречи.

Те же глаза разного цвета, та же прическа, и даже джинсы с майкой, кажется, те самые, в которых она часто ходила. Такое ощущение, словно они только вчера виделись.

— Что ты тут делаешь? — спросил он.

— Приехала к друзьям, — она кивнула на компанию негра. — Я тебя еще на набережной заметила, но ты был не один, и я не стала подходить. Это твоя девушка?

Ник скосил глаза — его «девушка» все еще пребывала в растерянности и неотрывно смотрела на Ника с Синкой, словно подсудимый, ожидающий приговора.

— Нет. Сегодня только познакомились.

Ник еще не до конца пришел в себя, еще не осознал, что происходит. Чувствовал, что растерян, не зная, что сказать.

Он ведь ждал ее все это время, чуть ли не каждый день вспоминал о ней, мечтал о такой вот случайной встрече, а когда мечта сбылась, оказалось, что он не готов к этому.

Синка тоже молчала, и лишь когда пауза слишком затянулась, тихо произнесла:

— Извини.

— За что? — автоматически спросил Ник.

Девушка пожала плечами, отвернулась.

— Ну… я тогда уехала, не попрощавшись…

— А-а-а… — протянул Ник. — Ничего, бывает.

Он не знал даже, что говорить, о чем спрашивать, настолько все было неожиданным.

— Нет. Ты не понимаешь. Просто… Лекс и я…

— Не надо, — глухо попросил Ник.

— Нет, надо, — твердо, даже жестко произнесла Синка, глядя на воду. — Ты должен это знать, я хочу, чтобы ты это знал…

— Я знаю.

Синка осеклась, посмотрела на Ника удивленно.

— Знаешь? Что знаешь?

— Что вы с Лексом были вместе, — помолчав, добавил. — Забей. Все в прошлом. Страницы уже перевернуты.

— Но… — Синка выглядела растерянной. — Я хотела сказать про другое. Что Лекс предал тебя. Из-за меня.

— Из-за тебя?

— Это же я познакомила вас с Бадом. А он использовал это знакомство, чтобы украсть из компании, в которой вы работали, какие-то данные, из-за которых…

— Это я тоже знаю, — перебил ее Ник. — Я не знаю только одного.

— Чего же?

— Где твоя бабушка?

— А… — Синка открыла было рот, затем тряхнула головой. — Ну, блин… бабушки никакой и не было. Извини, но я боялась тогда сразу сказать вам правду, потому что не знала вас. Вот и придумала про бабушку, чтобы вы не напрашивались в гости. Потом не хотела признаваться во вранье… Ну, а потом… потом уже было поздно рассказывать. Я просто уехала из Москвы, когда узнала, что сделал Лекс.

Ее слова словно пробивались сквозь вату. Ник слушал ее и все еще никак не мог собраться с мыслями.

— Прости.

Она смотрела на парня умоляющим взглядом, ее просто невозможно было не простить.

Впрочем, Ник уже давно все простил и забыл. Эмоции, которые внутри него бушевали, касались только самого факта встречи.

— Все нормально, — кивнул он. — Я рад тебя видеть.

— И я тебя очень рада видеть, — она на секунду дотронулась ладонью до груди Ника, тот вздрогнул, как от тока. Захотелось схватить ее ладонь и не отпускать.

— А твои друзья, они…

— Там нет моего парня, если ты это хотел узнать.

— А вообще твой парень есть?

— Не-а, — Синка мотнула головой. — Я же кошка, которая гуляет сама по себе. А эта девушка значит, не твоя подруга?

— Я познакомился с ней час назад. — Ник посмотрел на часы

и уточнил: — Полтора часа назад.

— Тогда… подожди минутку.

Сделав знак рукой, Синка отошла в сторону, к ней подошел хохол, она ему что-то сказала. Хохол коротко кивнул, развернулся… через несколько секунд он уже сидел напротив знакомой Ника, лучезарно улыбался и что-то ей говорил, от чего девушка тоже стала улыбаться.

Синка же вернулась к Нику, шутливо ткнула его в бок и сказала:

— Ну вот, теперь мы свободны, можешь рассказывать, чем ты сейчас занимаешься. Хотя нет, ответь лучше сначала: ты хоть раз вспомнил обо мне за все это время?

Ник только усмехнулся в ответ.

Целый час, пока корабль курсировал по Дону, они простояли у борта, что-то рассказывая друг другу, смеясь и улыбаясь.

Ник благодарил провидение за то, что оно не дало ему покинуть Ростов этим днем. Он поистине был счастлив.

Когда корабль вернулся к причалу, и пассажиры потянулись к выходу, Синка вдруг спросила:

— Может, поедем к тебе?

И Ник, в первую секунду едва не задохнувшись от изумления, закивал, словно китайский болванчик.

А в полночь начался дождь. Он шел всю ночь, смывая с асфальта пыль, впитываясь в жадную высохшую землю, развеивая духоту.

ГЛАВА 16
ВМЕСТЕ

Ростов, август 2004 года.

Это была сумасшедшая ночь. Безбашенная, яркая, феерическая.

Ночь, которая закончилась поздним утром.

Они валялись на скомканных простынях, мокрые от пота, обессиленные, довольные друг другом и тем, что между ними случилось.

Спать не хотелось. Разговаривать не было сил. Они просто лежали, смотрели в потолок и молчали.

Первой тишину нарушила Синка. Прижавшись к груди Ника, она прошептала:

— Кажется, произошло то, чего я ждала и боялась всю жизнь.

Я влюбилась.

— В кого? — неудачно пошутил Ник, за что получил несильный тычок в бок. — Прости. Я тоже тебя люблю. Правда. Всегда любил. С самого первого дня, когда тебя встретил.

— Прям таки с самого первого дня?

— С первого взгляда, — подтвердил Ник. Помолчал немного, а затем спросил: — Так все же, где ты живешь? В Москве?

— Нет. Жила там раньше, снимала квартиру, только не в том доме, а в соседнем. Извини, что не говорила тогда тебе правду… я боялась.

— Меня?

— Не тебя. Твоего друга.

— Лекса? — удивился Ник. — Но почему?

— Не знаю. Он мне показался плохим. Злым, подлым… и, как выяснилось, я была права. Ты сказал, что знаешь о том, что мы были вместе. Рассказать тебе, как это произошло?

— Не надо, — мертвенным голосом сказал Ник, но Синка его не слушала.

— Он позвал меня для важного разговора. Мы встретились в ресторане гостиницы «Спорт», там Лекс рассказал мне про то, что заработал много денег с помощью Бада, а потом напоил меня какой-то дрянью. Я ничего не соображала, когда он отвел меня в номер. Хотя… конечно же, я сама виновата.

Она всхлипнула, и у Ника сдавило что-то в груди, сначала от жалости к ней, потом от ненависти к Лексу.

Несколько минут лежали молча, потом Синка спросила:

— Кстати, где он сейчас?

Лицо Ника непроизвольно дернулось.

— Где-то в Москве, — хрипло ответил он. — Я его не видел с тех пор…

— Я читала про него в интернете, — сказала Синка. — Точнее, не про него, а про его игру… помнишь, которую он делал…

— Помню, — резко ответил Ник. — Я все помню. Не обижайся, но я не хочу обсуждать эту тему.

— Да, конечно. Прости.

В тишине они пролежали еще несколько минут. Потом Синка встала с кровати, ничуть не смущаясь наготы, подошла к окну.

Ник залюбовался ее формами, а она закурила и, глядя на улицу, сказала:

— Если бы я знала, что так получится, я бы никогда не познакомила вас с Бадом.

— Забей, — ответил Ник. — Это прошлое.

— Наше настоящее определяется прошлым.

— Один тип сказал мне, что настоящее определяется будущим.

— Что?

— Настоящее определяется будущим и создает прошлое.

— Что-что?! Кто тебе это сказал?

Синка развернулась и спросила это настолько взволнованным тоном, что Ник даже удивился.

— Не знаю. Случайный прохожий, давно еще…

— А как он выглядел?

— Хм… ну, такой высокий, худой…

— Молодой?

— Вроде да. А что?

Девушка, казалось, была не на шутку встревожена.

— Понимаешь, просто мне приснился сон недавно…

Она врала. Что-то говорила, а Ник чувствовал, что это неправда.

И хотя это было не в первый раз, впервые она говорила настолько неубедительно, что ложь чувствовалась сразу же. Наверное, именно поэтому он решил не рассказывать девушке, что тот случайный прохожий пригласил его в Питер через два года, и даже назвал адрес.

Может, все это не случайно, а закономерно? Может, Синка что-то знает, но не говорит? Хотя откуда ей знать этого студента…

Она еще что-то говорила про кошмарный сон и нехорошие предчувствия-совпадения, а Ник рассматривал ее настолько пристально, что она осеклась в какой-то момент.

— Почему ты на меня так смотришь? — спросила она удивленно.

— Что с твоими глазами? — спросил Ник.

— С глазами? А что…

— У тебя были глаза разного цвета, а теперь… — Ник приподнялся на кровати, чтобы рассмотреть получше.

— Тут, наверное, освещение плохое.

Синка шагнула к одежде, стала одеваться. Застегнула на запястье браслет с паучком, потом натянула майку.

— У тебя кофе есть? Жутко хочется кофе, хоть растворимого, хоть какого.

— Нет, правда, у тебя же были разные глаза…

Ник вскочил с кровати в чем мать родила. Подошел к Синке, развернул ее, может, даже несколько грубовато.

У нее были разные глаза. Еще минуту назад Ник готов был поклясться, что у нее были глаза одинакового цвета, а теперь снова разные. Один синий, другой зеленый.

— У меня они такие с рождения, — Синка улыбнулась, затем вышла на кухню.

Через несколько минут туда зашел Ник, уже одетый.

Шумел включенный электрочайник, Синка насыпала кофе в кружку и одновременно разговаривала по телефону.

— Ага. Ну, вы, блин, даете… про меня только не забудьте, когда билеты будете покупать. Все, увидимся в аэропорту.

Она спрятала телефон, повернулась к Нику.

— Кофе будешь?

— Ты что, уезжаешь? — спросил Ник.

— Ну да. Мы собираемся в кафе возле аэропорта, позавтракаем… точнее, пообедаем, потом возвращаемся в Москву.

— Зачем? Оставайся здесь, со мной.

— Не могу. У меня теперь в Москве есть одно важное дело.

— Какое?

Синка сначала заколебалась, затем махнула рукой.

— Я хочу отомстить.

Не сразу до Ника дошел смысл сказанного.

— Ты… ты хочешь отомстить Лексу? — удивленно спросил он.

— Да, — твердо сказала Синка.

— Зачем?

— Потому что никто не смеет безнаказанно предавать меня или человека, которого я люблю.

Ник посмотрел ей в глаза.

— Налей мне кофе, — попросил он и вышел из кухни.

Вернулся минут через десять, умывшись. Кофе уже остыл.

Девушка курила, стоя у окна и глядя на улицу. Когда вошел Ник, она даже не повернулась.

— И как ты собираешься ему отомстить? — спросил Ник.

— Еще не знаю, — призналась Синка, выпуская дым на стекло окна. — Ты слышал про Синдикат Д? Это ассоциация торговцев информацией…

— Да, слышал.

— Я куплю у них досье на Лекса и найду его слабое место. Остальное — дело техники. Хочешь мне помочь?

Она повернулась, теперь испытующе смотрела на Ника.

Парень сделал глоток кофе, затем залпом допил остаток и небрежно поставил чашку в раковину.

— Я знаю его слабое место, — хрипло сказал он. — Знаю, как можно ему отомстить.

— Знаешь?

— Игра, которой Лекс управляет… я знаком с исходниками. Мы… я и мои друзья, мы хотели взломать эту игру… — Ник говорил торопливо и от того немного сбивчиво. — У нас был заказ, его отменили, но мы готовились и есть план… Игра для Лекса — это все.

Это его жизнь, его цель… если ее уничтожить…

— Ты сможешь это сделать? — спросила Синка.

— Я сделаю это, — кивнул Ник. — Если ты останешься со мной.

— Если я…

— Если ты пообещаешь, что останешься со мной и никуда не уедешь, я уничтожу его игру.

Его голос подрагивал от ненависти. В этот момент он ненавидел Лекса больше всего на свете. Не из-за того, что, благодаря ему, потерял работу, разрушил карьеру. А из-за того, что Лекс посмел нарушить их договор и прикоснуться к Синке.

Это не должно остаться безнаказанным.

Синка подошла к нему, прижалась, поцеловала в губы.

— Мне надо предупредить ребят, что я остаюсь, — сказала она. — Поедешь со мной?

— Конечно.

Вчерашняя компания заметно поредела. Остались самые стойкие. Они сидели в кафе с опухшими от пьянки лицами, пытаясь поправить здоровье с помощью куриного бульона и зеленого чая.

Негр уже не болтал, как вчера, а осматривал все вокруг мутным взглядом.

Ему явно не понравилось, что Синка собралась остаться с Ником в Ростове, причем дело было не в ревности. Он серьезно

считал, что, находясь рядом с Ником, у девушки много шансов влипнуть в неприятности.

— Синка, это Ростов. Это не какая-нибудь сраная Москва или долбанный Лондон. Этот город застрял в девяностых, здесь ты шагу не сделаешь, если у тебя не будет крыши над головой.

— Вот моя крыша, — смеясь, ответила Синка и прижалась к Нику.

Негр был настроен не так весело.

— Брат, с кем ты работаешь?

— Ни с кем, — ответил Ник. — Я сам по себе.

— Сам по себе? Чем ты занимаешься, брат?

— Ай-Ти, — вместо Ника ответила девушка.

— За Ай-Ти будущее, — влез в разговор один из спутников негра, небритый лысый мужик в рубашке с порванным воротником.

— Да что ты, — скривился негр. — Знаешь, брат, когда мне говорят, что будущее за Ай-Ти, я достаю Desert Eagle и спрашиваю: ты, сука, кто такой, чтобы рассуждать о будущем? — он залпом выпил полбокала пива, вытер губы ладонью и произнес. — Синка, я не могу тебе указывать, но поверь, Ростов не самое лучшее место для одиночек. Если, конечно, ты не собираешься оставить все дела, обзавестись семьей, детьми…

Компания за столом заулыбалась.

Ник стоял с каменным лицом, понимая причину их улыбок. Синку трудно представить в семейном гнездышке. Она скорее Бонни Паркер, чем Наташа Ростова.

— Джамба, по-моему ты все утрируешь, — сказала Синка.

— Может быть, — пожал негр плечами и посмотрел на Ника. — Береги ее, брат. Она очень хороший человек.

— Конечно, — кивнул Ник.

— Удачи вам. Синка, будешь в Москве — ты знаешь, где меня искать.

Когда они выходили из кафе, Ник спросил:

— А кто этот Джамба?

— Да так, знакомый один, — ответила Синка. — Он аферист вообще-то, хотя говорят, что он кокаином торгует. Я мало про него знаю, слышала только, что он в очень плохих отношениях с московскими байкерами. А что?

— Он был прав насчет крыши, — сказал Ник. — В смысле, то, что мы собираемся сделать, будет иметь последствия, поскольку Лекс работает не один. За его спиной куча влиятельных организаций, начиная от Армады и заканчивая китайской мафией.

— Ты боишься? — спросила Синка.

— Нет, — твердо ответил Ник. — С тобой я ничего не боюсь.

ГЛАВА 17
В МИРЕ ХИЩНИКОВ ВСЕГДА ВИНОВАТА ЖЕРТВА

Москва, февраль 2005 года.

«Внимание! Никогда и никому не говорите пароль от своего персонажа. Не вводите пароль на других сайтах, типа "новый город", "лотерея", "там, где все дают на халяву". Пароль не нужен ни паладинам, ни кланам, ни администрации, только взломщикам для кражи вашего героя. Администрация».

Эта надпись за последний год видоизменялась несколько раз.

Сначала была лишь одна строчка с просьбой не называть никому свой пароль, потом добавилось еще несколько пояснений. Толку от этих добавлений ноль целых, хрен десятых. Все равно аккаунты у пользователей как воровали, так и продолжали воровать.

Если юзер клинический идиот, то ему ничего не поможет, хоть всю заглавную страницу испиши предупреждениями и памятками.

Лекс ненавидел таких идиотов больше, чем кого-либо. От них больше всего шума, больше всего проблем и, как правило, никакой экономической или какой-либо другой пользы. Они такие везде — как в реальной жизни, так и в виртуальности: сначала сделают все, чтобы их кинули, а затем поднимают шум, обвиняя в своих бедах всё и вся. Лохи, одним словом.

Иногда очень хотелось взять и заблокировать все эти аккаунты, хозяева которых сначала пренебрегают элементарными правилами безопасности, а затем засирают форум нытьем и просьбами о помощи.

Стереть навечно и забыть. С глаз /dev/null, из сердца del.

Только и это не поможет. Зарегистрируются ведь заново, чтобы снова попасть в лапы хакерам и ныть, ныть, ныть…

Что больше всего убивало — ведь каждый из этих нытиков искренне считал, что он не виноват. Что так сложились обстоятельства, или что проблема в самой игре, или что виноваты разработчики, оставившие хакерам возможности для взлома. Они не понимают и не хотят понимать, что самая главная проблема смотрит на них каждое утро из зеркала в ванной комнате.

Ломают только лохов — в этом Лекс был убежден на сто, даже на сто пятьдесят процентов. Если тебя взломали, то в этом

виноваты не хакеры, не администрация и даже не родители, почему-то забывшие предохраниться, а ты и только ты.

Конечно же, Лекс не мог это написать на форуме. Хотя очень хотелось. Нищебродов, недовольных работой администрации и так достаточно много, лишний раз их провоцировать смысла нет. Лекс вообще старался не отписываться в скандальных топиках, и лишь однажды не выдержал. Один из таких вот дебилов, по своей вине потерявший пароль и персонажа, создал на форуме обычный плаксивый топик, в котором сетовал на тяжелую судьбу и взывал к справедливости. Взывал настолько убедительно, что у него даже появились «плюсадины» — согласные с ним такие же юзеры-неудачники.

Лекс написал ему несколько слов, которые сразу же вошли в анналы игры и с тех пор цитировались бесчисленное количество раз.

«Справедливости в Пути нет и не будет».

Как в жизни, собственно говоря. Если ты лох — это судьба.

— Доброе утро, Алексей Алексеевич.

— Доброе, Марьванна.

— Погодка-то сегодня — просто чудо…

Вахтерша, старая бабулька — божий одуванчик, сегодня особенно разговорчива, но у Лекса, как обычно, ни времени, ни желания на болтовню не было. Начало одиннадцатого, надо ехать в офис.

Выйдя из подъезда на улицу и оценив прелесть свежего морозного утра, Лекс направился к машине, на ходу доставая брелок с ключами.

Настроение было преотличнейшее.

Несколько дней назад он закончил работу над очень важным проектом, над которым бился последние несколько месяцев. Даже игрой толком не занимался, отдав управление в руки гейм-дизайнеров и перл-программистов.

Эвристический анализатор для системы управления базами данных должен максимально оптимизировать обработку информации, которая поступала от чата. Грубо говоря, этот анализатор должен был обрабатывать всю переписку, которую вели между собой пользователи. Выбирать нужную заказчику тематику — по ключевым словам, по пользователям, даже по времени года.

Заказчиком был Эмир, точнее его люди, которые первое время в буквальном смысле слова стояли над душой, тщательно объясняя, какой функционал ожидает Эмир от этого анализатора.

Он мог самообучаться, в конце концов полностью подстраиваясь под желания своего хозяина, отбрасывая лишнее и

выискивая из гигабайт мусора байты самого необходимого.

Лекс догадывался, что в дальнейшем этот анализатор будет использоваться в качестве сборщика компромата, но его это совершенно не смущало. Напротив, в какой-то момент работа поглотила его настолько, что он даже перестал концентрироваться на игре и, как говорил Мусорщик, «дрочить на свою божественность».

Скрипты, управлявшие анализатором, не были исходниками искусственного интеллекта, но по значимости находились где-то рядом. Если когда-нибудь AI будет все же создан, он обязательно будет использовать подобный анализатор для сбора информации. Потому что он идеален.

Во всяком случае на сегодняшний день аналогов не существует.

Над анализатором Лекс, конечно же, работал не один. Кроме него еще несколько человек трудились денно и нощно, но основную работу делал именно он. И на прошлой неделе результат, наконец, оформился во что-то конкретное, что было не стыдно показать заказчику.

Полностью работа еще не закончена, требовалось много тестов и настроек, но уже сейчас можно с гордостью сказать, что работа была проделана не зря.

Исходники анализатора уже переданы крупнейшим акционерам игры — Эмиру и его партнерам по бизнесу. Правда, самого Эмира Лекс так и не увидел ни разу, в офис за исходниками приехали его доверенные лица, но уже через день после этого из Средней Азии пришла поистине восточная благодарность. Ровно один миллион евро, не облагаемый никакими налогами, был зачислен на личный оффшорный счет Лекса на Кипре.

А чо — от души.

Пискнула сигнализация новенького «Рейнджровера». Права Лекс получил в декабре, а к новому году сделал себе шикарный подарок — элитный внедорожник с полной комплектацией.

Мусорщик, так же получивший исходники анализатора, пообещал в скором времени решить вопрос с мигалкой — давней мечтой Лекса, который ненавидел ежедневные московские пробки. Правда, сам Мусорщик мигалки не одобрял, считал, что они привлекают излишнее внимание, но мнение незнакомых людей Лекса волновало меньше всего. В конце концов, он законопослушный гражданин и даже платит какие-то налоги в этой стране.

Открывая водительскую дверь, Лекс заметил клочок бумажки, торчащий между стеклом и щеткой дворника. Это не было похоже

на квитанцию штрафа, скорее выглядело как записка.

С недобрыми предчувствиями Лекс протянул руку, вытащил бумажонку.

Свернутая вдвое половинка листа А4 с коротким текстом.

«Если номера нужны, позвони до 11:00».

И номер мобильного телефона.

Лекс не сразу сообразил, о каких номерах идет речь, пока не обошел машину спереди и не опустил глаза вниз.

Номеров не было.

Выругался, обошел машину — сзади его встретила такая же поганая картина.

Первым желанием было позвонить Коню — пару недель назад Лекс прописал в игре какому-то его дружку-полубандиту несколько дорогих артефактов и мог рассчитывать на помощь. Но глупо звонить, не выяснив обстоятельства, и Лекс, достав мобильник, набрал номер, указанный на бумажке.

— Возврат номеров стоит триста баксов, — сказал в трубке молодой незнакомый и нахальный голос. — Иди к ближайшему платежному терминалу, там получишь новые указания.

— Слышь, ты хоть знаешь, чьи ты номера свинтил?

— Через полчаса я отключу телефон, а симку выкину, — бесстрастно произнес голос. — Так что либо ты торопишься, либо восстанавливаешь номера через ментов.

— Ты, сука, я тебя порву на куски и заставлю! — Лекса, возмущенного столь наглым и бесцеремонным кидаловом, прорвало.

В течение минуты он детально описывал, что будет с аферистом, если тот немедленно не сделает возврат. Когда умолк, голос в трубке произнес:

— Возврат номеров теперь стоит четыреста баксов, а у тебя осталось двадцать минут, понял, козел?

И отключился.

Пальцы Лекса подрагивали от бешенства, когда он искал в телефонной книжке номер Коня.

Дозвонился сразу, обрисовал ситуацию и сказал, что хочет лично натянуть мерзавцу жопу на глаз.

Но Конь разочаровал его своим ответом.

— Брателло, — сказал он немного извиняющимся тоном. — Мой тебе совет: заплати и забудь.

— Как заплати?

— Это обычная шпана. Проще всего заплатить, чтобы не иметь гемор с мусорами.

— А вычислить его что, нельзя?

— Можно, но не за двадцать минут. Симка куплена на Горбушке, и он ее выкинет через полчаса-час. Придется нанимать ищеек вроде Синдиката. Те будут искать свидетелей, смотреть записи с камер в округе… этот движ обойдется тебе в несколько килобаксов, и не факт, что все срастется… поверь, брателло, проще заплатить и в дальнейшем ставить тачку на охраняемую стоянку…

— Я не буду ему ни хера платить! — воскликнул Лекс. — Принципиально!

— Брателло, тогда ты будешь платить мусорам. Дольше и больше.

От бессилия захотелось кому-нибудь что-нибудь разбить.

— Слушай, Конь… Я хочу найти этого урода и вставить ему паяльник в задницу!

— Брателло, я помогу тебе, чем смогу, но без Синдиката эту шушару не найти. А это от пяти до десяти килобаксов, и это в лучшем случае, если твой клиент лох и любит хвастать перед дружками своими делами.

— Ясно… — пробормотал Лекс и отключился.

Внутри все клокотало от ярости. Прыгнул в машину, завел, выехал со двора, снова набрал номер похитителя.

— Ну че, ты уже у терминала? — поинтересовался равнодушный голос.

— Я уже у твоего анала, — огрызнулся Лекс. — В общем так, давай по-хорошему. Если не хочешь неприятностей, просто верни номера, и мы все забудем…

— Слы, ты че, упоротый? — удивился голос. — У тебя десять минут осталось и последняя попытка, чтобы номера вернуть…

— Сука, тварь, я тебя на куски порву, когда найду…

— Да иди ты нах! — устало ответили в трубке и сбросили соединение.

Лекс набрал номер снова, но тот уже был отключен.

От злости Лекс швырнул телефон на заднее сиденье. Ударившись о подушку, телефон отскочил и упал куда-то на пол.

Наболтал музыку по максимуму. Сабвуфер разрывался дико угарным «С-54», под речитатив рэпперов Лекс всю дорогу в офис нещадно матерился — от ненависти к неизвестному аферисту, от собственного бессилия, от ощущения того, что его сейчас сделали лохом. Точно таким же лохом, как те нытики на форуме.

Когда до офиса оставалось всего ничего, его тормознул гаишник.

Полчаса компостировал мозг, а затем, как говорят в Вятке, поменял тысячу рублей на «всего хорошего».

Этот случай добавил ненависти, которая теперь, можно

сказать, выплескивалась через край.

Дело не в деньгах, конечно. Плевать на деньги. Сейчас добраться в офис, связаться по скайпу с кем-нибудь из Синдиката, заплатить, сколько они попросят, лишь бы найти выродка, укравшего номера.

И тогда… чисто из принципа… рвать… на куски… гада…

Поднимаясь по ступенькам на второй этаж, Лекс думал о том, что сделает с аферистом, и от жутких картин становилось немного легче.

В коридоре, не дойдя нескольких метров до своего кабинета, он столкнулся с Машей. У девушки лицо было, что называется, «опрокинуто навзничь».

— Алексей Алексеевич… нас взломали…

— Что? — переспросил Лекс, все еще поглощенный своими мыслями.

— Я вам звонила, но у вас что-то с телефоном…

— Что значит взломали? — перебил ее Лекс.

— Я точно не знаю… в игре хаос, ребята сказали, что этой ночью была хакерская атака…

— Нас досят что ли?

Она была всего лишь администратором-секретарем и в компьютерах понимала еще меньше, чем Лекс в балете. Внятных объяснений у нее не получить.

Дверь кабинета Лекса в этот момент распахнулась, оттуда выглянул Мусорщик. Взъерошенный, без обычной бейсболки и даже без неизменных тонированных очков.

— Приехал? Наконец-то, — бросил он раздраженно.

У него зазвонил телефон. Глянув на табло, Мусорщик сначала сокрушенно покачал головой, а затем, прижав трубку к уху, что-то произнес на незнакомом Лексу языке и скрылся в кабинете.

Лекс впервые увидел его без очков и обратил внимание, что у него были глаза разного цвета.

Совсем как у Синки, вспомнил Лекс, входя в комнату, где сидели ведущие программисты.

Там стоял шум, все кричали и спорили, но при виде босса мгновенно все заткнулись, словно мыши.

Прогнав одного из программистов из-за компа, Лекс уселся на его место и в гробовой тишине около десяти минут ожесточенно дергал мышку и тарабанил по клавиатуре. Лицо его за эти минуты, как в песне — «то краснело, то бледнело…»

Это была не дос-атака, когда просто прекращается доступ к серверу. Напротив, игроки могли заходить в игру, могли общаться, могли проводить бои, только при этом изменилось все.

В игру запустили десятки, а может, и сотни скриптов, которые перевернули всю игру с ног на голову.

Слабые игроки легко побеждали сильных, сильные просто теряли доступ к своим аккаунтам. VIP-игроки, заходя в игру, обнаруживали, что их оружие и броня стоимостью в десятки тысяч евро, бесследно удалены. Дорогие вещи продавались за копейки, дешевые материалы тупо исчезали из инвентарей, складов и магазинов. Переходя из одной локации в другую, игрок мог оказаться где угодно.

Боевка, экономика — все пошло прахом.

Полный хаос — и это еще мягко сказано. Паника на форуме игры и на сайтах-сателлитах стояла нешуточная. Пользователям уже было ясно: это не обычный сбой сервера.

И всех волновал только один вопрос: как быстро администрация справится с этим беспорядком.

— Мы пока обнаружили около двух десятков «чужих» скриптов, — поделился с Лексом один из программистов. — Но…

— Что «но»?

— Но мы думаем, что на самом деле их гораздо больше.

Лекс поднялся, каменным взглядом осмотрел кабинет, где сидели прогеры.

Бардак, называемый в мирное время рабочей обстановкой, сейчас играл против них. Всюду коробки, чашки, бутылки, платы, распечатки, статуэтки, картинки, ложки, сахар… и среди этого бардака пять скорбных рож, понимающих, что сейчас их будут дрючить.

Дьявол их задери, в том, что сейчас происходило, по большому счету действительно их вина. Недосмотры, недоделки… все всплыло наружу, словно дерьмо в речке.

Захотелось врезать кому-нибудь из них в нос. Так, чтобы до крови.

— Бэкапы есть? Делайте откат на вчерашний день… — распорядился Лекс.

— Мы не можем.

— Почему?

— Дыры ведь останутся. Большинство уязвимостей существует в игре достаточно давно, чтобы…

— Насколько давно?

— Речь идет о нескольких месяцах.

Лекс взвыл от ярости и запустил в стену беспроводной мышкой.

Это конец.

Делать откат на несколько месяцев назад! Да после этого половина пользователей немедленно покинет ресурс, а другая

половина перед уходом еще потребует возврат вложенных денег. Причем проблема не в деньгах, а в том, что больше никто и никогда не будет играть в «Путь». Благо, за последний год конкурентов-клонов у игры появилось бесчисленное количество.

Лекс тяжело дышал. Сейчас ему хотелось уже не просто избить кого-нибудь, а убить.

— Есть идеи, кто стоит за атаками? — спросил подошедший сзади Мусорщик. — Конкуренты, враги…

— Понятия не имею, — бросил раздраженно Лекс.

— Жаль. Тебе сейчас придется объяснять, что-то говорить.

— Кому?

— Эмиру, — ответил Мусорщик и далее сообщил куда более неприятное известие. — Он будет здесь примерно через полчаса.

— Что? Эмир? Он что, в Москве?

Лекс так ни разу и не видел Эмира в лицо, но уже знал, что даже всемогущая Армада не горела желанием ссориться с человеком, скрывающимся под этим ником. Лекс знал настоящее имя Эмира, и чьим сыном он являлся, что в данной ситуации только усугубляло его, Лекса, положение.

Вот и появилась возможность лично знакомиться с этим воротилой теневого бизнеса Среднеазиатского региона. Повод для знакомства, к сожалению, не самый удачный, но тут уж ничего не поделаешь.

— Вчера прилетел. По каким-то своим делам.

— И сейчас едет к нам в офис?

Вместо ответа Мусорщик сочувственно развел руками — он понимал, что у Лекса положение незавидное.

Выругавшись, Лекс прошел в свой кабинет.

С того дня, как они вернулись со ставропольского турнира Башни, здесь не было ни капли спиртного и ни грамма наркоты, но сейчас Лекс впервые пожалел об их отсутствии. Нестерпимо хотелось выпить чего-нибудь покрепче, а затем вынюхать чего-нибудь бодрящего и выкурить чего-нибудь расслабляющего. Просто потому, что другого способа прийти в себя Лекс не видел.

Сел за компьютер, запустил форум игры, раздел «Ошибки мироздания», куда пользователи сливали обнаруженные баги. Новых топиков было несколько сотен, и это — не считая тех, которые модераторы удалили за ненормативную лексику, угрозы в реале и другие прегрешения.

Гребаный социум! Все эти люди — не безликие клоны. Они общаются между собой, знакомятся в реале, объединяются в кланы, сообщества, а потом начинают высказывать свое недовольство, постепенно раскачивая лодку.

Достаточно искры, чтобы все вспыхнуло. А тут не искра. Тут

неизвестные хакеры залили все бензином и зажгли такой костер, что все сгорит дотла, к бабке не ходи. Лодка дала течь и уходит ко дну быстрее, чем «Титаник». И, похоже, шансов спастись у нее нет.

Эмир приехал через двадцать минут. В сопровождении вереницы «Мерседесов» с дип-номерами, со свитой в полтора десятка вооруженных человек, которые рассредоточились по всему офису, не обращая внимания на испуганных сотрудников.

Его встречал Мусорщик, аж на улицу вышел ради этого. Вдвоем они вошли в кабинет, где их ждал заметно нервничающий Лекс.

Одному из самых влиятельных лиц Средней Азии на вид было лет двадцать пять, не больше. Ровесник Лекса. Черноволосый, черноглазый, одетый в стильную дизайнерскую одежду, он перебирал в руках четки из прозрачного стекла и сознательно проигнорировал протянутую Лексом руку.

— У меня мало времени, — сказал Эмир, усевшись за стол. — Поэтому обойдемся без церемоний и перейдем к делу.

Он говорил без акцента, а его голос напоминал шелест бумаги, на которую сыплют песок.

— Главное, что меня интересует — когда прекратится этот бардак и игра сможет работать в прежнем режиме?

— Ну… кхм… сейчас трудно что-либо говорить уверенно, — начал Лекс осторожно. — Дело в том, что там не одна проблема, а несколько…

— Мои люди, которые разбираются в программировании, сказали, что это надолго. Очень надолго. Я им не поверил и приехал к тебе, чтобы спросить лично. Скажи, к вечеру ты сможешь устранить все эти проблемы?

Лекс едва не поперхнулся, затем покачал головой.

— Нет, сегодня это исключено. Мы только… — он осекся, поняв, что детали Эмира совсем не интересуют.

Азиат сидел с черным лицом, перебирая четки. Долго сидел.

Молчание затягивалось, но ни Лекс, ни Мусорщик не решались его нарушить.

Наконец, Эмир поднял голову. Посмотрел на Лекса, и под тяжелым взглядом азиата тот съежился.

— Ты знаешь смысловое значение выражения «потерять лицо»? — спросил Эмир. Лекс хотел было ответить, но тот взмахнул рукой, останавливая его. — Я не буду вдаваться в подробности, тебе это ни к чему. Буду, как ваш президент, краток: из-за этих утренних событий я потерял лицо.

«Потеря лица» могла означать только одно — где-то там, в Азии, у Эмира, по его мнению, чуть-чуть снизился авторитет.

Лекса так и подмывало ответить по этому поводу что-нибудь колкое, но он понимал, что в этом случае шансы дожить до следующего дня будут стремиться к нулю.

Поэтому смолчал, сделав скорбно-виноватое лицо.

Эмир же, выдержав восточную паузу, продолжил:

— Я не смогу вернуть свое лицо до тех пор, пока виновный в этом не будет наказан. Сейчас, в данную минуту, я считаю виновным тебя, — он ткнул пальцем в Лекса. — И в какой-то мере тебя. Это ведь ты отговорил меня работать с французами и убедил, что эта игрушка принесет больше профита.

Эмир посмотрел на Мусорщика, тот вздрогнул, но не стал ничего говорить.

Зато нашел что сказать Лекс.

— Моя доля вины, конечно, есть, — сказал он. — Но я хочу сказать, что…

— Не надо ничего говорить, — перебил его Эмир. — Ты жертва. А значит, виноват ты и только ты. Если ты считаешь виновным кого-то другого… Найди его для меня. Это очень важно. И поторопись. У меня есть терпение, но оно не вечное. Это первое.

Он снова долго молчал, раздумывая.

— Ты хороший специалист в своем деле. Ты написал эту программу, анализатор… Мои люди сказали мне, что тот, кто это сделал, великий человек. Ты хороший программист, но плохой хозяин, поэтому у тебя бардак. Я пришлю людей, кто сможет следить за порядком.

Введешь их в курс дела, они помогут тебе с управлением. Это второе.

У меня все. Если у тебя есть ко мне вопросы, задай их сперва себе.

Эмир поднялся и, не попрощавшись, вышел из кабинета.

Лекс угрюмо посмотрел на Мусорщика.

— Мне одному кажется, что у меня сейчас отбирают мою игру?

— Это лучше, чем если бы у тебя отбирали жизнь, — философски заметил Мусорщик.

— Ты сейчас серьезно?

— Более чем.

— За что меня убивать? За то, что какие-то придурки решили поиграть в киберпанк? Я тут причем вообще?

— Тебе лучше найти для Эмира тех, кто тебя атакует, — уклончиво ответил Мусорщик.

— Как?

— Через Синдикат и его инфотрейдеров.

— У меня ни одной зацепки нет. Я боюсь даже подумать, сколько это будет стоить…

— Не дороже денег.

— Ну да.

Лекс вышел из кабинета, направившись к программистам.

— Ну что, есть новости? — спросил он, понимая, что вопрос риторический.

— Работают через прокси, не отследить, — развел руками один из программистов.

— Стартовую страницу только что изменили, — заметил другой.

— Матом что-то написали? — спросил Лекс.

— Нет, латынь. Вот, посмотрите.

Он вывел на экран, висевший на стене, изображение стартовой страницы.

Эмблема игры осталась неизменной, а вот надпись изменилась.

Раньше герб обрамляла надпись «Inviavirtutinullaestvia».

Хакеры исправили ее, теперь на стартовой висела другая надпись: «Mendacem memorem esse».

— Ну, и как это переводится? — поинтересовался Лекс.

— Не знаю, — пожал плечами разработчик, чем вызвал приступ ярости у босса.

— Ну так погугли!

— Лжецу следует быть памятливым, — ответил через минуту программист.

Кое-что стало проясняться. То есть уверенности у Лекса еще не было, но появились первые подозрения.

— Кажется, я знаю, в каком направлении стоит рыть, — процедил он сквозь зубы, когда подошел Мусорщик. — Свяжешь меня с Синдикатом?

ГЛАВА 18
ПОУЧАЙТЕ ЛУЧШЕ ВАШИХ ПАУЧАТ

Ростов, февраль 2005 года.

— Ай, глупы, как пробки, дети… их затягивают в сети… там и жизнь свою кончают… им не вырваться назад…

Ремикс песенки из старого кинофильма, игравший в одной из квартир дома напротив, был слышен еле-еле, но Синка взяла на себя роль усилителя и, стоя у окна, старательно подпевала.

Асгарда песня раздражала, но еще больше раздражал сигаретный дым, стоящий столбом. В квартире хоть топор вешай, уже глаза начали слезиться. Поэтому Синка и открыла окно, а вместе со свежим воздухом в квартиру ворвались холодный февральский ветер и песня со зловеще-тревожным смыслом.

— Не простудись, — сказал ей Ник, а потом притащил и заботливо накинул ей на плечи куртку.

Боже ж ты мой, посмотрите, какие мы нежные и заботливые…

Асгард видел, что у парня снесло крышу из-за этой взбалмошной девчонки, но влезать в чужие отношения не собирался. В конце концов, Нику не десять лет, чтобы учить его, как жить и с кем дружить.

Только Асгард чувствовал, что до добра их отношения не доведут.

Было в них что-то такое неестественное.

С того самого момента, как Синка появилась в Ростове, парня словно подменили. Нет, он оставался тем же профессионалом, вопросов нет. Продолжал учиться, что-то кодил постоянно, ребятам помогал — где консультациями, а где и делом. Но при этом никогда не отпускал девушку от себя дальше, чем на несколько метров и всегда следил не только за ней, но и за теми, кто осмеливался бросить на нее заинтересованные взгляды.

Ник готов был схватиться за нее с кем угодно. Это на себе почувствовал Святобор, когда Ник познакомил детей Сварога с девушкой.

Святобору дивчина приглянулась, и он, не разобравшись, кто с кем, попытался наладить более близкие отношения. Как истинный казак, немного неуклюже, немного прямолинейно, искренне и от души.

В результате Святобор узрел рядом со своей лысой башкой дуло «Беретты», а поскольку дело происходило в одном из Левбердонских кабаков, где они собрались, чтобы обсудить

дальнейшие планы, понервничать пришлось всем.

Благо, Святобор был добродушным парнем с понятиями. Он не стал обострять ситуацию, миролюбиво включив заднюю и извинившись перед Синкой за излишнюю назойливость. Конфликт был исчерпан в самом начале, без камушков за пазухой и затаившейся злобы.

Тем не менее, пришлось объяснить Нику, что в Ростове не принято размахивать пистолетами на виду у публики, особенно в местах вроде Левбердона, где каждое второе заведение принадлежало какому-нибудь блатному, а каждое первое — какому-нибудь менту.

— С тебя могли спросить, а могли просто закрыть, — пояснил Асгард, когда Ник уже успокоился и выпил со Святобором мировую.

— Плевать. За Синку порву.

— Нет, друже, не плевать. Ты не только себя, ты нас подставляешь.

— Ладно, сорри. Проехали.

— Откуда у тебя вообще пушка?

— Да она не работает, — признался Ник. — Купил по дешевке у азеров на Центральном рынке.

— Ну, так и выкинь ее. Кому эти понты нужны? Ты же не в Хасавюрте, блин. Слушай, у нас тут уже давно не пушками, а словами и уважением вопросы решают. Дай сюда. Дай сюда, от греха подальше.

«Беретта» с пустой обоймой и неработающим затвором отправилась в Дон, после чего компания смогла продолжить обсуждение.

Да, это все произошло во время так называемой деловой встречи, на которой Ник выступил с вполне официальным предложением к неоязычникам.

Ник собирался взломать игру, которую сначала хотел, а потом побоялся взламывать Заза и стоявший за ним Синдикат. Ник не скрывал причин — хотел отомстить за предательство, которое когда-то совершил создатель игры, серьезно подставив Ника, по сути кинув его. Из-за этого предательства Ник теперь находился в черном списке крупнейшей российской Ай-Ти корпорации и был обречен всю жизнь влачить полулегальное существование. Так что цели у взлома были самые что ни на есть революционные — не ради денег, а ради уничтожения Системы, то бишь игры.

Ну, или, если и не уничтожить, то, хотя бы, нанести ей как можно больший урон.

Этот взлом был опасен, но в наше время опасно даже ездить в

маршрутках, а, как сказал Святобор, Мать-Земля по любому сохранит своих детей.

Любой каприз за ваши деньги. Асгард и его друзья согласились помочь за пятьдесят тысяч евро.

Вообще-то, такая работа должна стоить гораздо дешевле.

Но в этом варианте стоимость работ определялась не сложностью, а теми, кто стоял на страже. Это была плата даже не за работу, а за риск, с ней связанный. Задешево связываться с китайскими триадами, боевиками Армады и им подобными организациями не хотелось. С учетом того, что дети Сварога знали Ника и уже убедились в его надежности, пятьдесят кусков вполне достойная сумма.

Позже Асгард узнал, что у Ника такой суммы не было, даже половины не набиралось, а основную часть операции финансировала его возлюбленная. Она не меньше Ника была заинтересована в этом взломе, из чего Асгард сделал вывод, что девушка тоже имела какое-то отношение к той темной истории с предательством.

К взлому готовились несколько месяцев. Это не означало, что все это время они с утра до вечера сидели над игрой, забыв про все остальное. Нет, конечно. Жили своей обычной жизнью, тратили казиношные денежки, на новогодние праздники даже в Домбай всей компанией смотались на неделю.

Но при этом не забывали об основной цели. Даже зарегистрировались и докачались до среднего по игре уровня, став одними из сотен тысяч пользователей, которые не могли позволить себе купить дорогие артефакты и обходились ежемесячными вложениями в 50–100 евро.

Ник изучил работу чата и долгое время клялся и божился, что говорилка в игре — это не просто сервис для мгновенного обмена сообщениями.

— У них в чате поисковики встроены, ну, или что-то в этом роде.

— Зачем?

— Откуда я знаю? Но когда я этот чат писал, ничего такого там не было. А теперь есть.

— Большой Брат следит за нами?

— Ну, что-то типа того. Сто пудов, админы сохраняют всю переписку, в том числе приватную.

— Ну, и кому этот флуд нужен? Ник, ты лучше объясни, как анимированные смайлы в базу добавляются.

Большая часть времени ушла на поиск багов и уязвимостей. Их оказалось более чем достаточно — игра работала только под интернет эксплорером, который сам по себе являлся одной

большой дырой.

Скрипты написались быстро, основную часть за пару дней накатали.

В феврале, когда все было готово, за несколько дней до часа X сняли квартиру на окраине, подключили к интернету, завезли туда несколько компьютеров, еду, конечно же, пиво.

Атаку начали ночью, когда большая часть админов и модераторов спала. XSS-уязвимости в руках опытного хакера превращаются в волшебную палочку, которую можно засунуть в зад любому юзверю, и там два раза провернуть.

Сначала сильно не борзели, действовали аккуратно. Изменения, которые внедряли дети Сварога вкупе с Ником, в основном касались внутриигровых сервисов вроде аукциона, почты или недавно открытого Турнира Башни Смерти. Все эти сервисы были недоработаны и нещадно лагали со времени своего появления, так что их сегодняшним глюкам первое время никто особо значения не придал.

Потом вошли во вкус и стали, как сказал Ник, «нагибать админов». С одного из левых аккаунтов так в общем чате и написали, мол, действует бригада великих нагибаторов, так что вешайтесь, ламеры.

К обеду сотворили в игре такой хаос, что разработчикам впору было отрубать сервис — но они этого почему-то не делали.

— Отследить нас хотят, сто пудов, — сказал Асгард. — Надо бы закругляться.

— Рано еще, — сказал Ник.

Они работали через анонимные прокси-сервера, благодаря которым отследить их было теоретически можно, но практически невозможно. Бояться нечего, хотя, как говорится, береженого Бог бережет, а не береженого конвой стережет. Разумеется, никто из присутствующих не жаждал, чтобы его сторожил конвой.

— Мы же их поимели во все дыры, — заявил Святобор, откидываясь на спинку старого кресла.

— Не во все. Еще дырка с клонированием предметов в карете.

С ней тоже можно шороху навести…

— А, точно! — Святобор расплылся в улыбке, подвинул поближе клавиатуру. — Щас наплодим уродов…

Для Святобора любой взлом — это, прежде всего, веселая движуха. Никакого инстинкта самосохранения.

Но уговор дороже денег. Тем более что деньги дети Сварога уже получили, и отработать заказ по полной для них дело чести.

— Поучайте лучше ваших паучат… — пропела Синка, глядя в окно.

— Достала эта песня! — не выдержал Асгард, быстро набирая

на клавиатуре команды. — Закрой окно, холодно.

Девушка фыркнула, но окно закрыла, после чего вышла из комнаты на кухню.

— Чего ты нервный такой? — спросил Ник.

Асгард не ответил, делая вид, что поглощен работой. На самом же деле…

Тревожно было на душе. Перун его знает, почему. План разработан безупречно, деньги уже получили и к завтрашнему дню никого из них в городе не будет — Святобор с братом в Кущевку уедут, там у них шабашка какая-то. Асгард в Сочи к друзьям, пацаны тоже кто куда.

Времени навалом: даже если хозяева этой взломанной игрушки не пожалеют денег и станут искать хакеров с помощью Синдиката, на вычисление точки уйдет несколько дней, а тогда уже ищи ветра в поле. К тому же Заза наверняка поможет с прикрытием, так что и спешить особо некуда и беспокоиться причин нет.

Но… все равно тревожно.

И тревога эта почему-то с девушкой Ника связана. Как посмотрит на нее Асгард, как увидит ее глаза бесовские, разноцветные, так беспокойство и охватывает.

Вроде хорошая, веселая, а есть в ней что-то такое скрытое, ненастоящее и опасное.

Вернулась она, села рядом с Ником, то в монитор его смотрит, то на него самого. А он, как ее увидел, так и потянулся к ней, забыв про все.

Непроста девка, ой, непроста. Принесет Нику неприятности, как пить дать.

— Так что с клонированием, братья-славяне? — спросил Святобор.

— Двадцать минут до следующей кареты, — отозвался кто-то из парней, кажется, Ратибор.

— Есть время выпить пиво.

Святобор встал с кресла.

— И мне зацепи, — бросил Асгард.

— И мне, — послышалось из угла.

Без пива любой взлом влом. Сделать глоток, набить строчку кода, сделать еще глоток и закусить чем-нибудь сухим, соленым и хрустящим — да то ж святое дело!

Святобор вернулся через полминуты.

— Братцы, а пива-то нет!

— Как нет? Закончилось?

— Ну.

— У-у-у-у…

Несколько разочарованных стонов пронеслось по комнате. И сразу же:

— Кто пойдет?

— Жребий кинем.

— Я не могу, мне карету надо вылавливать…

Идти на улицу — это надо одеваться, спускаться, закупаться, подниматься, раздеваться… слишком много действий. Не очень сложно, но очень лениво.

— Я могу сходить, — послышался голос Синки. — Только скажите, какое брать.

Хоть какая-то польза, подумал Асгард, как-то позабыв про то, что, кроме финансирования этой операции, Синка еще всю ночь курсировала на кухню и обратно, убирая мусор и поднося хакерам бутылки с пивом.

— Мне «Балтику»-семерку.

— Мне «Бочку». «Золотую».

— А мне «Миллер». А если не будет, то «Туборг»… и еще сухарики ржаные…

— О, а мне фисташки возьмешь?

Заказ оказался настолько большим и разнообразным, что Синке пришлось его записать на листке бумаги. Перечитав его пару раз и, видимо, прикинув объем, девушка покачала головой.

— Одна я не донесу столько. Ник, поможешь?

Ник с готовностью вскочил с места.

Асгард покосился на него — ну да, конечно, еще бы он отказался.

Позвала бы его с крыши сброситься, он бы и с крыши спрыгнул, без колебаний.

— Народ, без меня не начинайте клонировать, ок? — попросил Ник, натягивая куртку.

— Ага, только ты побыстрее там. Карета через двадцать минут будет.

Когда они вышли, и за ними хлопнула дверь, Асгард снова ощутил тревогу.

Что-то здесь не так.

Магазин был в этом же доме. Точнее, не магазин — круглосуточный ларек, перестроенный из квартиры на первом этаже. Двадцать квадратных метров плюс подсобные помещения. Спуститься на лифте, купить, что надо и вернуться — максимум минут десять.

Асгард пошел на кухню, заварил чай. Попутно обратил внимание на пустые бутылки из-под пива, стоявшие вдоль стены.

Несколько бутылок были запотевшие и — Асгард дотронулся до них — холодные.

С кружкой чая он вернулся в комнату. Закурил. Открыл форум игры, ухмыльнувшись, стал читать вопли пользователей, которые только что зашли в игру и еще не понимали, что происходит.

Игра была уничтожена. Девять из десяти топиков являлись сгустками возмущения и ненависти, а количество забаненных пользователей превышало все мыслимые пределы. Впрочем, этот террор не помогал. Из тысяч форумных писак лишь единицы пытались что-то сказать в защиту админов и, разумеется, им никто не верил.

Достаточно было открыть сайты похожих игр-конкурентов, чтобы убедиться: в этот день у них был наибольших приток пользователей-новичков. Это, как снежный ком — сначала гибнущую игру покидают десятки, за ними сотни, а потом эту лавину не остановить.

Если Ник хотел отомстить, то месть его удалась.

Дело сделано, и свой гонорар дети Сварога отработали полностью. Осталось заюзать баг с клонированием вещей и персонажей в карете, а потом можно сворачиваться и ставить точку в этом деле.

— Все, карета пришла, персонажа посадил, — вскоре бодро отрапортовал Ратибор. — Где там Ник? Чего так долго?

А ведь действительно, прошло слишком много времени, а Ника все не было.

Асгард насторожился. Даже чай отставил в сторону.

— Может, в очереди стоит? — предположил Святобор. — А может, в другой магаз пошел, чтобы здесь лишний раз не светиться?

Еще через десять минут Асгард не выдержал и полез за телефоном. А когда достал, вдруг вспомнил про холодные бутылки. Набирая вызов, вскочил с места, быстрым шагом прошел на кухню. Нагнулся над раковиной, принюхался… ему сразу стало ясно, почему так быстро закончилось пиво.

«Абонент выключен или находится вне зоны действия сети…»

Пазл сложился. Чуть ли не бегом Асгард бросился в комнату.

— Сваливаем отсюда! — крикнул всем.

— А что случилось? — удивленно спросил Святобор.

Ответить ему Асгард не успел. За его спиной вдруг громыхнуло так, что зазвенели стекла. Входная дверь рухнула на пол, коридор наполнился дымом, сквозь который Асгард услышал топот ног и крики.

— Всем лежать! На пол, суки! На пол!

И это было последнее, что он услышал, прежде чем что-то тяжелое, похожее на приклад помповика, врезалось ему в голову.

ГЛАВА 19
ПИСЬМО

Ростов, февраль 2005 года.

За полчаса до того, как Асгард потерял сознание от удара по голове прикладом помпового ружья 12-го калибра, Синка и Ник вышли из подъезда на улицу.

После душной прокуренной квартиры воздух на улице казался наичистейшим. Время близилось к шести часам, и на улице начало смеркаться. Под ногами поскрипывал снег, выпавший этим утром.

Погода стояла чудесная, самое время рассекать на коньках по льду или на сноуборде кататься, как недавно в Домбае, но уж точно не сидеть за компьютером.

Ник свернул было к магазинчику, находящемуся в нескольких шагах от них, но Синка ухватила его за рукав и остановила.

— Не сюда, — сказала она.

— Почему? Мы же здесь вчера пиво покупали…

— Пойдем в другой, — Синка потянула его в противоположную сторону.

— А что с этим не так?

— Здесь салаты не продают.

— А ты что, хочешь салат?

— Ну да. Сельдь под шубой, просто умираю, как хочу. Там, за углом есть магазин, в нем салаты продают.

Пожав плечами, Ник последовал за ней.

Они проходили мимо беседки, в которой обычно по вечерам местные мужички рубятся в домино или дурачка. Сейчас слишком холодно для таких игр, беседка стояла пустая, даже снег, лежавший на ее пороге, был не затоптан.

Синка неожиданно остановилась, прижалась к Нику и прильнула губами к его губам. На секунду растерявшись, Ник ответил на поцелуй — долгий, страстный и почему-то показавшийся ему отчаянным.

Потом она отринула от Ника и парень удивленно спросил:

— Это должно что-то означать?

— Да, — кивнула Синка. — То, что я люблю тебя. Пойдем.

Она взяла его за руку и прижалась лицом к плечу.

За углом их ждал минимаркет. В нем действительно продавали салаты, среди которых нашлась и «селедка под шубой».

Пока Синка покупала себе салат, Ник набил тележку пивом и стал собирать закуски по списку: чипсы, орешки, и прочее.

Сегодня хороший день. Еще пару-тройку часов они посидят, окончательно добив игру багом с клонированием, а потом можно рвать когти. Вечером — обязательно на Левбердон. Раки, пиво, шашлык…

— Ой, блин, мне надо позвонить, — вспомнила Синка, когда они стояли в очереди в кассу. И полезла в карман.

— Кому? — равнодушно поинтересовался Ник.

— У подружки сегодня день рождения, — Синка достала свой телефон, что-то понажимала на нем, но тот лишь жалобно пискнул. — У меня батарейка села, дай свой.

Ник протянул телефон, Синка, обойдя очередь, вышла на улицу.

О подружках своих Синка рассказывала мало, вернее, вообще не рассказывала. Надо бы поинтересоваться у нее, когда вернется, что это за подружка, ревниво подумал Ник.

Дождавшись своей очереди, он рассчитался за покупки, сложил все в три объемных пакета и вышел из магазина.

Девушки нигде не было. На улице почти никого не было, и не заметить ее Ник не мог.

Он сунул было руку в карман, по привычке, но вспомнил, что отдал телефон Синке — и сразу же почувствовал себя как без рук.

Какая-то женщина с коляской, проходившая мимо, остановилась рядом с ним и неожиданно спросила:

— Это вы Ник?

Сердце забилось от нехорошего предчувствия. Ник кивнул, и женщина протянула ему конверт.

— Вам просили передать.

— Кто? Когда?

— Девушка. Минут пять назад.

— Где она?

— Уехала в такси. В сторону центра.

Ник поставил пакеты и быстро взял конверт.

Разорвал, внутри лежала бумажка, на которой красивым, почти каллиграфическим почерком было написано следующее:

> «Ник, я знаю, что после этого письма, ты меня возненавидишь. Все же дочитай его до конца. Это важно. Я должна уехать. Именно так, как уехала — скрытно и без объяснений. Я не могу рассказать тебе о причинах своего поступка, ты поймешь сам. Скоро. Уже скоро.
>
> Твой телефон я выбросила, а сим-карту уничтожила.
>
> С этого момента не доверяй никому из тех, кто тебя

окружает.

И берегись волка, идущего по следу.

Прости меня. За то, что я оставила тебя, хотя обещала, что мы будем вместе. Когда (если) мы увидимся в следующий раз, надеюсь, ты уже осознаешь, что у меня не было другого выбора, кроме как поступить так, как я поступила.

А теперь самое главное:

Сейчас отдай все, что купил, человеку в красной шапке и синей куртке. Потом подойди к беседке, возле которой мы останавливались. Зайди внутрь и жди десять минут. Потом… потом ты сам поймешь, что надо делать.

Еще раз прости. Я тебя люблю.

Твоя Sin.

P. S. Убери с прохода ящик с железками».

Дочитав письмо, Ник почувствовал, как у него подрагивают руки — от обиды, которая вот-вот должна была перерасти в ненависть.

Он все еще надеялся, что это шутка, розыгрыш его любимой, и поэтому снова осмотрелся в надежде, что Синка выйдет из укрытия и рассмеется.

Но она не выходила.

А из-за угла дома, с противоположной стороны улицы, откуда пришла женщина с коляской, вышел бородатый мужик. В грязной синей спортивной куртке и не менее грязной красной бейсболке.

Он был пьян. Пошатываясь, он медленно шел к магазину, и по пути лениво просил мелочь у редких прохожих. Те отшатывались от пьяницы, но тот не смущался неудач.

Ник снова бросил взгляд на письмо.

«…отдай все, что купил, человеку в красной шапке и синей куртке…»

Нет, это наверняка какой-то розыгрыш.

Пьяница приближался, и уже через минуту стоял рядом с Ником.

— Не найдется мелочи на хлеб? — проскрипел он, глядя голодными глазами на пакеты с пивом, стоящие у ног парня.

От него разило, как от бочки с протухшими огурцами. А еще у него был необычно хриплый голос, будто кирпичом по кирпичу.

— Где Синка? — спросил Ник.

— Кто?

— Девушка. С глазами разного цвета. Где она?

Пьянчужка смотрел на Ника с таким искренним изумлением,

что сразу стало ясно — он понятия не имеет, о ком идет речь.

Он просто хотел немного мелочи. Не на хлеб, конечно же. У него в глазах читалось, что деньги ему нужны на выпивку.

Бросив последний взгляд на пакеты, Ник кивнул на них и произнес:

— Забирай.

— Что? — бомж растерялся, видимо, подумал, что ослышался.

— Забирай всё. Это тебе.

Не дожидаясь следующей реакции пьяного мужика, Ник развернулся и пошел в сторону двора. За спиной звякнули бутылки — похоже, пьяница не стал долго колебаться.

Возле беседки Ник остановился. Он все еще держал письмо в руке, и снова поднес его, чтобы убедиться, что все делает по инструкции.

«…зайди внутрь и жди десять минут…»

Зашел. Беседка плотно обвита ветвями плюща и с двух сторон забита фанерой, так что снаружи его не видно. Зато перед Ником весь двор лежал как на ладони. Был отсюда виден и подъезд, из которого они с Синкой вышли полчаса назад. Возле него стояло два микроавтобуса с тонированными стеклами. Когда они выходили из дома, никаких автобусов не было. Одинаковые, без номеров — это как огромный транспарант у подъезда, на котором написано большими буквами «Держись отсюда подальше».

Впрочем, Ник и не спешил подходить.

Ждать пришлось меньше, чем было указано в письме. Уже через несколько минут после того, как Ник зашел в беседку, начался второй акт представления.

Из подъезда стали выходить люди в масках и камуфляже. Некоторые были вооружены, другие тащили на руках обмякшие тела Асгарда и остальных взломщиков.

Ник прижался к одной из стенок беседки, спрятавшись за фанеру.

И продолжал наблюдать за происходящим в небольшую щель.

Парни были без сознания, их загрузили в фургон, и тот сразу тронулся с места. Из подъезда вышло еще несколько человек в камуфляже, они выносили компьютеры, среди которых был и ноутбук Ника. Все это было погружено в другой фургон, который тоже быстро отъехал.

Пустой подъезд, пустой двор. Будто ничего и не произошло.

Ник облизал пересохшие губы, затем сделал шаг назад.

Спокойно. Главное, без паники. В квартире наверняка кто-то остался, возможно, и за двором ведётся наблюдение. Поэтому

надо уходить, быстро, не привлекая внимания.

Он вышел из беседки и, сдерживая желание бежать, пошел прочь со двора.

На ходу перечитал постскриптум письма.

Убрать с прохода ящики с железками — вот это было совершенно непонятно.

Он не знал, куда идти, решил — куда глаза глядят. Растерянный, напуганный, не понимающий, что происходит.

Быстро темнело, к тому же становилось холодно. По-хорошему, надо сваливать из города, но денег в кармане нет, а соваться в интернет-клубы, чтобы обналичить немного ЯДа, рискованно.

К полуночи Ник вышел к Западному мосту, соединявшему центр и западный сектор города. Мост давно не работал, ремонтировать власти его не спешили, и он стал прибежищем для бомжей.

Ник спустился вниз. Обрезанная пополам бочка, в которой горел огонь, вокруг бочки грелись несколько бродяг. Заметив чужака, они насторожились, один даже взял палку с гвоздем и крикнул Нику:

— Тебе чего, мужик?

— Погреться можно? — спросил парень, подходя ближе.

— А ты кто и откуда? — спросил бомж, привставая с места. Да и остальные как-то нехорошо зашевелились.

— Человек я, — буркнул Ник. — Оттуда. Тебе чего, тепла жалко?

— Жалко у пчелки, — процедил бомж. — Руки вынь из карманов и вверх подними. И спиной повернись.

— Может, еще раком встать?

— Надо будет, встанешь… — пообещал бомж и перехватил палку поудобнее.

Обстановка обострялась, и Ник уже успел несколько раз пожалеть, что спустился в это странное место. Грохнут ведь его здесь, и даже не спросят, как зовут.

— Эй, Таблетка, погоди! Это же тот пацан, что сегодня бухла нам зарядил! — неожиданно раздался сбоку знакомый сиплый голос.

Из темноты вышел тот самый пьянчуга в синей куртке и красной кепке… Подойдя к Нику поближе и внимательно посмотрев на него, он панибратски хлопнул парня по плечу и просипел:

— Звиняй, хлопец, еду мы твою съели, и бухло выпили. Но если хочешь погреться — грейся. А ну, падлы кривые, места дайте корешу моему!

Растолкав бродяг, которые, надо сказать, очень быстро утихомирились, пьяньчуга освободил место у костра, и даже притащил Нику пластмассовый ящик да несколько картонок, чтобы укрыться от ветра.

Тепло от костра быстро разливалось по всему телу. Зубы перестали стучать, разум больше не отвлекался на холод, и Ник мог хорошенько обдумать своё настоящее положение и дальнейшие действия. Теперь у него не было ничего — ни денег, ни работы, ни друзей, ни даже верного ноутбука.

Только листок бумаги, прощальное письмо от Синки. Ник достал его, чтобы перечитать, но и тут его ждало разочарование — листок был девственно чист. Ни одной буквы на нем не осталось.

Горько усмехнувшись, Ник смял листок и бросил в бочку.

Гори оно все огнем.

ГЛАВА 20
РАСПЛАТА

Резиденция Синдиката Д, где-то под Ростовом, февраль 2005 года.

Голова… голова болит так сильно, что хочется расколоть череп пополам и вытащить оттуда все содержимое, лишь бы прекратить эту боль.

Но нет никакой возможности даже просто схватиться за голову — руки за спиной, то ли связаны, то ли в наручниках.

О, господи, как больно-то!

— Камеру ближе поднеси. Еще ближе. А ну, подсвети. Нет, не он.

Следующий.

В голосе, искаженном колонками ноутбука, звучало нетерпение.

Кто-то схватил Асгарда за волосы, дернул вверх, отвесил пощечину. В голове зазвенело, боль усилилась. Странно, казалось — больнее быть не может.

— Ближе. Еще. Ниже подсвети.

Асгард с трудом разлепил веки, через секунду в глаза ударил свет и он снова зажмурился.

Сильно тошнило, наверное, сотрясение мозга и нехилое.

— Нет, не он. Следующий.

— А это все, последний.

— Черт! Значит, вы его упустили!

— На хате не было больше никого… Эй, слышь! Кто еще с вами был? Ну?

Асгарда снова резко рванули за волосы, он застонал.

— С вами пацан был и телка, где они?

— Небло…

— Че?

— Не… было… никого… — еле ворочая языком, произнес Асгард.

— Что он там мелет? — раздалось в колонках.

— Говорит, не было никого.

— Врет. Прессаните их… прессуйте, пока не расскажут…

— Аз ю виш.

Мощный удар в скулу — то ли рукой, то ли ногой — отшвырнул Асгарда в темную и бездонную пропасть. И он падал, падал, падал…

Очнулся Асгард от того, что на него вылили ведро ледяной воды.

На этот раз он сидел не на стуле, а на полу у стены, прикованный наручниками к батарее. В какой-то комнате или даже подвале без окон и с бетонными стенами.

Рядом в таких же позах валялись, кто молча, а кто постанывая, остальные дети Сварога.

В помещении горела одна единственная лампа, потрескивая и мерцая. Грязная и пыльная, она давала слабый свет. Да и при хорошем освещении слезившимися и заплывшими от ударов глазами видишь с трудом.

Напротив стояло несколько человек в масках. Единственный, кто не скрывал лица, — это Заза. Он сидел на стуле перед хакерами, в дубленке, темных очках, с сигарой. Убедившись, что Асгард пришел в себя, Заза произнес:

— Херово выглядишь, уважаемый.

— Ты нас сдал… — простонал Асгард. — Заза, вот ты сука…

— Не сдал. А выполнил свою работу. Ты еще не забыл, где я работаю, а? Синдикат Д, мы знаем всё и хотим, чтобы это знали все. Эвери фо олл. Ладно… ты соображать можешь? Примерно понимаешь, что происходит?

— Да пошел ты…

Кто-то в маске сделал было шаг вперед, но Заза остановил его.

— Подожди. У нас же уговор, не забыл?

Заза встал со своего места, подошел к Асгарду поближе и присел на корточки.

— Я тебе кое-что объясню. Во-первых, я на твоей стороне. И то, что ты до сих пор жив — это моя заслуга, а не их недоработка.

Во-вторых… Ты не просто круто влип. Тебя подставили, как лоха.

Тебя, и всю твою бригаду. Вас развели, Асгард. Каким же надо быть идиотом, чтобы взять заказ, от которого отказались даже мы…

— Ты только пафосом не захлебнись… — с трудом выговаривая слова, произнес Асгард. — Я, мы… Чего тебе нужно, Заза?

— Где твой друг Ник и его девушка?

— Я не знаю.

— Они были с вами во время взлома…

— Да. Но они ушли за полчаса до того, как вы появились…

— Не мы, Асгард, не мы. Эти парни, — Заза кивнул себе за спину. — Они из Армады. Ты ведь знал, что эту игру прикрывает Армада, но все равно полез. Зачем?

— Затем. Денег дали, вот и полез…

— Много дали?

— Пятьдесят кусков. Что, надо возврат сделать?

— Пипец! — не удержавшись, воскликнул Заза. — Пятьдесят штук… ты знаешь, сколько вы проблем создали? Ты знаешь, что только гонорар Синдиката в ваших поисках в сорок раз больше?

Пятьдесят штук… ну и кретины же вы… Где может быть Ник?

— Не знаю. Он снимает хату на Пушкинской…

— Мы были на Пушкинской, он там не появлялся. И у китайцев тоже наши люди, там его тоже не было. И на вокзалах все предупреждены, и в аэропортах, и таксисты… б%@&ь, мы весь город на уши поставили из-за вас, дебилов! — заорал Заза в лицо Асгарду. — Ты хоть понимаешь, какую вы кашу заварили?

— Да это обычная игра…

— Это не обычная игра, и я тебе объяснял это уже! Я тебе объяснял, почему Синдикат отказался выполнять заказ! Который, кстати, размещала эта девка, подружка твоего друга Ника! Она должна была нам заплатить полмиллиона, а потом, когда мы узнали, что в акционеры игры вошел Эмир и китайские триады, она предложила Синдикату миллион! Но мы все равно отказались, и она нашла вас, дебилов! А вы согласились за сраные пятьдесят штук побыть лохами!

Асгард давно знал Зазу, но впервые видел его в таком состоянии.

Того аж перекосило от злости. Впрочем, он быстро успокоился.

— Короче, Асгард. Если мы не найдем Ника и его подружку, вас накажут. Очень сильно накажут, и я вам ничем не смогу помочь.

— Ты что, благодетель, помогать нам?

— Нет, просто вы мне нужны. Мы неплохо сотрудничали, и я хочу, чтобы это продолжилось. Но я не смогу вам помочь, если вы не пойдёте навстречу мне и этим суровым ребятам.

— Мы не знаем, где Ник, — простонал Святобор.

— А вы подумайте. Хорошенько подумайте.

Заза пыхнул сигарой.

— Если никаких идей не возникнет… Будет жаль с вами расстаться навсегда.

Асгард понимал, что шутки закончились, и сейчас надо действовать, чтобы спасти себя и своих друзей. К Нику и его подружке, вовремя сбежавших из квартиры, он чувствовал только ненависть.

Знай Асгард о них хоть что-нибудь, сдал бы, не раздумывая.

Но… время шло, а идей не было.

— Он собирался на море, — вспомнил Асгард. — Несколько раз упоминал…

— Он мог говорить, что собирается на Луну, — покачал головой Заза. — Это ничего не значит, но попытка засчитана. Итак, он прожил в городе полгода, у него нет документов, нет денег, нет жилья, нет друзей. Верно?

— Счет, — раздался голос Ратибора. — У него был счет на яндексденьгах, он сам говорил, что там остались какие-то копейки. Когда-то это был наш счет …

— Что за счет? Номер есть?

— Есть. Только пароль он, скорее всего, сменил, — вмешался Асгард.

— Ничего, я разберусь. Диктуй и знай, что вы только что продлили свои жизни на несколько часов.

Записав номер счета, Заза направился на улицу, где в машине лежал его ноут.

Во дворе он столкнулся с тремя людьми в черных плащах, черных шляпах и солнцезащитных очках. Охрана находилась на месте, значит, эти люди подтвердили своё право находиться здесь.

— Ты Заза? — спросил один из них бесцветным голосом.

— Да.

— Мы прибыли сюда, чтобы выполнить волю Эмира и наказать всех, кто нанес ему оскорбление. Нас интересует любая информация, которая тебе известна. Немедленно. И ещё нам нужны те, кому ты пообещал сохранить жизнь, хотя они достойны смерти.

— Кто вы такие?

— Дашнаки, — ответил человек и, словно невзначай, отогнул воротник плаща.

На шее у него была татуировка волка, идущего по следу.

ГЛАВА 21
ОТ ТЮРЬМЫ ДА СУМЫ

Ростов, Отстойник, конец февраля 2005 года.

Несколько дней назад Ник ел знаменитый левбердоновский шашлык из осетрины, а сейчас ест не менее знаменитый «анаком».

Несколько дней назад в кармане шелестели купюры самого разного достоинства, а сейчас даже мелочи нет, еще вчера всю Хрипуну отдал, чтобы тот купил несколько пачек долбанной лапши быстрого приготовления.

Несколько дней назад он не боялся ничего и готов был схлестнуться с кем угодно, а теперь пугается собственной тени, потому что знает, что любое неосторожное движение может привести либо на нары, либо, что хуже, в канаву.

Правильно Дягилева пела: от большого ума лишь тюрьма да сума.

Хрипун — так звали нового приятеля Ника. Сначала он помог с обогревом, а затем, не приставая с расспросами, обеспечил и ночлежкой. Хрипун был обитателем Отстойника, подземного города, служившего последним убежищем для «людей, которым больше некуда идти».

Пролегавший под Западным мостом канализационный коллектор был соединен с подземной теплотрассой. Трубы, подававшие горячую воду в окрестные здания, грели около сотни бродяг, спасавшихся под землей от суровых февральских морозов.

Здесь, в лабиринтах канализации, находился целый город, построенный из досок, ящиков, тряпок, полиэтилена и прочего мусора. И жили в нём люди, потерявшие все, вплоть до смысла своего существования. Они не жили, а доживали, нещадно пьянствуя с утра до вечера.

— А если кто кирдыкнется, мы его ночью к больничке оттаскиваем, ну а там его уже либо в печку определяют, либо студентам для препарации, — поделился Хрипун. — Правда, дохнут у нас в основном не из-за алкоголя.

— А из-за чего?

— Правильней сказать, из-за кого. Из-за людей, епта. То менты придут рабов для бахчевников отлавливать, то местные отморозки заявятся боксом потренироваться… хорошо еще, как в Ставрополе, охоту не устраивают с пистолетами…

Ник рассчитывал остаться здесь только на одну ночь. Хрипун

выделил ему место на теплой трубе, с двумя кусками картона. Очевидно, они заменяли бродягам простынь и покрывало. Ночью Нику снились одни кошмары, и он, желая успокоиться, решил переждать еще пару дней.

— Не знаю, кому ты так нужен, но здесь тебя будут искать в последнюю очередь, — сказал Хрипун.

— Мне в Москву надо.

— Ха… в Москве без документов тебе хана. Лучше в Краснодар, там и климат теплее, и отношение к людям. Да и поближе, чем Москва… я вот, как потеплеет, тоже туда переберусь, к морю.

Краснодар… оттуда его привезли в шестилетнем возрасте в Питер. Вспомнив об этом, Ник почувствовал, как защемило в груди.

А может, правда, рвануть в Краснодар? И попробовать найти свои корни?

На одном из счетов яндекс-денег оставалась небольшая заначка.

Долларов двести в рублевом эквиваленте. Ее надо бы обналичить, но без засветки это можно сделать только в интернет-кафе, с помощью админа, который за это получает небольшой процент.

Идти в интернет-кафе лично Ник побоялся. Это не Москва, здесь подобные заведения можно по пальцам пересчитать, и если те, кто накрыл взломщиков, профессионалы — они наверняка предупредили всех админов и оставили описание Ника. Надо кого-то послать, дав ему номер от счета и пароль, но кого посылать-то? Вокруг одни бродяги, которые, едва получив деньги, сразу потратят их на пойло, в лучшем случае — на еду. И это если они вообще поймут, что нужно сделать — судя по их виду, вряд ли кто-то вообще знает, что такое компьютер.

Да и кто пустит их в интернет-кафе?

— Хрипун, мне интернет нужен…

— Это который в компьютерах? Зачем?

— У меня в интернете деньги есть. Немного. Надо их забрать. Для этого мне нужен компьютер и телефон.

— Хех… ну, телефон, положим, у Генки Одноглазого есть…

— Это у того, что с повязкой ходит? Не, такой не пойдет. Мне нужен телефон, в котором джи-пи-эр-эс есть. И блютус, или инфракрасный порт.

— Чего-чего?

— Ясно…

— Слышь, а надо у Малого спросить, он крутится постоянно в этом, как его… ну где компьютеры… может, там есть этот твой…

интернет…

Малой был самым младшим обитателем Отстойника, пацан одиннадцати лет. Каждый день он где-то ошивался, а вечером возвращался с пакетами и тюбиком «Момента». Забирался на трубы и всю ночь балдел от клеевых паров, потом отсыпался, а к обеду снова уходил «по делам». Малой почти ни с кем не общался, и напоминал озлобленного забитого зверька. С собой он постоянно таскал остро наточенную отвертку, и, пообщавшись с ним, Ник понял, что в случае чего пацан не задумываясь пустит ее в ход.

Если уже не пускал.

Как выяснилось, он действительно целыми днями бывал в интернет-клубе неподалеку отсюда. Бегал для посетителей за пивом, а иногда и к барыгам за анашой. За это ему платили какие-то копейки, которые Малой тратил на компьютерные игры, нехитрую еду и клей.

— Ты как сюда попал? — однажды спросил Ник.

— От бабки сбежал, — Малой щедро лил клей в пакет. Он явно не был настроен на продолжительные разговоры.

— А родители где?

— Не знаю. Может, в тюрьме, а может, гыкнулись. Тебе чего надо вообще? Ты не из этих?

— Из кого из этих? — не понял Ник, а когда дошло, замотал головой. — Нет, ты что, я не педофил.

— Смотри, а то полезешь, сразу пырну, — предупредил Малой. — Так тебе чего надо?

— Дело у меня к тебе. Что такое интернет, знаешь?

Малой оказался продвинутым пользователем. Он знал, что такое интернет, что такое логин и пароль, и даже что такое вебмани и яндекс-деньги.

— У меня на счету примерно двести баксов. Сможешь обналичить — получишь пятьдесят долларов.

— А чего сам не обналичишь? — с подозрением спросил Малой.

— Мне нельзя появляться в интернет-клубах, — признался Ник. — Могут искать.

— Кто?

— Какая тебе разница?

— Есть какая. Может, за тебя награду дают. Шучу, шучу… — отмахнулся Малой. Подумал немного и добавил. — Половину.

— Чего?

— Половину. Сто баксов.

Ситуация была не из тех, в которых торгуются.

— Договорились. Только не проторчи мою половину.

— Не доверяешь — не давай, — равнодушно пожал плечами Малой. — Вон, Хрипуна попроси.

Маленький гаденыш прекрасно понимал, что из всего сброда, живущего в Отстойнике, он единственный, кто сможет это сделать.

Поэтому и вел себя нахально и независимо.

Ник протянул Малому бумажку, на которой заранее написал логин и пароль.

Оставалось только надеяться на порядочность этого малолетнего бродяги-токсикомана-геймера.

— Завтра все сделаю.

— Ты только до обеда постарайся управиться…

— Вот еще! — фыркнул Малой. — Вечером вернусь, подождешь — не обломаешься.

Нику захотелось дать пацану подзатыльник за такую наглость.

— Нафига ты торчишь?

— А че еще делать?

— Подумать, например.

— О чем?

— О том, что в жизни есть не только клей. Сколько ты тут еще протянешь? Год, два? Потом сторчишься и сдохнешь вместе с ними.

Малого, судя по всему, перспективы не пугали.

— Я что так, что так сдохну, — философски заметил он. — Слушай, ты чего ко мне привязался? Твое какое дело, как я живу?

И ушел.

Весь следующий день Ник провел как на иголках. Мало ли, как поведет себя Малой. Если за его, Ника, голову, назначили награду, то ничего не мешает маленькому циничному наглецу подзаработать. Он даже репутацию среди своих не потеряет, ибо кто такой Ник для обитателей Отстойника — так, случайный прохожий, чужак.

После обеда вернулся Хрипун — в дупель пьяный, и не менее вонючий. Подошел к Нику и предложил глотнуть подозрительно мутное пойло из грязной пластиковой бутылки.

Ник вежливо отказался, тогда Хрипун сделал несколько глотков, а затем затянул долгий рассказ о своей жизни, горькой судьбе и заднице Фортуны, которая никогда не улыбалась просто так, от души.

Покончив со своей биографией, Хрипун переключился на обитателей Отстойника. По его мнению, большинство из них заслужило свою участь, и лишь некоторых по-настоящему жаль.

Ник почти не слушал Хрипуна. Трудно найти в себе жалость,

когда все мысли сфокусированы на Малом, который должен обналичить деньги.

И, тем не менее, в какой-то момент слова Хрипуна пробились сквозь корку опасений, заставив Ника прислушаться.

— Один значит глаз у них зеленый, а второй, кажись, синий.

— Что ты сказал?

— А? Да глаза, говорю, разноцветные у них…

— У кого у них?

— Ну, у тех, о ком Гошка Сильвер рассказывал…

— Какой Сильвер…

Хрипуну пришлось рассказать про старика, доживавшего свой век в самой глубине Отстойника. Он был из тех, кого называют добрыми сумасшедшими — рассказывал какие-то невероятные истории про людей с разноцветными глазами и волшебство.

— А с ним можно поговорить?

— Если с пустыми руками придешь — невозможно. Он, если не выпьет, молчит как рыба. А тебе зачем?

Ник усмехнулся. Пояснил:

— Была у меня подруга с разноцветными глазами. Волшебница…

Хрипун поразмыслил чуток, потом решительно махнул рукой:

— А, черт с ним, держи. Ты меня выручил, и я тебе помогу.

И барским жестом протянул Нику бутылку с остатками мутного пойла.

Гошка Сильвер жил в самой глубине Отстойника, в нестерпимо вонючей каморке, огороженной гнилыми досками и старыми тряпками. Из этой каморки он почти никуда не выходил, разве что в сортир, точнее его подобие, сделанное местными умельцами.

Оказалось, что прозвище Сильвер не имело никакого отношения к серебру. Гошка Сильвер был без одной ноги, также как и герой «Острова сокровищ» — одноногий пират Джон Сильвер. По словам Гошки, он потерял ногу еще на Великой Отечественной войне.

— В сорок пятом, в Северной Германии, мина фашистская, противодесантная…

Прикинув, сколько сейчас лет старику, Ник усомнился в правдивости рассказа, но виду подавать не стал. В конце концов, это его прошлое, и оно может быть таким, как он сам захочет.

Сильвер же, допив остатки пойла Хрипуна, заметно приободрился и даже было затянул какую-то фронтовую песню, но узнав, зачем к нему пожаловали гости, насторожился.

— Разноцветные глаза, говоришь? А у кого ты такие видел?

— У одной моей знакомой.

— А еще что у нее было?

— В каком смысле?

— Предмет. Серебряная фигурка животного, мифического или же настоящего. Видел такой у нее?

— Да вроде нет… — Ник осекся.

Паук. Серебряный паук.

Сразу же всплыла фраза, сказанная Синкой про этого паука — «Бабушка подарила».

Только вот бабушки у нее не было.

— Видел, значит… — заметив, как изменилось лицо Ника, Сильвер усмехнулся и тут же сильно закашлялся.

Когда старик откашлялся, Ник спросил:

— А что означает этот предмет? И почему из-за него разные глаза?

— Да не в глазах, милый, дело, не в глазах. Глаза, это так, побочное явление. А главное — эти предметы силу своим хозяевам дают.

— Какую еще силу?

— Волшебную. Например, могут сквозь стены видеть, или летать, или людей себе подчинять. Разные они, у каждого своя сила, своя судьба. Я…

Он снова закашлялся, на этот раз еще сильнее. Хрипун толкнул Ника, мол, я же говорил, сумасшедший старик.

Сильвер схватился рукой за поясницу, буквально упал на свое лежбище и оттуда прохрипел:

— Спину схватило… полежу чуток… ты позже заходи, я тебе расскажу про эти предметы… как я в Румынии, с капитаном Шибановым… в каком это… память моя дырявая, в сорок четвертом, кажись… ох, мать, спина болит… и выпить чего-нибудь захвати, а то на сухую рассказ не получится…

Выходя из каморки, Ник обо что-то споткнулся. Пригляделся — это был деревянный ящик, в котором лежало что-то железное, завернутое в промасленную бумагу. Хотел подвинуть ящик в сторону, но из глубины каморки раздался окрик:

— Не трогай коробку!

— А что это?

— Дверь держит, чтобы не хлопала от ветра по стенке, — пояснил Хрипун.

С облегчением они покинули каморку, в которой жил сумасшедший многолетний старик. Чуть пригибаясь, двинули по заброшенному коллектору в сторону своего «лежбища».

— Я ж говорил, что он сумасшедший, — сказал Хрипун. — Ему лишь бы выпить нахаляву, он тебе такое расскажет.

— А вдруг, это правда?

— Что? Волшебство? В таком поганом мире?

Ник спорить не стал. В данный момент он ждал Малого с деньгами, а волшебные предметы, сумасшедшие истории бомжей и прочая муть его не интересовали. Его сейчас волновало только одно — не смоется ли Малой вместе с деньгами.

Переживания оказались напрасными.

Малой вернулся к вечеру и протянул Нику стопку смятых купюр.

— Там чуть больше было. За обналичку десятую часть админ себе забрал, остальное пополам, все по-честнаку.

— Спасибо…

— Не за что. Тебя, кстати, действительно ищут.

— Кто?

— Не знаю. Просто админ, сука, позвонил кому-то, и меня потом тормознуть хотел.

— А ты?

— А я тут. Слушай, валил бы ты лучше отсюда, а то не сегодня-завтра накроют.

— Свалю, — кивнул Ник.

Он действительно собирался сваливать. Только не в ночь, а рано утром.

Ник примостился на свое место и задремал. Но отдохнуть так и не удалось: он проснулся — сначала от странных звуков, напоминающих щелчки кнута, а затем от отчаянных воплей.

ГЛАВА 22
БОЙНЯ

Ростов, Отстойник, конец февраля 2005 года.

Около десяти вечера возле Западного моста остановилось два черных минивэна. Двери машин открылись, из них синхронно вышло несколько человек в одинаковых черных пальто с поднятыми воротниками, в черных фетровых шляпах и темных очках.

Только у одного воротник был опущен. В свете автомобильных фар мелькнула его шея, исписанная странными татуировками.

Фары быстро погасли, компания «черных» людей без единого звука стала спускаться вниз под мост, где вокруг бочки с костром грелось трое бродяг. Несмотря на удивительное сходство участников группы, лидер обозначился, едва они преодолели спуск. Это был тот самый человек с опущенным воротником и татуировками. Он подошел к насторожившимся бродягам на расстояние нескольких шагов, а его спутники стали за его спиной ровным полукругом.

Старший вытащил из кармана руку с разделённым пополам листом бумаги. Сверху на листе было фото молодого парня, снизу — девушки.

— Тот, кто знает, где найти хотя бы одного из них, останется жив, — холодно произнес дашнак.

Двое бродяг даже не пошевелились, а третий, прищурясь, внимательно просмотрел фотографии, а затем покачал головой.

— Нет тут таких. Здесь все старики…

Он не успел договорить. Дашнак вскинул вторую руку, в которой оказался пистолет с глушителем. Раздался шлепок и бродяга рухнул прямо на бочку.

— Стоять!

Его друзья отшатнулись в сторону, но услышав резкий окрик, замерли, как кролики перед удавом. Дашнак шагнул вперед, держа перед собой фото.

— Мне нужны только они. Отдайте их мне, и больше никто не умрет. Ну?

Бродяги переглянулись. Один из них внимательно посмотрел на бумагу, потом сказал:

— Пацан вот этот был здесь, но еще пару дней назад ушел. Девку не ви…

Снова вскинулась рука, снова щелчок, и второй бродяга рухнул как подкошенный, заливая кровью утоптанный снег.

— Атас!

Третий бросился к канализационному спуску, но не успел сделать и пару шагов. Беретта с глушителем прекратила его бессмысленное существование. Однако, свалившееся в открытый люк тело, предупредило остальных бродяг о нападении на отстойник.

Дашнак спрятал фотографии в карман, взмахнул рукой и приказал своим спутникам:

— Араик и Пако здесь, остальные вниз.

Бесшумные тени двинулись в сторону спуска в канализацию, на ходу доставая из-под плащей оружие — короткоствольные автоматы, пистолеты, помповые ружья.

Вторжение чужаков в Отстойник сразу же подняло панику. Бродяги были готовы к отпору, и быстро забаррикадировали два основных прохода.

Огнестрельного оружия у них не было, но несколько самодельных арбалетов нашлось. Благодаря ним удалось создать видимость обороны.

— Кто вы такие? — крикнул Хрипун, прячась за баррикадой.

— Нам нужны парень и девушка! Отдайте их нам, и больше никто не пострадает!

— Пошел на хер, с Дона выдачи нет! — заорал один из бродяг, высунувшись из укрытия.

Пуля вошла ему точно в переносицу, развороти в на выходе весь затылок.

Ответом на это был залп из арбалетных болтов и камней, который прошел для дашнаков без малейших потерь.

— Отдайте парня и девчонку, — повторил свою просьбу дашнак, когда наступила тишина. — У вас минута, потом брошу гранату.

Примерно в двухстах метрах от входа в Отстойник находился Ник, озираясь по сторонам и не зная, что предпринять.

Сбоку мелькнула тень, из прохода выскочил запыхавшийся Малой.

— На Отстойник какие-то черти напали. Точняк, из-за тебя.

— Там что, стреляют? — растеряно спросил Ник.

Ответом на его вопрос был грохот, от которого буквально задрожали стены подземелья. Ник резко пригнулся.

Малой посмотрел на него, то ли с сожалением, то ли с презрением, потом потянул Ника в сторону одного из ответвлений канализации.

— Пошли! Быстрее, туда.

— Куда?

Малой больше ничего отвечать не стал. Через несколько метров они уткнулись в большую бочку.

— Помоги, — прокряхтел Малой, упираясь в нее.

Вдвоем они сдвинули бочку в сторону, за ней оказался люк.

— Там что?

— Выход запасной. К старой фабрике ведет. Если тебя там ждут, то все, амба.

Но их там не ждали. Через десять минут они благополучно выбрались на территорию заброшенной фабрики и скрылись между гаражами, двигаясь в сторону рыбной улицы.

К этому времени стрельба в подземелье стихла. Бродяги, убедившись, что силы неравны, предпочли сдаться без боя. Дашнаки загнали их в угол, где они и толпились, словно стадо баранов.

Хрипун, затаившись за углом, молча наблюдал за тем, как его товарищи по несчастью нервничают, чувствуя, что имеют дело с чем-то очень опасным.

Старший подошел к бродягам, и показал, подсвечивая мощным фонариком, лист бумаги с изображениями Ника и Синки.

— Вы видели этих людей?

Один из бродяг ткнул пальцем в изображение парня.

— Этот парень был здесь. Девки не было.

— Где парень? — спросил дашнак.

— Не знаю… Это Хрипуна дружок.

— Они у Сильвера вроде сегодня крутились, — вспомнил другой. — Я могу показать.

Он махнул рукой по направлению угла, за которым прятался Хрипун.

— Показывай.

Не теряя времени, Хрипун пополз назад и вскоре был возле каморки Сильвера.

Старик мирно посапывал, валяясь на своей кровати. Конечно же, он не слышал ни шума, ни выстрелов, ни криков — если сюда и долетали какие-то отголоски, пробиться в сон мертвецки пьяного старика они не могли.

Хрипун схватил костыль, разбил единственную на несколько метров в округе лампочку, потом стал трясти Сильвера за плечо.

— Дед! Сильвер! Вставай! Ну, дед! — растормошить пьяницу оказалось делом непростым.

— А? Что? Твоюматьнах! Ты что, обурел…

— Дед, уходить надо, быстрее!

— Куда? Что? — спросонья ничего не понимал Сильвер.

Хрипун сунул ему костыли.

— Дед, пошли быстрее! Там убивают всех.

— Кто? А?

— Богачи охоту устроили, — времени объяснять не было, поэтому Хрипун использовал одну из страшилок, которые гуляли в бродяжьей среде.

— От суки!

Шарясь в темноте, Хрипун вышел из каморки первым. Где-то вдали мелькнул свет фонарика, донеслись голоса, но время уйти еще было.

И ушли бы, но Сильвер, забыв, что подставил под дверь ящик с железками, зацепил его костылем. Потеряв равновесие, старик с грохотом рухнул на пол.

Короткая очередь, Хрипун вскрикнул удивленно, словно увидел в темноте что-то необычное.

— Хрипун! Хрипун, а ну, подмогни… — прохрипел Сильвер, водя в потемках рукой по полу в поисках упавшего костыля.

Но Хрипун не отзывался.

Когда Сильвер наконец нащупал костыль и поднялся, его ослепил фонарик. Он зажмурился, пьяно выругался.

— Свет убери, сучье племя…

Свет фонаря уткнулся в пол. Только тогда Сильвер смог рассмотреть картину.

Перед ним стоял человек в черном плаще, шляпе и солнцезащитных очках. В одной руке он держал фонарь, во второй лист бумаги.

У ног человека Сильвер заметил неестественно вывернутую руку вечно пьяного бродяги, лежащую в луже крови.

— Хрипун… — прошептал он. — Как же ты…

В лицо ему ткнулся лист бумаги с портретами парня и девушки.

— Ты видел этих людей?

Сильвер поднял глаза, хрипло спросил:

— Хрипуна-то… за что? Он в жизни мухи не обидел…

Хлесткий удар по лицу рассек старику губу. Бесцветный голос повторил вопрос:

— Ты видел этих людей?

— Отродье фашистское, я вас всех… — Сильвер размахнулся, пытаясь ударить убийцу костылем.

Дашнак уклонился от удара, вырвал костыль, и отбросил в сторону. Старик упал на колени, рядом с телом бродяги.

— Хрипун, дружище… как же ты, а?

— Сильвер, скажи ему, где этот новенький, пока нас всех не убили! — крикнул ему бродяга-болтун, но старик его не слышал.

Гладил узловатой рукой голову приятеля-собутыльника, залитую кровью. Вторую руку старик держал в кармане, рылся в поисках чего-то.

Дашнак присел рядом.

— Скажи, где он, и мы уйдем, — произнес он. Подождал пару секунд, затем схватил старика за волосы и оттянул назад. — Отец, не зли меня. Я вырежу весь ваш гадюшник, если…

Руки старика нащупали то, что искали — ржавый гвоздь.

Старый вояка нанес удар, целясь в горло дашнаку, но сноровка уже была не та. Дашнак успел уклониться от смертельного удара, и остро заточенная сталь вонзилась в плечо.

Ни единого звука не издал дашнак, лишь отшвырнул старика в сторону.

Вытащил гвоздь, посмотрел на него и отбросил в сторону.

Выпрямился, направил на старика луч фонарика — тот шарился по полу в поисках нового оружия.

Выждал несколько секунд.

— Сильвер, да скажи же ты ему! — умоляюще крикнул бродяга-болтун.

Рука старика нащупала обломок арматуры, но даже ухватить её как следует не успела.

Дашнак вытащил пистолет, направил на Сильвера и два раза нажал на спусковой крючок. Затем повернулся и посмотрел на болтуна.

Тот все понял без слов, и бросился было бежать, но безуспешно.

Еще два выстрела, и возле каморки Сильвера наступила гробовая тишина.

Через минуту Старший вернулся к своим людям, которые все еще держали под прицелом обитателей Отстойника.

— Мальчишки, который обналичивал деньги, тоже нет, — тихо сказал ему один из дашнаков. — Возможно, ушли вместе.

Главарь посмотрел на дрожащих от страха людей, а затем равнодушно произнес:

— Всех в ноль.

> «Как сообщает наш источник в ГУВД, среди почти четырех десятков убитых бездомных были обнаружены тела активистов молодежной экстремистской группировки «Дети Сварога». Заброшенный коллектор, прозванный в народе Отстойником, в ближайшее время будет полностью заблокирован, сообщил нам заместитель главы администрации Западного сектора Джапаридзе Заза Андроникович».

ГЛАВА 23
Я МСТЮ И МСТЯ МОЯ…

Москва, 24 марта 2005 года.

В голливудских фильмах про полицейских-пенсионеров обязательно присутствует такая сцена, где герой, находясь у себя в кабинете, складывает в коробку личные вещи, то подолгу их рассматривая, то не глядя бросая в коробку. При этом у героя каменно-скорбное выражение лица, а взгляд оживает лишь на несколько секунд, после чего снова становится печальным или холодно-равнодушным. Как правило, подобная сцена свидетельствует о том, что герой находится в офисе, где провел почти всю свою жизнь, в последний раз.

В отличие от полицейских, Лекс провел в офисе на Коровьем валу чуть больше года. Личных вещей в кабинете было немного, все они поместились в обычный полиэтиленовый пакет. А лицо Лекса при этом ясно выражало всего лишь одну эмоцию — глубокую, лютую ненависть к происходящему.

Последняя неделя была очень напряженная. Удар, нанесенный хакерами, был не просто болезненным — от него так и не удалось оправиться. В течение месяца после атаки «Путь» покинуло около 80 процентов пользователей. Какая-то часть из них попыталась даже отжать обратно вложенные деньги, подав судебные иски против кипрской «Даймонд Вэйс лимитед», которой официально принадлежала игра. Но иски — это чушь собачья. Они не получат ни цента, только зря потратятся на адвокатов. А вот с акционерами все было гораздо сложнее. Они не смогли простить потерю клиентуры.

На прошлой неделе у Лекса состоялся еще один разговор с Эмиром. На этот раз по скайпу. Такой же короткий, но более агрессивный.

Эмир, судя по айпишнику, находился в Эр-Рияде. Он сообщил, что его друзья, как и он сам, неудовлетворены происшедшим.

— Ты не смог удержать пользователей. Ты не смог найти и наказать виновных во взломе. Ты подвел меня и моих партнеров по бизнесу. Очень сильно подвел. Ты уже давно должен быть мертв, но так как ты написал для нас очень хорошую программу, я, рискуя своей репутацией, принял решение оставить тебя в живых.

«Спасибо огромное, ваше милосердие», — едва не сорвалось с

языка Лекса.

— Завтра я пришлю в офис юристов. Они расскажут, что нужно сделать… подписать какие-то бумаги… Тебе придется уйти.

Это самое большее, что я могу сделать ради твоей безопасности.

Лекс вздрогнул. Он понимал, что все идет к тому, что его «уйдут», но, во-первых, не ожидал, что все произойдет так быстро, а во-вторых, все же надеялся, что этого не произойдет.

— Эмир… — хрипло произнес он. — «Путь»… это все, что у меня есть…

— Не прибедняйся. У тебя есть еще два счета в «Бэнк оф Кипр».

Около девяти миллионов, если я не ошибаюсь.

Он не ошибался. Лекс был уверен, что при желании Эмир мог бы назвать и номера счетов, и точные суммы, вплоть до евроцентов.

— Игра… это моя жизнь…

— Ты начал писать ее около четырех лет назад. Твоя жизнь — это четыре года?

Этот азиат пил кровь не хуже трансильванских вампиров, высасывая ее с каждым произнесенным словом. Он говорил серьезно и невозмутимо. Издевался.

— Я вложил в эту игру больше, чем просто четыре года. Эмир, я…

Лекс замолчал, увидев, как Эмир поднял руку.

— Тебе не стоит больше ничего объяснять, Лекс. Просто сделай выбор — примешь мои условия или нет. Завтра утром в офис приедут юристы. Если ты считаешь, что не должен подписывать бумаги, не делай этого. Да хранит Аллах тебя и твоих близких.

После разговора с Эмиром Лекс связался с Мусорщиком и поинтересовался, что думает Армада по поводу этого ничем не прикрытого рейдерского захвата.

Мусорщик озвучил официальную позицию Армады. Ни о чем.

У Лекса действительно был выбор — либо послать юристов Эмира на три буквы, либо нагнуться и терпеть.

На следующий день Лекс подписал все необходимые бумаги.

Компьютер уже в машине, осталась какая-то мелочь. Лексу хотелось уйти с гордо поднятой головой, но он понимал, что этого не получится.

Мусорщик вошел в кабинет как раз в тот момент, когда Лекс, поставив пакет у входа, уселся на опустевший стол и закурил.

Мусорщик (как всегда жующий сочное яблоко) прошел через

весь кабинет к окну, сел на подоконник, и невинно заметил:

— Зато теперь у тебя будет время, чтобы получить номера на машину.

— Ты пришел поиздеваться? — угрюмо спросил Лекс.

— Поиздеваться? Нет, напротив. Пришел сказать, как я рад, что ты жив. Честно, без всяких издевок.

— Иди ты к черту, — устало бросил Лекс. Глубоко затянулся, задержал дым в легких, затем с шумом выпустил наверх. — Это ведь ты меня подставил.

— Я?

— Ты, или твои хозяева из Армады.

— Ты хамишь, потому что думаешь, что тебе нечего терять? — у Мусорщика в голосе зазвучали стальные нотки.

— А вы мне разве что-то оставили?

— Почти десять миллионов евро.

— Даже сейчас моя игра стоит в десятки раз больше! — воскликнул Лекс.

— Сейчас она стоит дешевле серверов, на которых крутится.

— А через полгода снова будет приносить прибыль!

Лекс бросил окурок на дорогой ковролин, и со злостью растоптал его ногой, оставив на поверхности черное пятно. Достал новую сигарету, прикурил.

— Вы меня кинули. С самого начала твои люди оставляли в системе дырки. И ты ввел в долю Эмира, потому что знал, что никто не захочет связываться с азиатами из-за какой-то игрушки. Вы решили выкинуть меня. Не удивлюсь, если это ты спонсировал хакеров, в том числе Ника…

Лекс осекся, заметив, что Мусорщик смеется.

— Что смешного?

— Ты не понимаешь. Твоя игра — это мелочи. Она уже не будет приносить столько денег, сколько приносила раньше. Она навсегда первая, но уже не единственная. Драконы, Времена, Гладиаторы…

Почти во всех играх Эмир либо в доле, либо является полноправным владельцем. А знаешь, зачем ему эти игры? В них он использует твою программу, которая обрабатывает все переговоры во всех играх. Твоя программа — это сито, с помощью которого он отсеивает информацию, и потом продает ее.

— Кому? Синдикату?

— Нет, конечно. Синдикат — это обычные посредники. А Эмир работает напрямую. Он добывает информацию и поставляет ее своим партнерам в Эр-Рияд, саудитам. Ты вообще новости смотришь?

Слышал, что сейчас в Киргизии творится?

— Ну, вроде демонстрации какие-то…

— Ясно… забей. Я тебе вот что скажу. Должна была заполыхать вся Средняя Азия. Оранжевые революции в Казахстане, Узбекистане… Саудиты дали Эмиру для их организации много денег и нефти. И когда хакеры взломали игру…

— Они взломали ее, потому что…

— Да плевать на твою игру, она примитивная, признай это уже! — воскликнул Мусорщик. — Речь идет о том, что на тот момент в нее играл самый большой процент всей азиатской молодежи.

Играли все, кто знал, что такое интернет — от казахских мажоров до таджикских студентов-химиков. Они объединялись в виртуальные кланы, но при этом встречались в реале, затевали общие дела, обсуждали свои проблемы… и продолжали общение в чате.

А твоя программа могла отслеживать нужных людей, нужные разговоры.

— Собирать информацию и компромат? Или… ими же удобно управлять, не боясь прослушек и наружных наблюдений, да?

— Все обломалось месяц назад. Люди покинули игру, информация перестала поступать. Пока они снова где-то объединятся, пройдет немало времени. А механизм революций уже был запущен, но только получился не выстрел, а легкий пук. В лучшем случае им удастся убрать Акаева, но Назарбаев, одна из ключевых фигур в Средней Азии, останется на месте. Это невыгодно саудитам и их заокеанским друзьям, а уж как это невыгодно для Эмира, которого ты подставил.

От всего услышанного у Лекса отвисла челюсть.

Вот, оказывается, в какие игры тут играли. Ну да, конечно. Это ведь так удобно — под видом игры построить в виртуальности социум, который полностью контролируется.

— Значит… все это было ради оранжевых революций в Средней Азии?

— Поверь, тебе очень повезло, что ты остался в живых. Чтобы не потерять лицо перед Эр-Риядом, Эмир нанял дашнаков, которые устроили бойню в Ростове, убрав всех, кто участвовал во взломе.

— Кроме одного ублюдка, — процедил Лекс.

— Да, в отношении Ника дашнаки обломались. Не без помощи вашей общей знакомой.

— Синка, — кивнул Лекс. — Откуда эта сучка вообще взялась?

Мусорщик улыбнулся.

— Это непростой персонаж.

— Она, случайно, не твоя родственница? — поинтересовался Лекс.

— Кто? С чего бы это?

— У вас глаза похожие. Разноцветные…

— Ах, это… — Мусорщик дотронулся до очков. — Скажи, ты ни разу не замечал у вашей подружки предмета из необычного металла? В виде паука.

— Кажется, было что-то.

— Вот из-за этого амулета у нее глаза разного цвета.

— Эээ… не понял, какая связь между амулетом и цветом глаз?

— А этого никто не знает. Но связь есть, это факт.

— А я думал, что цвет глаз зависит от меланина, — заметил Лекс и тут же добавил. — Знаю, знаю… это в моем мире так, а вообще…

— Цвет глаз действительно зависит от меланина, — неожиданно согласился с ним Мусорщик. — Амулеты каким-то образом понижают его уровень, но как и почему это происходит… увы, этого не знает никто.

— А у тебя, значит, тоже есть этот паук? — спросил Лекс.

— Не паук. У меня леопард. Но лучше бы была лиса. Ладно. Забудь, все это ерунда…

— Да? Надо бы найти Синку и задать ей несколько вопросов.

— Ты ее не найдешь, — покачал головой Мусорщик. — Если она сама не захочет, ее никто не найдет, даже Эмир. А вот Ника найти возможно. Только это дорого будет стоить. Понадобится много времени и денег. Поэтому Эмир не стал рассказывать саудитам подробности. Хакеров он убрал, все сделал чисто и, вроде, вернул свой авторитет. Зачем ему рассказывать, что кто-то смог уйти от ответственности?

— Значит, Ника никто искать не будет?

— Это дорого и хлопотно. У Эмира много других забот. Скажем так, на сегодняшний день месть Нику — для него далеко не главная цель.

— Зато главная для меня, — лицо Лекса исказилось от ненависти. — Я хочу, чтобы этот ублюдок заплатил за то, что сделал.

— Жизнью? — спросил Мусорщик.

— О, нет. Это было бы слишком просто. Как найти этих террористов, как их там…

— Дашнаков? Это профессиональные ищейки, и их услуги стоят очень, очень дорого.

— Не дороже денег, — зло произнес Лекс. — Я не успокоюсь,

пока Ник не заплатит мне за взлом. Дашь мне их контакты по старой дружбе?

— По старой? Разве мы больше не друзья?

— Не думаю, что еще когда-нибудь обращусь за помощью к Армаде.

Мусорщик пожал плечами, подошел к столу, оторвал лист бумаги и написал на нем несколько символов:

6EQUJ5

— Это что за херня?

— Номер телефона.

— Номер телефона? И как по нему звонить?

— Это квест, — невозмутимо ответил Мусорщик. — Догадаешься, как звонить, попадешь на автоответчик. Скажешь, что тебе нужен хороший телескоп, тебе перезвонят и договорятся о встрече.

— Какая невероятная конспирация. А если я скажу, что мне нужен славянский шкаф, то мне предложат кровать с тумбочкой?

— У них действительно очень высокие расценки. Речь может идти о шестизначных цифрах…

— Спасибо.

Лекс демонстративно бросил очередной окурок на ковролин, безжалостно растоптал его и пошел к выходу. Подхватив пакет с мелочевкой, обернулся. Затем достал из пакета статуэтку ангела и протянул Мусорщику.

— Что это?

— Подарок… — Лекс не мог себе отказать в удовольствии хоть чуть-чуть развеять анонимность Мусорщика. — У тебя ведь вчера был день рождения, да, Леша? Поздравляю… тезка.

Сунув статуэтку в руки удивленного Мусорщика, Лекс вышел из кабинета и громко хлопнул дверью.

ГЛАВА 24
ДЕТСТВА ЧИСТЫЕ ГЛАЗЕНКИ

Азов-Краснодар, конец марта 2005 года.

Четыре месяца назад, пробираясь по грязному тоннелю Отстойника, Ник еще не знал, где возьмет деньги на еду, как найдет крышу над головой, и кто поможет ему оформить ксивы, хотя бы на первое время.

В ту ночь, а точнее уже под утро, когда браконьер на разбитой в хлам «девятке» вез его и Малого в Азов, Ник не знал, доживет ли до следующего дня. Он не был даже уверен, доедут ли они до Азова.

Оказалось, что доедут. И доживут до следующего дня, в подвале старой пятиэтажки, на едва теплой трубе, ежась от голода и холода.

С потолка капало — то ли конденсат, то ли трубы где-то протекали, но лужа была основательная. Что-то шуршало в дальнем углу — крысы, или кошки, а может, и те, и другие. Малой кинул туда камень, но шорох так и не прекратился.

Обоим было страшно, но они старались не показывать этого друг другу. Как ни странно, сильнее напуган был Ник. Малой же воспринимал происходящее как очередное приключение.

— Кто тебя ищет? — спросил мальчишка. — Это из-за компьютеров? Ты хакер?

— Да.

— Я думал, хакеров, как террористов, никто не находит.

— Если захотят, то находят, — пробормотал Ник.

— Ты банк взломал, да?

— Нет.

Малой помолчал немного, потом спросил:

— А долго учиться надо, чтобы хакером стать?

— Долго.

— Ты давно начал?

— С детства.

— Да ладно. Тогда еще компьютеров не было…

— У нас в интернате были.

Разговор не клеился. В ушах у Ника все еще звучали выстрелы, и он никак не мог успокоиться. Малой же, обычно неразговорчивый, сейчас напротив, был готов к общению.

— Тут где-то центральный рынок есть, а рядом с ним база.

На этой базе ночлежка есть, а еще там работяг без

документов берут и платят вроде нормально.

— Откуда ты знаешь? — спросил Ник.

— Бичи в Отстойнике рассказывали. Ну, так что? На базе этой зависнуть можно, пока не потеплеет, и денег на дорогу поднять немного.

— Схожу завтра, посмотрю.

Ник закрыл глаза, но сон не шел. Малой тоже спать не спешил.

— Ты потом куда поедешь?

— Не знаю пока, — уклончиво ответил Ник.

— Я в Сочи рвану. Хочешь со мной? До Краснодара, потом Джубга, а там уже Сочи рядом.

— А там что?

— Там у меня бизнес будет, — мечтательно вздохнул Малой. — Шезлонги будем в прокат давать.

Внезапно Ник осознал, что в этот раз не получится, как раньше, купить билет, сесть и поехать без остановок. Денег ведь нет, их придется заработать, а это будет непросто. Малой же в такой дороге будет не обузой, а помощью, потому что, несмотря на возраст, у него есть опыт бродяжничества и умение не попадаться на глаза.

— Ну, так что? Поедем?

— Посмотрим. Давай спать.

Утром пошли на ту самую базу, о которой говорил Малой. Оказалось, что ночлежку давно спалили, да и хозяева на рынке уже несколько лет совсем другие — таджики, азербайджанцы, китайцы, в общем, интернационал. Но работа нашлась — снег раскидать, дров нарубить. Денег, правда, не дали — но шаурмой накормили, к тому же разрешили пожить в сарае.

Случайно прочитав в газете о ростовской бойне в статье «Трупы подземелья», Ник стал шугаться всего, даже собственной тени.

С базы носа не показывал, да и на самой базе боялся попасть под зрачки камер наблюдения. Мало ли, вдруг не локальные, а подключены к федеральной системе слежения.

Потом были две недели в рыбном цеху, где Ник с Малым работали грузчиками. Ночевали там же, в закутке, среди бочек, невыносимо воняющих селедкой.

Потом еще две недели на лесоторговой базе. Зарплаты так же не было, но были «погрузочные» от клиентов — первая наличка за последний месяц.

Между собой Малой и Ник в эти дни почти не общались — сил не было. Работа оказалась слишком тяжелой как для малолетки, так и для бывшего представителя офисного

планктона. Тем не менее, они привязались друг к другу. Малой бегал на рынок за едой для обоих, а когда однажды на него напала стая бродячих собак, рыскавших в окрестностях, Ник бесстрашно пришел на помощь.

В конце марта, когда началась оттепель, испытав очередной приступ панической атаки, Ник решил рвать когти, о чем и сообщил Малому. Тот был не против. Через два дня они прибыли рейсовым автобусом в Краснодар.

Сняли квартиру на окраине — одна комната, посуточно, все удобства, на длительный срок — скидка десять процентов. Но на длительный срок они здесь задерживаться не собирались.

— На пару дней тормознем тут, потом в Сочи поедем, — сказал Ник, расплатившись с хозяином.

— А чего тут тормозиться, поехали сразу?

— Дело у меня тут одно есть.

— Какое?

— Детство хочу свое вернуть. Или хотя бы воспоминания.

На местном радиорынке Ник купил старый ноут и гарнитуру из наушников с микрофоном. Поколдовал с анонимными проксисерверами, загрузил скайп.

— Эд Макарыч, это я.

— Никита, ты? Deux es machina, в смысле ну ни хрена ж себе… а я думаю, что за Леночка ко мне в контакты ломится, скайп аж дымится… Ты как? Жив-здоров? Куда пропал?

— Жив-здоров, Эд Макарыч.

— Ну, слава Богу. Когда к нам?

— Да пока не знаю…

— Ты сейчас вообще где?

— Я… кхм… да так, то тут, то там…

— Ясно. Слышал, у друга твоего, Лешки, игру поломали?

— Кхм… кажется, что-то слышал…

— А, ну да, вы же не общаетесь… Говорят, эта игра до взлома ему по миллиону долларов в месяц чистой прибыли давала.

— А сейчас?

— А сейчас босый хер. Он ее продал вроде, каким-то китайцам или казахам… теперь то ли с обменниками трудится, то ли…

— Эд Макарыч!

— А?

— Дело у меня к вам есть, важное и секретное.

— Ну, то ж понятно. Чего хотел?

— Личное дело мое скинуть можете? Ну, интернатское…

— А зачем тебе?

— Да карту медицинскую хочу посмотреть.

— Со здоровьем что-то?

— Так, кое-что беспокоит… скинете? Магарыч с меня.

— Да ты только обещаешь все… Ладно, скину уж. Мыло дай, куда кидать.

— Вот.

— Вечером отправлю.

— Спасибо, Макарыч. И это… контакт потом потрите вместе с логами, ладно? Я как-нить еще стуканусь…

— Эх, молодежь, и не стыдно меня безопасности учить? Tuto, cito, jucunde, что означает: не ссы, потру.

Разговор длился несколько минут, и когда связь разъединилась, Ник почувствовал укол совести. Нехорошо получилось — даже не спросил, как дела у Магарыча, как здоровье.

К тому же соврал — не интересовала Ника медицинская карта, равно как и табель успеваемости, и ежегодные характеристики от преподов.

Все, что ему было нужно — это координаты краснодарского детдома, откуда его в шестилетнем возрасте направили в Питер.

Вечером того же дня файл с личным делом Никиты Гумина лежал в почтовом ящике, зарегистрированном несколько часов назад только для этой цели. А утром следующего дня Ник уже стоял перед зданием интерната.

Площадь Карла Маркса девятнадцать дробь одиннадцать, детский дом номер семь. Отсюда, из этого здания, если верить его личному делу, Ника вывезли в Питер. Почти восемнадцать лет назад.

Есть в голливудских фильмах распространенный штамп. Выглядит этот штамп примерно так: герой идет по улице, замечает какую-то деталь вроде старой скамейки, памятника или какого-нибудь высохшего дерева, и в этот момент его озаряет. Он начинает вспоминать все, что происходило с ним много лет назад в этом месте. Как он ходил здесь, с кем разговаривал, где сидел, что видел. Он вспоминает все, может быть не сразу, по частям, но, все же, вспоминает.

Ник не вспомнил ничего.

Он смотрел на аллею, на лавочки, на памятник великому экономисту — и не мог вспомнить ничего из своего детства. Вообще ничего, ни одной мелочи. Если верить личному делу, ему тогда было шесть лет. Все, что касается детства, Ник помнил урывками, и все это касалось только событий, произошедших в Питерском детдоме, но не в Краснодарском.

Небольшая стайка разношерстной детворы с шумом высыпала из здания и помчалась куда-то за угол, громко крича. Им было

лет по шесть-семь, как раз столько же, сколько было Нику, когда его отсюда вывезли.

Помедлив, Ник направился следом за детворой — обойдя дом, он оказался перед футбольным полем с ржавыми покосившимися воротами и несколькими лавками по бокам. Что-то похожее было в Питере, только более цивильного вида. Причем питерское поле Ник помнил очень хорошо, а тут…

Никаких эмоций, никаких воспоминаний.

Все чужое.

Ник вернулся и вошел в здание со смешанным чувством неуверенности.

На входе его остановил вахтер. Дедок лет шестидесяти, от которого ощутимо несло спиртом, добродушно поинтересовался, не террорист ли он.

— Не террорист, отец, не террорист. Учился я тут, восемнадцать лет назад. Теперь вот заехал, проведать…

— Восемнадцать лет назад меня тут не было, — словоохотливый дедок сочувственно покачал головой. — А я тут самый старожил, в следующем году пятнадцать лет будет, как тут работаю. Так что вряд ли ты своих учителей найдешь.

— Да мне бы архивы посмотреть, отец, — Ник ненавязчиво сунул дедку в карман купюру. — Я тут и сам недолго проучился, мне шесть лет было, когда меня перевели отсюда.

— Архивы — это тебе к завучу надо. Гаврилова Ольга Михайловна, она у нас архивами заведует. Вон туда ступай по коридору, — показал дед. — Последняя дверь слева, там рядом табличка будет, не перепутаешь.

Ольга Михайловна оказалась дородной женщиной с крашеными волосами и откровенно алчным взглядом бюрократки-взяточницы.

Едва она поняла, что Ник явился без всякого официального приглашения, исключительно в частном порядке, как сразу же взяла инициативу в свои руки.

— Значит, говорите, здесь прошло ваше детство? — строго спросила она, постукивая карандашом по краю стола.

— Дошкольные годы, — уточнил Ник.

— И что же вы хотите?

— Можно ли посмотреть на свое личное дело? — Ник аккуратно положил на край стола купюру.

Постукивание прекратилось, купюра куда-то исчезла, строгость в обращении быстро улетучилась.

— Вообще-то, это не положено, но…

Получив еще одну купюру, завуч не только отвела Ника в комнату с архивом, но и лично помогла в поисках информации о

Нике.

Они провозились несколько часов, за которые пересмотрели, наверное, тонну бумажного архива. Но все их поиски были безрезультатны — никакого упоминания о Гумине Никите в архиве не было.

— Может, мое личное дело потерялось? Или…

— Нет. Во-первых, это невозможно, а во-вторых, вот же все списки учащихся за те годы. Вас нет ни в одном из них.

Это верно. Ни в одном списке не было никакого упоминания о Нике, поэтому версия о том, что личное дело потеряно или похищено, отметалась.

Вывод мог быть только один — Ник действительно никогда здесь не был.

Он возвращался домой в полной растерянности. А когда пришёл, его состояние сразу заметил Малой.

— Ну что, вернул свое детство?

Ник покачал головой.

— Нет. Вообще никаких упоминаний обо мне нет. И не вспомнил ничего, словно впервые в жизни тут побывал.

— А для тебя это так важно? — спросил Малой.

— Не знаю, — пожал плечами Ник.

— Ну и плюнь на это. Поехали лучше в Сочи. На море покупаемся, чурчхеллы поедим, круто!

— Угу… Поедем.

Ночью, когда Малой уже спал, Ник снова связался с Магарычом.

— Эд Макарыч, а не могло быть какой-нибудь ошибки? Может, перепутали что-то при поступлении?

— Может и перепутали. Вас тогда привезли целую пачку, с разных городов, но в один день доставили. К открытию торопились, видать. А ты сам-то что, ничего не помнишь?

— Только то, что в Питере было.

— Ну и память у тебя, совсем дырявая. Я вот даже помню, как вас всех в приемном зале собрали, человек пятнадцать. Вдоль стены стояли, глазенками своими хлопали. Ты же тогда, вроде, с Лешкой познакомился, разве не помнишь?

— Ладно, Эд Макарыч, пойду я спать.

— Погоди, — остановил его Магарыч.

— Что?

— Тут такое дело… в общем, я знаю, что это ты Лешкину игру взломал.

Ник помолчал немного, потом спросил равнодушно:

— Откуда инфа?

— Я тут кое-какие услуги Синдикату оказал. Они мне и

рассказали. Ты знаешь, что Лешка сильно зол на тебя?

— Плевать, — отозвался Ник.

Магарыч вздохнул — ему что-то хотелось сказать, но он не знал, с какой стороны подойти. Потом, решив более не колебаться, сказал прямо:

— Он послал по твоему следу дашнаков.

— А кто это?

— Это те, кто рано или поздно тебя найдут. Ник, я не знаю, где ты, но тебе лучше не задерживаться долго на одном месте.

— Я понял, Эд Макарыч. Спасибо.

— Бывай. Надеюсь, еще увидимся.

Спать Ник лег не сразу. Еще долго сидел у окна с сигаретой и чашкой кофе, смотрел на улицу, едва освещенную фонарями, и думал о том, что, в сущности, Малой прав, и на поиски своего детства действительно стоит забить. Какая разница, где он провел свои первые годы жизни. В мире существует множество более важных вещей, чем прошлое, которое не вернуть, не изменить.

За много километров отсюда, по трассе «М-4 Дон» мчались два черных минивэна. В тот момент, когда Ник натягивал одеяло до подбородка, закрывая глаза, минивэны промчались мимо поста ГИБДД, въезжая на территорию Краснодарского края.

ГЛАВА 25
МАЛОЙ

Краснодар, 1 апреля 2005 года.

Если бы Малого спросили, что такое дружба, то он бы, скорее всего, пожал плечами, фыркнул и ничего не ответил.

У него никогда не было друзей. В обществе, где он крутился несколько последних лет, друзей не бывает в принципе. Просто люди сбиваются в стаи, потому что так легче выжить. Какая может быть дружба в Отстойнике, где каждый готов перегрызть соседу глотку? Перегрызть даже не за собственную шкуру, а за бутылку сивухи или горсть окурков.

За одиннадцать лет своего существования Малой уяснил самое главное правило — доверять нельзя никому. И дело даже не в том, что все вокруг враги, и каждую секунду надо ждать подляны.

Просто люди разные, понимание жизни у них тоже разное.

И каждый разграничивает добро и зло по-своему.

Никакого доверия. Никому. Всех держать на расстоянии, исключений нет.

Жизнь у Малого одна, принадлежит она ему, и никто не имеет права распоряжаться ею, кроме него самого. Чьи-либо советы, мнения, просьбы и приказы Малой всегда оставлял за бортом, прислушиваясь только к своей интуиции, которую ласково называл «чуйкой».

Поэтому, когда Ник попросил Малого больше не нюхать клей, пацан сказал, что будет делать то, что хочет.

Всякое действие рождает противодействие, а противодействие обычно рождает новое действие. Ник принял более радикальные меры, и ночью, когда Малой спал и выбросил остатки клея, рассчитывая, что в день отъезда Малой может обойтись без токсикомании.

Зря рассчитывал.

Утром Малой отправился на рынок за новым тюбиком «Момента» и десятком одноразовых пакетов.

— Мы вечером уезжаем, — напомнил Ник, когда Малой уходил. — Купи хлеба и сухой колбасы, бутеров в дорогу сделаем.

— Ага. Конечно.

И через час вернулся. Без хлеба, без колбасы, зато со всем, необходимым для кратковременного одурманивания.

— А где еда? — спросил Ник. — Ты же за едой пошел.

— Первый апрель — никому не верь.

— Ты что, дурак?

— Сам дурак, — огрызнулся Малой. — Я тебе что, шестерка? Туда сходи, то принеси… иди сам за своей колбасой.

Он открыл тюбик с клеем и стал щедро лить тягучую вонючую массу в пакет.

— Малой!

— Че?

— Во-первых, харе нюхать эту дрянь…

— Да пошел ты!

— Во-вторых, ты же знаешь, что мне лучше не светиться на улице… А в-третьих, не хами.

— Да пошел ты, — хихикнул Малой.

Это хихиканье окончательно разозлило Ника. Встав с места, он подошел к Малому, молча вырвал клей и пакеты и, прежде чем тот успел опомниться, вышвырнул все это в окно.

Отборный пятиэтажный мат, полившийся в ответ из уст одиннадцатилетнего пацана, заставил бы покраснеть даже самого нещадного грузчика-пропойцу.

— Это ведь для твоего же блага… — попытался объяснить ему Ник.

Бесполезно. Малой считал, что только он вправе решать, что для него благо, а что нет. И направился к двери, намереваясь вернуть то, что вылетело из окна.

— С клеем я тебя сюда не пущу! — в сердцах бросил Ник.

— Да я и сам не вернусь, — это была единственная цензурная фраза Малого, после чего он снова разразился площадной бранью.

А потом вышел из квартиры, громко хлопнув дверью.

На самом деле клей был не главной причиной ухода. Решение о том, что пора разбегаться, Малой принял, едва они прибыли в Краснодар. Ник со своей подозрительностью стал обузой для малолетки, но при этом вел себя так, будто сделал одолжение, взяв Малого с собой.

Клей всего лишь сыграл роль решающей капли, переполнившей чашу терпения.

Деньги ещё есть. Во всяком случае, пару дней голодным быть не придётся. За это время наверняка что-нибудь подвернется, а если и нет, дальнобои накормят. Одиночке гораздо проще поймать попутку и добраться до долгожданных сочинских пляжей, а именно это Малой и собирался сделать.

Хотя… нет. Для начала он собирался найти выброшенный клей и кайфануть до обеда.

Потом пожрать чего-нибудь, вроде хот-дога или шаурмы, а

дальше видно будет. Долгосрочных планов Малой строить не любил, да и не умел.

Клей он нашел быстро. Окна съемной квартиры выходили на пустырь. Людей там можно было встретить редко, детвора предпочитала играть подальше от дома, на горе из бетонных плит и труб, поэтому источник кайфа спокойно лежал на земле, дожидаясь хозяина.

Подобрав свое добро, Малой осмотрелся, и двинулся в сторону плит, собираясь найти тихое местечко.

Он только устроился поудобнее в одной из труб, как услышал чьи-то голоса. Выглянул — к трубе приближалась компания подростков, чуть постарше Малого. Почти все с пивом, на вид — не многим лучше бомжей. Гопота, одним словом.

Макушку Малого заметили, хотя он, выглянув, сразу спрятался.

Подошли к трубе, обступили.

— Ты че тут делаешь? — спросил один из них, худощавый патлатый дрыщ.

— Ниче, — грубовато ответил Малой.

Одну руку он держал за спиной, пряча пакет с клеем.

— Че у тебя там?

— Ниче.

— Слышь, щегол, ты че так базаришь?

— Оставь его, — бросил самый здоровый из подростков. — Это нюхало, не видишь, кулек у него. Пошли.

— Пусть идет у кота под хвостом нюхает, — процедил дрыщ, но лезть в трубу не стал.

Они отошли в сторону, присели на плиты и закурили. Стали травить анекдоты, вспоминать о каких-то пьянках и о том, кто до какой степени напился.

Достав пакет, Малой сделал несколько подходов, а потом незаметно для себя задремал.

Его разбудил шум мотоциклетного двигателя, который, судя по звуку, с самого рождения обходился без глушителя. Малой, услышав треск и грохот, даже не сразу понял, в чем дело, и вскочил, больно ударившись головой о бетон.

Двигатель заглох, Малой осторожно выглянул из укрытия.

Мотоциклист оказался бородатым мужиком лет тридцати, в кожанке и с разрисованным шлемом, который он снял, прежде чем начать разговор.

Гопота притихла — судя по всему, мужик был у них в авторитете.

Он даже здороваться с ними не стал, а сразу перешел к делу, протянув старшему гопнику фотографию.

— Кто-нибудь этого видел?

Фотография прошла по рукам, все одинаково покачали голо вами.

— Тогда слушайте сюда, босота, и вникайте, — сказал мотоциклист. — Этот кекс не местный, залетный, сейчас в нашем городе.

Позавчера он спалился возле площади Карла Маркса, неподалеку от детдома. Его ищут серьезные, очень серьезные люди. Если поможете вычислить его, будете месяц бухать, не просыхая.

— А кто он? — спросил патлатый, рассматривая фото.

— Это не твое собачье дело. Твое дело — найти, где он прячется, позвонить мне и получить за это деньги.

— А сколько?

— Две штуки баксов. Если найдете сегодня, то еще накину штуку за оперативность, хотя я сомневаюсь, что вы, уроды, настолько фартовые.

Гопота оживилась — судя по их рожам, сумма была запредельная.

Две тысячи долларов… если с этими деньгами приехать в Сочи, думал Малой, то наверняка можно будет открыть пункт проката, и тогда ни о чем не думать, а просто каждый день получать деньги, которых хватит и на еду, и на всё остальное…

— Этот кекс может быть не один, — продолжил мотоциклист. — Есть вариант, что сюда он приехал с пацаном мелким, токси команом.

Малой вздрогнул, услышав эти слова. Но гопники про него даже не вспомнили, внимательно слушая то, что им говорил мотоциклист.

— Еще с ним может быть бикса. Молодая, симпотная. Из особых примет — глаза разного цвета. Но это вряд ли, если он здесь, то, скорее всего, один. Короче, дегенераты, ищите да обрящете. Фотку себе оставьте.

Мотоциклист завел двигатель, и уехал прочь, разбрасывая в разные стороны куски грязи. Гопота возбужденно переговаривалась, передавая друг другу фотографию, и строила версии, где и как лучше искать пацана.

Малой затаился в трубе и решил пока не вылезать, чтобы не попасть в поле зрения. Но о нем все же вспомнили.

Гопники обступили трубу, в которой сидел Малой. Здоровяк поднес к его лицу фотографию, с которой смотрело лицо Ника, правда, чуть моложе, чем сейчас.

— Слышь, нюхач, видел когда-нибудь этого пацика?

Малой мотнул головой.

— Точно? — недоверчиво спросил дрыщ.

— Да оставь его, — бросил здоровяк. — Пусть сидит, рак нанюхивает.

— А вдруг это тот, про которого Лобзик говорил?

— Ты что, каждого нюхача проверять будешь? Сказали же тебе, что скорее всего он один. Пошли лучше у барыг на толкучке поспрашиваем.

Компания развернулась, и, потеряв интерес к мальчишке, направилась в сторону, противоположную дому со съемными квартирами.

Малой посмотрел им вслед.

Стая волчат. Чуть постарше, чем он сам. Опытнее, сильнее, злее.

Всем своим видом подтверждают простую истину: в этом мире каждый сам за себя.

Кто для него Ник? Обычный попутчик. Из-за него в Отстойнике убили Хрипуна, Сильвера, Одноглазого и еще много бичей, которые хоть и не были друзьями Малого, но все же он их знал гораздо дольше, чем Ника.

Говорит, что хакер. Компьютер купил, а Малого учить не стал, хотя мог бы показать, как банк взломать, или еще что-нибудь. Вон, Хрипун, ему не впадлу было рассказать Малому, как правильно отверткой бить, или как на машине проводки соединить, чтобы она завелась без ключа. А Нику впадлу, он свои секреты при себе держит, не доверяет.

От этого хакера вся польза — сто баксов, которые Малой получил за обналичку. Где эти сто баксов — нет уже их давно. Осталась какая-то мелочевка, но ее не хватит даже, чтобы до Джубги добраться.

Козел, взял и «Момент» выкинул, хотя не его клей был, а Малого.

Да и вообще, пошел он…

Злость и обида подстегнули Малого вылезти из трубы и догнать гопоту.

— Тебе чего, нюхало?

— Пополам.

— Чего?

— Половина моя, если расскажу, где Ник.

— Какой Ник? — не понял дрыщ, но здоровяк отпихнул его в сторону, подошел вплотную к Малому, нагнулся.

— Ты знаешь, где этот кекс с фотки?

— Знаю, где он будет в течение ближайшего часа.

— Где?

— Сначала деньги. Полторы тыщи.

— Будут тебе деньги. Ты сначала докажи, что знаешь, где этот кекс.

— Нет, сначала деньги.

— Слышь, ты… — рыпнулся патлатый, но здоровяк снова отпихнул его.

— Тебя как зовут?

— Малой.

— Понимаешь, Малой, у нас денег нет. Надо звонить серьезным людям. А если у нас не будет доказательств, если ты сейчас нам вешаешь, то нас ждут неприятности. Большие неприятности…

— Он хакер.

— Что?

— Позвони своему мотоциклисту и скажи, что он хакер. Его зовут Ник. Если это так, пусть он привезет деньги, тогда скажу, где он.

Здоровяк выпрямился. Переглянулся со своими дружками.

— Ну, звони Лобзику, проверь, — сказал дрыщ.

Здоровяк достал телефон.

— Алло, Лобзь? Слух, а тот кекс, которого ты ищешь, он хакер?

И зовут его Ник? Не, не, просто… да… да… не, мы тут мелкого поймали, он говорит, что знает… нет, он деньги хочет… да, мы на пустыре, где ты был… да… хорошо…

Здоровяк спрятал телефон, похлопал Малого по плечу.

— В натуре, хакер он. Щас Лобзик капусту привезёт.

Конечно же, эти улыбки не могли обмануть Малого, тот достаточно повидал в своей жизни подобных улыбок, за которыми прятались хищные оскалы.

Плевать на это. Главное — получить деньги, назвать адрес и свалить побыстрее. А чтобы не кинули — тут надо просто держать ухо востро и не быть лохом.

Так что Малой держался настороженно, не расслаблялся, а на расспросы гопоты, кто он и откуда, отвечал уклончиво, в духе — ничего не знаю, ничего не видел.

Впрочем, вопросов много и не было. Мотоциклист примчался через несколько минут, видимо, не успел далеко отъехать.

Осмотрел всю компанию, слез с мотоцикла и присел на корточки перед Малым.

— Ты знаешь, где он, пацан?

— Сначала деньги.

— Будут тебе деньги, пацан, будут. Только скажи, где этот Ник…

Малой молчал, словно воды в рот набрал. Лобзик

нахмурился, хотел что-то сказать резкое, но стерпел.

— Не, правда, Лобзь, а че с капустой? — спросил здоровяк.

— Да ты еще только не ной! — зло рявкнул на него мотоциклист. — Будет тебе капуста.

Здоровяк хотел еще что-то сказать, но в это время Лобзик посмотрел в сторону. Туда же посмотрели Малой и гопники. По пустырю в их направлении быстро двигался черный минивэн.

Через несколько секунд он остановился рядом с ними. Из машины вышел человек в темных очках и легком плаще с поднятым воротником. К нему сразу же подбежал Лобзик, стал что-то объяснять, но приехавший брезгливо подвинул его в сторону и подошел к пацанам.

— Кто из вас знает, где он?

Дрыщ подтолкнул вперед Малого.

— Говори.

— Сначала деньги! — запальчиво воскликнул Малой.

— Араик, дай им денег.

Из машины вышел второй человек в очках, почти полная копия первого. В руке он держал пачку купюр. Там было гораздо больше, чем две тысячи.

К нему сразу же подбежал Лобзик, а через секунду шагнул и вожак гопников.

— Мы по награде сами разберемся, наш парнишка…

Араик протянул Лобзику деньги, тот уже почти схватил их…

Но Малой, внезапно шагнув вперед, смело и даже нахально заявил:

— Нет. Все деньги мне. И увезите меня отсюда, тогда покажу.

Рука Лобзика схватила воздух.

Дашнак засмеялся.

— Шустрый. Садись в машину.

Малой направился к машине.

Гопникам хватило секунды, чтобы понять, что премиальные проходят мимо них.

— Ах ты, ублюдок!

Дрыщ бросился было вслед за Малым, но от быстрого удара дашнака рухнул на землю и скорчился, завопив:

— Больно! Больно! Ключица…

— Да, — не без удовольствия подтвердил дашнак.

— Как же так, люди… — растерянный Лобзик обеспокоено прыгал вокруг машины дашнаков, не рискуя, впрочем, применять более решительные меры и повторять судьбу дрыща. — Я же организовал все… мы же договаривались…

— Договаривались, что ты найдешь хакера, а не мальчишкутоксикомана, — сказал дашнак, усаживаясь в минивэн

следом за Малым.

Дверь захлопнулась, из окна высунулась рука, и бросила на землю несколько смятых купюр.

— Это за беспокойство и на ремонт ключицы.

Растолкав гопников, Лобзик схватил все купюры и спрятал в карман. Минивэн тронулся с места. Как только он удалился на достаточное расстояние, Лобзик разразился ругательствами.

Минивэн двигался по пустырю в сторону дороги. Малой сидел на заднем сиденье машины, вдыхая запах кожи и дорогого парфюма.

Отсюда ему была видна часть приборной доски — никогда раньше такой не видел. Все загромождено различными электронными прибамбасами вроде миниатюрных экранов навигаторов, необычных клавиатур для нетбуков, светящихся кнопок и прочих гаджетов. Это больше походило на приборную панель космического корабля, чем на портприз легкового автомобиля.

На колени пацану упала пачка долларов, перетянутая резинкой. Он по-взрослому пролистнул пачку, убедившись, что все купюры сотенные. Столько денег он не держал в руках даже во сне.

— Здесь десять тысяч, — сказал дашнак. — После того, как я увижу Ника, получишь еще столько же.

Малой благоговейно поднял пачку, пробуя на вес, и на одну секунду зажмурил глаза.

Перед ним пронеслись вихрем пункты проката шезлонгов, галька черноморских пляжей, солнце, белые костюмы, мороженое, кола, хот-доги с чипсами.

Открыл глаза. Почему-то сразу же вспомнил Сильвера с его рассказами про войну, про фашистов, про предателей-полицаев.

Вспомнил Хрипуна.

— Куда едем? — спросил дашнак.

— На рынок, — хрипло сказал Малой, пряча деньги в карман. — На вещевой рынок, вон туда, а потом направо.

Вскоре минивэн остановился возле центрального входа в рынок.

— Ну?

— Он там прячется. — Малой махнул рукой.

— Там — где?

— Где контейнеры. Пойдем, покажу.

С ним пошли двое. Они миновали стоянку маршруток, углубились в рынок и вскоре уже подходили к контейнерам, принадлежащим китайским торговцам.

Этот вещевой рынок сам по себе был многолюдным, а уж

сектор, где суетились китайцы, и вовсе можно было сравнить с разворошенным муравейником. Китайцы с коробками, тележками, сумками, рюкзаками — толчея невероятная.

План Малого был прост, но осложнялся тем, что один из дашнаков держал руку на его плече.

Тем не менее, ему повезло. Один из китайцев споткнулся, налетев на них, Дашнак, пошатнувшись, всего на одну секунду отпустил Малого, как пацан сразу же юркнул в толпу, успев крикнуть на ходу:

— Вон он, там, быстрее!

Надо отдать должное дашнакам, этот выкрик Малого, который по замыслу должен был на пару секунд отвлечь их внимание, не сработал.

Сразу догадавшись, что мальчишка решил их обмануть, дашнаки бросились за ним в погоню.

Бежали молча, без всяких окриков «Стой» и тому подобного. Как волки, преследующие свою добычу.

Коробки, сумки, тележки — все летело в разные стороны под возмущенные возгласы китайцев. В толпе мальчишка имел несомненное преимущество, однако, преследователи не отставали.

Рынок закончился. Перебегая дорогу, Малой едва не попал под колеса маршрутки с рекламой пылесосов на борту. Водитель, пожилой армянин, успел затормозить и проорать в открытое окно что-то нецензурное, но Малой не обратил на это никакого внимания.

Он юркнул на огороженную развалившимся забором заброшенную стройку, рассчитывая спрятаться.

Скатился в окно подвала, слишком узкое для того, чтобы туда пролез взрослый человек. И затаился, забившись в угол среди каких-то ящиков и мешков со смолой.

Один из дашнаков остался возле окна, второй спустился в подвал.

Малой затаил дыхание и не издал ни единого звука, в надежде, что его не обнаружат. Он и предположить не мог, что у дашнака с собой имеется портативный тепловизор, который тот незамедлительно включил, едва спустился в подвал.

Шаги дашнака приближались, остановились рядом с ним, потом в лицо Малого ударил луч света. Волосатая лапа схватила Малого за шкирку и потянула на себя.

— Вылазь, гаденыш.

Малой изловчился, выхватив отвертку, которую всегда носил с собой, и всадил ее в руку, как учил Хрипун. А потом резко рванулся в сторону, пытаясь вырваться от захвата. Дашнак охнул

от боли и здоровой рукой (которой держал фонарик) наотмашь ударил Малого по голове.

Рукоятка фонарика врезалась мальчишке в висок.

Что-то вспыхнуло перед глазами Малого. Ему даже показалось, что он услышал какой-то хруст. Хруст, напомнивший звук шагов на снегу в морозное утро. Это было последнее, что он услышал.

— Где он? — спросил дашнак, оставшийся на улице, когда его товарищ с мрачным лицом и окровавленной рукой вышел из подвала.

— Ноль, — ответил раненый. — Помоги перевязать.

— Что случилось?

— Проткнул меня отверткой, а я стукнул его слегка.

— Слегка?

Раненый равнодушно пожал плечами.

— Деньги-то хоть забрал?

— Забрал, а что толку? Вот, гаденыш, везучий, успел сдохнуть раньше, чем надо, — раненый зло сплюнул в сторону подвала, затем достал клочок бумажки. — Вот что я у него еще нашел.

Его напарник посмотрел на бумажку — на ней корявым почерком был написан номер счета и пароль к ЯДу. Счет был знаком обоим дашнакам, его опустошили еще в Ростове.

— Значит, действительно они сюда вместе приехали.

— Угу. Только мне от этого не легче.

Быстро покончив с перевязкой, они покинули стройку, поставив точку в истории Малого, одиннадцатилетнего мальчишки из Ростова-на-Дону, который делал в жизни много неправильных поступков, приведших, в конце концов, к закономерному финалу в подвале заброшенной стройки.

Ник так никогда и не узнает, чем закончилась история этого бездомного пацаненка. После того, как Малой, сказал, что не вернется, и ушел за выброшенным клеем, Ник сразу же изменил свои планы.

Решив не искушать судьбу и бросив ноутбук в сумку, он покинул съемную квартиру на полдня раньше запланированного срока.

Мало ли, что взбредет в голову торчку-токсикоману.

Поплутав немного по городу, Ник направился в сторону площади Ленина, где пересекались пути самого большого количества маршрутных такси, в том числе и междугородних.

ГЛАВА 26
ТАКСИ, ТАКСИ, ВЕЗИ, ВЕЗИ…

Краснодар-Адлер, 31 марта 2005 года.

Вартан Ароян, а для друзей — просто Вартанчик, считал, что все водители маршруток — тупые уроды, которых стоит сажать на кол.

Им плевать на пассажиров, на других водителей, да вообще на все, кроме денег. За деньги они маму родную продадут. Поэтому только на кол, по-другому не перевоспитать.

Не, ну а как иначе с теми, кто, подъезжая к остановке, останавливается так, что перекрывает полдороги? Как относиться к водителям, которые стоят по полчаса на каждой остановке и, несмотря на то, что у них все сидячие места уже заняты, ждут, пока люди не набьются в маршрутку, словно селедки в бочке? Что можно сказать о тех, кто вставляет матерное слово каждые пятьдесят метров, невзирая на то, что в салоне женщины, дети, пожилые люди?

Тупое быдло, хамы, просто скоты. Да, только на кол. Ну, или на виселицу.

Парадокс состоял в том, что сам Вартанчик тоже был водителем маршрутного такси. Но, по его мнению, он был единственным нормальным маршруточником в городе, а, возможно, и во всем Краснодарском крае. И за такое утверждение Вартанчик готов был ответить убедительными аргументами.

Во-первых, маршрутка Вартанчика, независимо от погоды, всегда чистая внутри и почти всегда — снаружи. И красиво рекламой украшена: вот, например, пылесосы рекламируются, фирма «Самсунг», магазин «Эльдорадо», телефон указан и даже этот, как его, интернет-шминтернет.

Во-вторых, в машине Вартанчика никогда не играет шансон, а только джаз и еще раз джаз. Потому что человек, который в дороге слушает джаз, никогда не станет лузгать в салоне семечками, пытаться не заплатить или, что хуже всего, резать обшивку сидений.

И, наконец, Вартанчик не перекрывал дорогу на остановке, не ругался матом при пассажирах и даже мог подвезти кого-нибудь просто так, без денег. Правда, только на городском маршруте и лишь тогда, когда у него было хорошее настроение.

Сегодня же настроение у Вартанчика было прескверным. Как с утра не заладилось, так до обеда ничего и не изменилось. И

бензин дерьмовый, и погода плохая, и клиентуры нет, и все коллеги — скоты законченные, которых только кол исправит.

Через два месяца пятьдесят пять лет. Юбилей, который не отпразднуешь в гараже с корешками-соседями. Это совсем другой масштаб: надо заказывать кафе, приглашать близких и дальних родственников, резать одного или двух барашков, у Лысого Гиви заказывать вино… цават танэм, сколько денег надо, целое состояние… а у машины колеса лысые, а бензин опять подорожал, и где деньги брать совсем непонятно… и зачем жить, лучше сразу гирю на шею и с пирса в море… ваааааай…

— Барев.

Рожа, заглянувшая через открытое окно в кабину маршрутки, принадлежала местному шнырю, которого звали Лобзь, а за глаза называли Лобзик. Он непонятно чем занимался, но постоянно находился в движении, что-то где-то мутил, что-то где-то вынюхивал и тем самым зарабатывал себе на жизнь.

Все, что Вартанчик о нем знал — это то, что Лобзик перемещался на тарахтящем мотоцикле и по мелочам постукивал ментам с линейки. Это последнее обстоятельство и не позволило Вартанчику отвернуться, подняв перед этим стекло окна.

— Привет, — буркнул Вартанчик.

— Вонцес, ара?

Лобзик был кем угодно, только не армянином, однако это не мешало ему всякий раз в разговоре с армянами здороваться на их родном языке и спрашивать, как дела. Не считая ругательств, это были единственные слова, которые Лобзик смог запомнить своим маленьким мозгом, во всяком случае, еще никто и никогда не слышал, чтобы он мог поддерживать разговор.

— Тебе чего надо? — несколько грубовато осведомился Вартанчик, игнорируя все нормы вежливости.

— Ты что, не в духе, ара? Ладно, ладно… вот этого кекса видел?

Лобзик сунул под нос водителю фотографию, распечатанную на принтере. Молодой пацан, лет двадцати. Русский. Ничего особенного.

— Нет.

— Ты внимательно посмотри, ара…

— Не видел.

— Жаль. Мог бы пару тыщ баксов заработать.

Услышанное дошло до Вартанчика не сразу.

— Продолжай, ахпер, — сказал он заинтересованно.

— Серьезные люди хорошие деньги платят тому, кто этого пассажира поможет найти, — сказал Лобзик.

— А что за парень, кто он?

— Слыхал, зимой в Ростове нацисты с бомжами схлестнулись?

Когда человек тридцать в канализации полегло? Этот кадр каким-то боком к той бойне причастен. То ли скинхэд, то ли террорист, то ли все вместе.

Лобзик разжал пальцы, и фотография спланировала на колени Вартанчика.

— Если вдруг что заметишь, сразу звони.

Лобзик развернулся и направился к маршрутке, стоящей сзади.

Вартанчик еще раз посмотрел на фото, потом небрежно сунул его в журналы, лежащие стопкой на портпризе.

Две штуки, конечно же, хорошо, но шанс встретить этого пацана в городе с населением в восемьсот тысяч плюс приезжие — примерно один из миллиона.

Через десять минут после визита Лобзика маршрутка, наконец, заполнилась, и Вартанчик тронулся с места. Следующие двадцать три минуты были самыми обычными — он следовал по маршруту, по которому ездил последние шесть лет, магнитола негромко пела голосом Фрэнка Синатры, пассажиры выходили-заходили, принося Вартанчику по червончику и, как говорится, ничто не предвещало беды.

На двадцать четвертой минуте, примерно в середине маршрутного пути, «Газель» остановилась в очередной раз, на площади Ленина. Рядом рынок, оживленное место, обычно здесь текучка самая большая.

Народ покидал салон, пассажир, сидевший рядом с водителем, тоже вышел, а его место занял парень, который заставил Вартанчика убить в себе апатию и снова почувствовать вкус жизни.

Это был тот самый парень стоимостью в две штуки!

У парня с собой была небольшая спортивная сумка из тех дешевых китайских подделок, которые покупают только для того, чтобы выкинуть через несколько дней пользования. В ней лежало что-то тяжелое, возможно, оружие или даже взрывчатка.

Решение пришло очень быстро. Ни слова не говоря, Вартанчик открыл дверь и вышел из маршрутки.

Зашел за ларек, вытащил телефон, дрожащими пальцами набрал Лобзика.

— Алло! Он у меня.

— Кто? А кто это?

— Это Вартан! Слышь, Лобзь, твой пацан у меня. Ну, которого ты утром искал. В машине сидит.

— Ара, красавчик! Точно он?

— Точно, точно.

— Ты где?

— А что там с деньгами?

— Ну, ёпта, все в порядке с деньгами, получишь свои деньги… ты где?

— Две тысячи долларов?

— Конечно! Ты где?

— Я на Ленина, рядом с ЗАГСом, пацан у меня сидит в кабине.

— Жди…

— Нет! Он догадается, если долго ждать. Я поеду в сторону Нариманова, поеду медленно. Догонишь.

Закончив разговор, Вартанчик глубоко вдохнул, выдохнул, и после этого только пошел обратно к маршрутке.

Парень сидел на месте, равнодушно смотрел перед собой, ни на что не обращая внимания.

— Эй, командир, почему так долго стоим? — послышались из салона недовольные голоса.

Вартанчик завел машину и тронулся с места.

Ехал он действительно медленно, но так, чтобы не вызвать подозрений. В голове мелькали образы: вот Лобзик звонит «серьезным людям», вот те берут обещанный гонорар Вартанчика, выезжают…

Как-то очень быстро мысли переключились на гонорар. Что можно сделать с двумя тысячами долларов? Да все что угодно! Машину подлатать или «поляну» на юбилей накрыть, а можно дочке помочь, внукам подарки сделать. Еще можно окна наконец поставить из металлопла…

Засмотревшись, Вартанчик не заметил красный сигнал светофора и едва не врезался в новенький «Порш».

К счастью, тормоза сработали как надо, и «Газель» остановилась в нескольких сантиметрах от бампера, стоившего примерно месячного заработка Вартанчика. Пассажиры из тех, кто стоял, попадали с легким матерком, но это все ерунда.

Гораздо хуже, что во время торможения с портприза слетели на пол журналы. Парень, сидящий в кабине, наклонился, чтобы их поднять — и, конечно же, увидел свою фотографию.

Он повернулся, встретился взглядом с водителем, и, кажется, оба все поняли.

Прежде, чем Вартанчик успел что-то сделать, парень рванул ручку двери, выскочил на дорогу и, как пишут в сводках, скрылся в неизвестном направлении.

Унося с собой недополученный бонус в две тысячи долларов.

Первой мыслью Вартанчика было рвануть за ним, но

пятьдесят пять лет, пивной мозоль, одышка…

Бежать, чтобы рухнуть после первых десяти метров?

Светофор переключился на зеленый, «Порш» рванул вперед и через несколько секунд исчез вдали. Кляня все на свете, а больше всего себя за неуклюжесть, Вартанчик отпустил педаль сцепления и полез за телефоном.

Лобзик не отвечал на вызов, и через минуту Вартанчик понял почему: за стеклом кабины послышался приближающийся рокот мотоциклетного мотора.

Пришлось остановиться, несмотря на возмущенные возгласы пассажиров. Остановиться, выйти из машины и объяснить…

— Как убежал?! — заорал Лобзик. — Как?! Почему ты его не схватил?

— Не успел…

— Как не успел?! Ты что, тормоз?! Ты самый тупой из армян, клянусь! Пилять, почему вокруг меня одни дебилы?! Второй раз подряд, второй раз, сука…

Лобзик изрыгал проклятия около минуты, пока не выдохся. Бросив на пожилого армянина полный ненависти взгляд, Лобзик напялил шлем и прыгнул на мотоцикл. Двигатель взревел так, что еще бы чуть-чуть и в окрестных домах повылетали стекла.

Когда он умчался и Вартанчик вернулся в Газель, то обнаружил, что половина пассажиров, раздраженная постоянными внеплановыми остановками, покинула машину. Разумеется, ничего не заплатив.

Доехав до конечной, Вартанчик не стал становиться в очередь на следующий рейс, а решил отправиться домой пообедать и успокоиться.

По дороге позвонил жене, предупредил, что скоро будет, велел разогреть еды. Проезжая мимо того перекрестка, где парень выбежал из маршрутки, он снова испытал чувство разочарования от «упущенной выгоды».

Оставил машину возле стоянки, заезжать не стал. Жил Вартанчик с женой, дочерью, зятем и внуком в небольшом одноэтажном доме. Еще был сын, но много лет назад… в общем, сына у Вартанчика не было.

Дома ждал борщ, свиная отбивная, пюре, салат — все, что рождает домашний уют и поднимает настроение. К концу обеда Вартанчик даже забыл о сегодняшней неудаче.

Часок отдохнул на диване под кондиционерной прохладой, а затем направился на вечернюю смену, уже не думая о сбежавшем пацане, а размышляя о том, кого позовет на юбилей.

Сел в «Газель» и только собрался завести двигатель, как пассажирская дверь открылась, и в кабину запрыгнул…

Тот самый парень с фотографии!

Одну руку он держал в сумке, которая как-то очень нехорошо была направлена на Вартанчика.

— Рассказывай, — велел парень. — Откуда у тебя моя фотография?

Если бы не слова Лобзика, армянин ни за что не поверил бы, что севший к нему в кабину парень — опасный преступник. У него был взгляд загнанного даже не зверя, а зверька. Отчаянный, напуганный. Нет, перед ним был явно не хладнокровный убийца.

С другой стороны, какой Лобзику резон врать? Да и кто их разберет, эту нынешнюю отмороженную молодежь! Может, у него пара носков в сумке, а может, «беретта» и пара ручных гранат.

— Ты оглох? Откуда фото?

«Пристрелит ведь», — с тоской подумал Вартанчик и ответил:

— Лобзик дал.

— Кто это? Друг твой?

— Нет, нет, просто знакомый… пацан с рынка. — Вартанчик гулко сглотнул слюну и умоляюще добавил: — Не убивай, ахпер, прошу.

— Не ной. Откуда у него фотка, что он хотел? Рассказывай все, подробно и внятно.

Вартанчик стал торопливо и сбивчиво рассказывать все, что ему сказал Лобзик, — не забывая награждать последнего отнюдь не лестными эпитетами.

Выложив все, что знал, Вартанчик замолчал. Пацан некоторое время тоже молчал, затем произнес:

— Вартан Акопович Ароян, двадцать пятое мая пятидесятого года, родился в станице Брюховецкой Краснодарского края, проживает по адресу: город Краснодар, улица Цеховая, тридцать один. Женат, дочка, внук, сын погиб в две тысячи первом… пока все верно?

Вартанчик заметно напрягся.

— А откуда…

— От верблюда. Видишь, как получается: мне про тебя все известно, а тебе про меня ничего. Знаешь, что это означает? Что если ты меня сольешь, мои друзья будут знать, куда идти и с кого спрашивать.

— Слушай, ахпер, я…

— Ровно сиди! И слушай внимательно. Если со мной что-то случится, мои друзья спросят не только с тебя. Это кто, дочка с внуком?

Он кивнул на небольшую фотографию, приклеенную к приборной доске. Женщина и мальчик, дочка и внук.

Вартанчик побледнел, сорвал фотографию, судорожным

движением спрятал в карман.

— Ахпер, семью не надо… ты что…

— Не надо? А о моей семье ты подумал, когда своему Лобзику звонил? Ты знаешь, зачем меня ищут?

— Зачем?

— Чтобы убить.

— Ахпер, прошу, не знал, богом клянусь…

— Да заткнись ты! Заткнись и слушай.

Вартанчик замолчал, в душе проклиная все, из-за чего ввязался в эту историю.

Парень долгое время сидел молча, о чем-то напряженно думал.

Потом отрывисто сказал:

— Пять тысяч.

— Что?

— Я дам тебе пять штук. Не сейчас, сейчас у меня денег нет, но в течение месяца ты их получишь. Если вывезешь меня из города и к вечеру доставишь в Джубгу.

— Ахпер, я не могу…

— Слушай сюда, — парень подвинулся чуть ближе. — Час назад я связался со своими друзьями и назвал им твой адрес. Я сказал, что там живет человек, который отвечает за мою безопасность. А еще я сказал, что он поклялся своей семьей, что доставит меня в Джубгу, живым и невредимым…

— Ахпер, зачем так говорил, я же…

— Слушай, говорю! Если меня сегодня вечером не будет в Джубге, завтра они приедут сюда. Они тебя и твою семью из-под земли достанут. Это очень жестокие люди. Они не знают пощады. Поэтому помоги мне, и ты не только сохранишь жизнь себе и семье, но еще и заработаешь. Подумай хорошо, ты поможешь мне?

Вартанчик судорожно кивнул.

— Вот и хорошо. Поехали.

Вартанчик завел машину, но трогаться не спешил. Покосился на парня, потом произнес:

— Ахпер… если тебя ищут менты, мы пост не проедем.

— Надо проехать, Вартан Акопович. У тебя есть идеи, как мы это можем сделать?

Идеи у Вартанчика были, только не очень хотелось ими пользоваться. Он мотнул головой в надежде, что пацан изменит свой план и покинет маршрутку. Но тот явно не собирался нарушать свои планы.

— Надо подумать, Вартан Акопович. Я могу в салоне спрятаться.

— Проверять будут…

— А ты сделай так, чтобы не проверяли. Представь, что искать будут не менты, а фашисты, и не меня, а твоего сына… прости, не хотел… — быстро поправился он, заметив, как вздрогнул пожилой армянин. — В общем, подумай, Вартан Акопович. Подумай, как бы ты своего внука спасал, если бы его искали.

Он постоянно смотрел по сторонам — не головой вертел, а именно взглядом. Вартанчик уже видел такой бегающий взгляд и знал, что он означал. Это страх. Страх напуганного зверя, который каждую минуту ожидает чего-то опасного для себя — выстрела охотника, нападения хищника.

Напуганный зверь легко может почувствовать себя загнанным в угол. На смену страху придет отчаяние, и тогда даже самый безобидный зверек может превратиться в опасного убийцу.

— Ну, как? Надумал что-нибудь?

Водитель кивнул.

— Да. Племянник мой на посту работает. Но я не знаю, когда…

Надо позвонить…

— Ну, так звони, Вартан Акопович, звони, — парень вытащил руку из сумки, и на пару секунд поднял обе руки вверх. — Я доверил тебе свою свободу и свою жизнь. Делай все, что считаешь нужным.

Помедлив, Вартанчик полез за телефоном.

По удачному стечению обстоятельств племяш находился на работе. Вартанчик наплел ему, что едет в Джубгу по вызову, а по пути хотел бы передать для своего брата пару банок варенья, приготовленного женой. Мол, жди в гости.

За банками он сходил домой, борясь с искушением позвонить Лобзику. Не для того, чтобы заработать деньги, плевать на деньги.

Больше всего Вартанчик боялся за свою семью — и именно поэтому решил не рисковать.

Через полчаса они подъехали к посту. Парень к этому времени пересел в салон и спрятался на заднем сиденье за шторками.

На посту действительно проверяли машины — не все, правда, выборочно останавливали, заглядывали в салоны, задавали вопросы.

Дабы избежать случайной проверки, Вартанчик сам вышел из маршрутки, отдал племяшу варенье, и полюбопытствовал, кого же ищут.

— Да пацана вот этого, — племянник показал фотографию,

точно такую же, какую недавно дал ему Лобзик. — Не видели случайно, дядя Вартан?

— Нет, цават танэм. А что он натворил?

— Хакер он.

— Хакер инч эс?

— Ну, это которые компьютеры-шмопьютеры, интернет-минтернет… Аферист, короче.

— Вай!

— Он в федеральном, а опера знакомые говорят, что его еще и дашнаки ищут. Он какого-то уважаемого человека кинул через этот интернет…

Услышав про дашнаков, Вартанчик вздрогнул. Кивнул, через силу улыбнулся:

— Ясно. Ладно, поеду я, цават танэм. Брату моему привет передавай.

— Спасибо, дядя Вартан, передам обязательно.

Когда отъехали от поста, в зеркало заднего вида Вартанчик увидел, как парень пересел на сиденье в центре салона и уставился в окно.

Почти полтора часа ехали молча, а когда подъезжали к Джубге, Вартанчик не выдержал.

— Ты хакер, — то ли спросил, то ли констатировал он.

Парень поднял голову, помедлил, потом коротко ответил:

— Да.

— Ты компьютерный вор? — уточнил Вартанчик.

— Я не вор.

Вартанчик помолчал, решив не спорить, затем сказал:

— Дашнаки тебя ищут, ахпер.

— Я знаю.

— Найдут они тебя.

— Не найдут.

— Найдут. Дашнаки всегда находят тех, кого ищут. Волки, идущие по следу.

Парень, услышав эти слова, вздрогнул, покосился на водителя.

— Почему волки?

— Это их знак. Они армяне, как и я, только другие. Злые, жестокие, — чувствуя, как подрагивают руки, Вартанчик нащупал сигареты, закурил, потом продолжил: — Раньше, давно, они в Дашнакцутюн были, потом ушли. Наемники. Семьи нет, детей нет, отца-матери нет. Крови много на их руках. Очень много. Если им платят, то они будут искать, пока не найдут. И найдут. Дашнаки всегда находят тех, за кого им заплатили.

— Откуда ты это все знаешь? — спросил парень.

Вартанчик помолчал немного, затем глухо сказал:

— Сына они убили. Он одному вору в карты проиграл много и в бега подался. Мне не сказал ничего. А вор дашнаков нанял. Я когда узнал, уже поздно было, он им уже заплатил. Если дашнакам заказ сделан, его отменить нельзя. До конца жизни тебя искать будут.

Пока не найдут, не успокоятся.

Парень хмыкнул, но ничего не сказал.

— Ты не убийца, — помолчав, сказал Вартанчик. — По тебе видно. Просто ты глупость сделал однажды. Как и сын мой.

Парень поколебался, затем вытащил руку из сумки.

Вартанчик покосился на него, затем произнес:

— Я тебя до Адлера довезу. Потом до Псоу ходи, это речка такая там есть. Ее перейдешь — в Абхазии окажешься. Оттуда можно в Грузию, можно еще куда. Главное, на месте не сиди. Только…

— Только что? — спросил парень.

— Все равно тебя найдут, ахпер, — вздохнул Вартанчик и прибавил газу.

Путь до Адлера не близкий.

ГЛАВА 27
РОЖДЕНИЕ STUX

64.95.241.61, 25 мая 2005 года.

Одноразовый пароль из двенадцати символов был введен через шесть секунд после того, как на тусклом экране лэптопа появилась заставка Voice Tech S-D Security. Свободный гейт распахнул створки, впитывая данные еще одного пользователя, пожелавшего сохранить свой разговор в режиме Privacy.

Весело замерцал значок запроса соединения. Лекс двинул рукой, открывая инфо абонента, затеявшего беседу в столь поздний час.

Девственно чистый фрейм, только строчка с датой регистрации — январь 2003 года. Внизу пометка, в виде символа Синдиката, означающая, что хозяин аккаунта прошел проверку на подлинность. Короче, надежный.

«Разрешить соединение?
Да/Нет».
«Да».

— Доброго здравия тебе, чувачок.

Голос, прозвучавший в наушниках, был до отвращения искусственным. Там, на другом конце соединения пользователь даже не удосужился покопаться в настройках, оставив генерацию голоса по умолчанию.

Лекс поморщился, но все же ответил:

— Спасибо.

Короткая пауза. Видимо, подразумевалось, что Лекс проявит вежливость и пожелает что-нибудь доброе в ответ.

Черта с два. В четыре часа ночи вежливость спит и видит красивые сны, в отличие от хозяина, вынужденного торчать в сети.

— Как жизнь-здоровье, семья-дети?

— Чего тебе надо, Бад?

— Неправильная постановка вопроса. Не мне надо, а тебе.

— Хорошо, что надо мне? — устало спросил Лекс.

— Слава, богатство, власть, вечная молодость, нужное подчеркнуть.

— Свободы в списке не наблюдается? От звонков в четыре утра, например.

— Ох… Извини, чувачок, забыл посмотреть, где ты сейчас находишься. Ты что, все еще в Штатах?

— Да, все еще в Штатах.

— Насчет свободы… в нашем мире никто не может быть абсолютно свободным. Так что предлагаю тебе остановиться на богатстве, тем более что… — Бад сделал многозначительную паузу.

— Тем более что? — раздраженно спросил Лекс.

— Я слышал, ты немного поиздержался в последнее время, нет?

Странный звук, который издал голос ретранслятора, по всей видимости, был смешком.

— Хорошо, я знаю. Ты заплатил семь миллионов за контракт с дашнаками, что составляло чуть больше, чем половину всех твоих сбережений. Плюс покупка в прошлом месяце квартиры на Остоженке, плюс дизайнерский ремонт, который ты начал делать на прошлой неделе… и, конечно же, твоя вчерашняя адская серия с удвоением на черное… Не много ли расходов?

Лекс поймал себя на мысли, что очень неприятно разговаривать с человеком, который знает про тебя все, или почти все.

То, что сказал Бад, было правдой. И квартира, и ремонт, и вчерашняя пьянка, закончившаяся в казино гостиницы, где он решил проверить теорию вероятности и шесть раз подряд ставил на черное, каждый раз удваивая количество фишек.

Семь раз подряд выпало красное. Это происходило на столе с максимальными ставками, так что вечер закончился потерей почти трехсот тысяч долларов.

Но не столько жалко денег (с потерей еще вчера смирился), а сколько бесит тот факт, что об этом уже есть информация в базах Синдиката.

Лекс так и представил Бада, сидящего сейчас где-то в офисе в Москве, и лениво просматривающего страничку с информацией о Лексе. Когда и по какой цене купил квартиру, когда и сколько проиграл денег, когда и как сильно пукнул… чертовы всезнающие ублюдки.

— …Я не хочу сказать, что ты на мели, но мне кажется, что ты сейчас нуждаешься в работе.

В работе Лекс нуждался. Но не из-за денег. Точнее, не совсем из-за денег. Просто потому, что надо было чем-то заняться. Деньги? Деньги еще есть. Он их и тратил с таким ожесточением, чтобы, когда они закончились, появился хоть какой-нибудь смысл, хоть какая-то цель.

Хотя, конечно, деньги лишними не бывают, это факт. По

крайней мере, если они в достаточном количестве, можно проверять теорию вероятности.

— Ладно, давай ближе к делу, — буркнул Лекс.

— В общем, есть люди, которым нужен компьютерный вирус.

Если точнее, им нужен червь. Если быть еще точнее, им нужен червь, руткит которого будет действовать на уровне логических контроллеров. Ты понимаешь, о чем идет речь?

— Понимаю. Вирус второго поколения, — скептически хмыкнул Лекс. — Это который поражает не программы, а железо. Ты хоть представляешь, сколько времени придется работать над таким вирусом?

— Чувачок, я не знаю, второго он поколения или десятого, но я знаю главное — люди платят за это хорошие деньги, поэтому я сейчас говорю с тобой.

— Насколько хорошие?

— Думаю, сумма покроет с лихвой твои затраты на дашнаков, — Бад помолчал немного. — Кстати, и не жалко тебе было столько денег отдавать? По-моему, гораздо проще дождаться, пока твой дружок всплывет на поверхность, а затем нанять обычного киллера…

— Хочу, чтобы этот ублюдок ни одной минуты не чувствовал себя в безопасности. А что за люди заказывают червя? Какие сроки? Что этот червь должен делать?

— Погоди, погоди, чувачок. Не так быстро. Сначала мой интерес.

Десять процентов Синдикату на общак и пять лично мне. Устроит такой расклад?

— Устроит, — подтвердил Лекс.

— В таком случае завтра-послезавтра Синдикат организует тебе встречу с заказчиком, у него и выяснишь подробности. Насчет сроков и бюджета — думаю, тебе выделят около года, плюс дадут в помощь команду программистов. Тут уже — как договоришься.

— Серьезный подход.

— Более чем. Люди там тоже серьезные.

— Кто они?

— А тебе не все ли равно?

— Ну… скажем так, у меня есть подозрение, что это связано с политикой. Не очень хотелось бы иметь дело со спецслужбами.

— Чувачок, а это разве не ты написал для саудитов самообучающийся сборщик информации?

— Во-первых, не для саудитов, а для Эмира…

— А во-вторых, этой твоей программой сейчас пользуются практически все спецслужбы мира, от пакистанской разведки до

МИ-6 и Моссада. Поэтому не скромничай и не стесняйся связываться со спецслужбами, тем более что сейчас только они и платят болееменее приличные деньги.

— Значит, заказчик червя — это все-таки спецслужбы?

— Может быть, — уклончиво ответил Бад.

— Чьи? Это Россия?

— Нет, чувачок, это не Россия.

— Штаты? Китай?

— Сделай запрос в Синдикат. Думаю, десяти процентов от гонорара хватит, чтобы получить всю информацию о заказчике и успокоиться.

— Ну уж нет, — хмыкнул Лекс. — За такие деньги мне действительно все равно, кто он.

— Тогда до завтра, чувачок. На том же месте, в тот же час…

— Погоди, — остановил его Лекс. — Хотел у тебя кое-что спросить. Я знаю, что Ник недавно был в Краснодаре…

— Ник — это тот, за которым ты послал дашнаков? — уточнил Бад.

— Да. Он недавно был в Краснодаре, в детдоме, искал своих родителей, но, кажется, не нашел.

— Потому что плохо искал, — опять послышался смешок. — Надо было обращаться в Синдикат.

— У него нет денег, чтобы обращаться к вам, — произнес Лекс. — А вот у меня есть.

— Что, чувачок, тоже хочешь найти своих настоящих родителей?

— Своих — нет. А вот родителей этого ублюдка — очень хочу.

Сколько будет стоить информация о них?

— Ты хочешь, чтобы я посмотрел сейчас?

— Я, конечно, могу подождать месяц или два, — съязвил Лекс. Но лучше все же сейчас.

— Хорошо. Через пару минут скажу, во сколько тебе это обойдется.

В наушниках наступила гробовая тишина. В ожидание результата Лекс откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза.

Голос в наушниках раздался не через две минуты, а через пять.

Он был таким же механическим и бесстрастным, как и ранее, но все же Лекс почувствовал в нем некую растерянность.

— Боюсь, ты будешь разочарован, но… хотя, постой, вы же из одного…

В наушниках что-то пискнуло, на экране появилась надпись, сообщающая о том, что на той стороне сервер решил поиграть в

дисконнект.

Лекс послал запрос на новое соединение, в ответ получил сообщение о том, что пользователь «username» находится в оффлайне.

Это было достаточно странно, взгляд скользнул по списку контакт-листа.

Еще более странно было то, что все московские инфотрейдеры Синдиката находились в оффлайне. Такую картину Лекс видел впервые. Обычно из дюжины столичных торговцев информацией одновременно отсутствовать в сети могли только двое-трое человек, да и то подобное было редкостью.

Подождав еще несколько минут, Лекс собрался было уже отключаться, как Бад снова вернулся в онлайн и почти сразу же замерцал значок запроса соединения.

— Куда пропал?

— Авария на подстанции, — пояснил голос. — Потребовалось время, чтобы перейти на резервное питание. Итак…

— Ты обещал меня разочаровать, — напомнил Лекс.

— Да. В общем, чувачок, по родителям твоего друга в наших базах нет никакой информации.

— Что, вообще никакой?

— Более того, и по твоему другу нет никакой инфы, первое упоминание в шестилетнем возрасте, когда он был зарегистрирован в питерском интернате.

— Я думал, что Синдикат знает все обо всех…

— Почти все и почти обо всех. Я сейчас еще кое-что скажу, и возможно, ты удивишься. Я тут на всякий случай решил проверить информацию о тебе.

— И?

— Во-первых, судя по базе Синдиката, ты, как и твой друг, начал свое существование в шестилетнем возрасте в питерском интернате.

— Меня привезли туда из Владивостока, — сказал Лекс.

— Возможно. Только в документах указан детдом номер семьдесят четыре, а тебя там никогда не было.

— Странно… — пробормотал Лекс. — А во-вторых?

— А во-вторых… Когда я попробовал сделать развернутые запросы по вам, произошел какой-то сбой в энергосистеме.

— Что за сбой?

— Пока неизвестно. Но почти треть Москвы и Московской области сейчас сидит без электричества. Тут натурально хаос.

— Ты хочешь сказать, что это как-то связано со мной и Ником?

— Я хочу сказать только, что Синдикат вряд ли поможет вам в поисках вашего детства.

— Ну и черт с ним, с детством, — грубо бросил Лекс. — Насчет червя — встреча с заказчиком завтра?

— Завтра-послезавтра.

— Отлично. Значит, у меня еще есть время поставить на черное.

До связи.

И, не дожидаясь ответа Бада, Лекс разорвал соединение.

ГЛАВА 28
RUN, FORREST! RUN!

Россия, конец 2005 года.

Ник понимал, что водитель маршрутки был прав, когда сказал, что рано или поздно его найдут. Главное, чтобы это произошло как можно позже. Поэтому он старался не засиживаться на одном месте больше двух недель, а иногда менял место жительства уже через два-три дня.

В Абхазию он так и не попал. Испугавшись, что водитель его выдаст, Ник рванул обратно из Адлера. По побережью добрался до Геленджика, там протусил некоторое время по студенческим лагерям.

Срубил немного денег с местных ди-джеев, хакнув платный поисковик буржуйской музыки, эдакую современную вариацию Напстера.

Потом рванул в Новороссийск, где через один из privacy-форумов вышел на рейдеров, которые крутили поганку с портом. За доступ к серваку, на котором хранились файлы с какими-то финансовыми операциями, Нику заплатили наличкой десятку евро и помогли сесть на поезд по левым ксивам.

Через два дня он уже был в Казани. Здесь Ник собирался пересечься с одним из новых сетевых знакомых, обещавшим помочь с работой и уверявшим, что у них в городе все схвачено и что ни одна чужая рожа без разрешения даже квакнуть не может. Но Ника ждало разочарование — в городе шли облавы на «квартальцев», одну из самых крупных уличных банд современной Казани, и знакомый пустился в бега.

Он еле унес ноги из негостеприимного города, направившись в Нижний Новгород.

В Нижнем, а точнее, в его окрестностях, Ник пробыл до наступления холодов. Скитался по дачам и деревням, то снимая дом, то срываясь с места, почуяв на самом деле не существующую опасность. Любой более-менее крупный населенный пункт был для него опасен — там есть камеры наблюдения, а большинство этих камер (если не все) подключены к системам поиска и контролируются Синдикатом. Конечно, все эти системы недостаточно совершенны. Соблюдая элементарные нормы безопасности — не гулять под камерами, всегда носить бейсболку и солнцезащитные очки, одежду на пару размеров больше, менять обувь с разной толщиной подошв — можно не переживать за то,

что вычислят. Но разве можно расслабиться, зная, что где-то есть убийцы, которые никогда не прекратят искать тебя.

Страх заставлял бояться всего, даже собственной тени. Ник чувствовал себя на пределе. Понимал, что сможет продержаться еще совсем немного, что уже нет сил постоянно находиться в разъездах, озираться, вздрагивать при малейшем шорохе, молчать. Подобно Форресту Гампу, Ник бежал, не думая, куда это его приведет.

За последние полгода он сменил в Сети около десятка обличий, что, конечно же, сказывалось на заказах. Мало кто соглашался сотрудничать с человеком, репутация которого равна нулю. Поэтому та работа, которую ему предлагали, была не только низкооплачиваемой, но и нудной, примитивной и неинтересной.

Если бы не новороссийский червонец — впору помирать с голодухи. Впрочем, и эти деньги подходили к концу.

В конце сентября Ник переместился из Нижнего поближе к Москве. Завис в Обломово, небольшой деревушке неподалеку от Новорижского шоссе. Снял недорогой домик, благо осенью, в не сезон, цена на съем домов падала втрое, если не вчетверо.

Закупил провизию в местном ларьке и решил, что хватит с него путешествовать, пора бы и отдохнуть. Соблюдая, конечно, необходимые меры безопасности.

Хозяин дома жил по соседству. В первое время он по нескольку раз в день наведывался на участок, якобы по каким-то делам, но на самом деле присматривался к таинственному арендатору, который явно от кого-то скрывался.

Впрочем, убедившись, что новый жилец не убийца и не насильник и главное — платежеспособен, хозяин успокоился и даже презентовал Нику бутыль домашнего вина, невероятно кислого, которое невозможно было пить.

Первые дни Ник чувствовал себя как на иголках, но потом постепенно стал успокаиваться.

Это была не совсем деревня, скорее перестроенный коттеджный поселок, в котором жители хоть и знали друг друга, но общались между собой мало, предпочитая не лезть в чужие дела и рассчитывая, что соседи отплатят тем же.

Дом, в котором поселился Ник, стоял на отшибе, сразу за ним простирался большой лес. На всякий случай у черного хода наготове стоял рюкзак с продуктами и теплыми вещами. Не столько необходимое, сколько успокаивающее средство.

Шли осенние дожди, дорога в деревню чуть ли не каждый день превращалась в кашу и становилась не только непригодной для езды, но и непроходимой. Это обстоятельство создавало

эдакую иллюзию безопасности и полной изоляции от внешнего мира.

Есть продукты, есть ноутбук, есть usb-модем — что еще нужно для счастливой жизни? Ник планировал переждать зиму, заработав немного денег на удаленном доступе, а как потеплеет, заняться документами и подумать о новом убежище. Надеялся, что со временем страсти вокруг его поисков утихнут и дашнаки если не отстанут, то хотя бы будут искать его менее активно.

Но этим планам не суждено было сбыться.

В конце ноября, когда выпал первый снег, Ник сидел перед огромным, во всю стену, окном и любовался красивым видом, лениво щелкая мышкой по ссылкам и переходя с одной странички на другую. Он только что проснулся, умылся и пребывал не то что в хорошем, скорее в благодушном настроении.

Вчера он почти весь вечер вел переговоры с заказчиком, хозяином небольшого интернет-магазина, которому был нужен бот, способный уведомлять по аське о поступивших заказах. Заказ был, по сути, простым и копеечным, но хозяин, исключительно дотошный тип, задал сто миллионов пятьсот тысяч вопросов, пытаясь выяснить квалификацию Ника и убедиться в том, что тот сможет правильно выполнить работу.

В общем-то, ничего необычного — без репутации и хорошего портфолио сейчас не прожить… но уж слишком много было вопросов.

В конце концов, им удалось прийти к общему знаменателю, и сегодня с утра заказчик должен был перевести аванс.

В ожидании денег Ник шарился по сайтам. Внимание его привлекла статья на одном из хакерских форумов, с броским заголовком — «Анонимности больше нет».

Заинтересовавшись, он щелкнул по заголовку, открывая статью.

То, что он прочитал, изменило многое, в том числе и его настроение.

Автор статьи утверждал, что сейчас можно вычислить любого анонимуса, на основе какой-то чудо-программы, написанной то ли саудитами, то ли по заказу саудитов. Программа сия, многократно доработанная различными умельцами, могла собирать и хранить информацию обо всех, кто ей был интересен и кого требовалось найти.

«Представьте себе, например, следующее…» — писал автор статьи. — «Вы никогда не указывали в сети никакие личные данные.

В сети нет вашего телефона, почтового и реального адресов, ваших фото, ничего. И все же информация о вас есть. Это ваши

привычки, ваш слэнг, ваши, черт подери, смайлики. Каждое утро вы начинаете, открыв три-четыре основных сайта, с которых в первую очередь черпаете информацию — это, кстати, тоже ваши привычки. Вы оставляете комментарии в интересующих вас темах, и хотя вы залогинены под разными именами, программа отслеживает ваши интересы и создает некий образ, которому дает имя, скажем 1001100011011011. Теперь вы можете менять IP, переезжая с место на место или пользуясь анонимными прокси, вы можете тереть кукисы или вообще сменить компьютер, но вы уже в базе. И даже если со временем ваши привычки станут меняться и ваше утро будет начинаться не с Ленты.ру, а с Порно.ком, программа зафиксирует изменения и будет знать, где вы находитесь и на кого, извиняюсь, дрочите. А вместе с программой это будет знать тот, кто ей управляет — саудиты, Синдикат, федералы из управления «К»… да кто угодно. Так что, дамы и господа, анонимности больше нет. Она сдохла примерно полгода назад, или около того, когда неизвестный программист (кстати, ходят слухи, что он русский) выполнил заказ спецслужб из Эр-Рияда…»

В статье было еще много всего. Приводились примеры из жизни, шли отсылки к сборщикам информации из Синдиката Д и ему подобных ассоциаций инфотрейдеров.

Автора, естественно, затроллили — или, если сказать мягко, к его статье отнеслись скептически. Почти все читатели восприняли статью, как чушь, не имеющую под собой никаких оснований.

Кроме Ника. Он-то как раз понимал, что существование такой программы вполне реально. Можно написать все что угодно, любую программу — все зависит только от ресурсов, которые есть в распоряжении, ну и еще от желания.

Он перечитал статью дважды, чувствуя, как снова возвращается осознание того, что контракт оплачен, и убийцы все еще идут по следу, несмотря на внешнюю безопасность.

Вернулся страх.

Сколько он уже здесь? Два месяца? Даже почти три. Каждый день начинается с просмотра одних и тех же порталов — форумы, новостные ленты. Потом беседы в приватных чатах, в свежезарегистрированных аськах и скайпах с вероятными заказчиками.

Отследить все это по большому счету элементарно.

Вспомнился вчерашний разговор с заказчиком. Больше похожий на допрос или на составление анкеты. Писал ли на делфе когда-нибудь, был ли в Атриуме в Москве, читал ли Гибсона — все эти вопросы задавались не в лоб, а в процессе

беседы.

«Кстати, а ты…»

Странные вопросы для заказчика. Может, и не заказчик он вовсе?

Может, пока Ник ждет обещанных денег, в деревню уже въезжают до зубов вооруженные дашнаки?

Выдернув модем из usb-гнезда и захлопнув крышку ноута, Ник вышел во двор.

Свежий воздух подействовал отрезвляюще.

Тишина вокруг умиротворяющая. Двор покрыт нетронутым снегом, словно контрольная полоса на границе. Где-то вдалеке, на другом конце деревни из трубы одного из участков шел дым — видимо, кто-то затопил баньку.

Деревня жила своей жизнью и всем до лампочки были страхи Ника.

Я стал параноиком, подумал парень. Но с другой стороны в этом есть и плюсы, потому что…

Додумать, что там «с другой стороны» и какие плюсы в не дающих покоя страхах, Ник не успел.

Скрипнула калитка, и он вздрогнул, готовый захлопнуть дверь, схватить рюкзак и бежать через черный ход прямиком в сторону леса.

— Утро доброе! — послышался знакомый голос хозяина. — С первым снегом, стало быть!

— И вас так же, — пробормотал Ник.

— Как спалось?

— Нормально, как обычно.

— А я вот смотрю, снег выпал, так жинке сразу и говорю, пойду нашего гостя по этому поводу винцом домашним угощу. Презент, так сказать, со всем уважением.

Чтобы не обижать хозяина, вино пришлось принять, а потом еще постоять на улице, покурить вместе с ним. Ник даже сделал героический поступок, пригласив его на чай, но к счастью, хозяин торопился, и времени у него было только на одну сигарету.

— Не могу, то ж дел-то у меня сегодня — завались. Надысь лампочка перегорела во втором доме, а потолки высокие. Лестницу надобно, а она, зараза, новая сломалась, а старая в сарае хламом заставлена, и шоб достать, то целое дело…

У болтливого хозяина тут было три или четыре дома. В одном жил сам с женой, остальные сдавал в наем — на выходные, или как для Ника, на долгий период.

— Что, отдыхающие приехали? — спросил Ник, пытаясь поддержать разговор.

— Да, то ж вчера приезжал один, ага, армян какой-то. Хочет

на пару недель дом снять, вот чего-то там ходил, смотрел, расспрашивал, кто где живет, соседи у кого какие. У Федьки Рыжего был, у Санька Чубатого, но чой-то не понравилось ему, ко мне пришел…

— Армянин? — насторожился Ник.

— Да я знаю, чи шо, кто он там, армян, или грузин, все они одним миром мазаны. Кто у вас тут, говорит, живет — бандитов нету?

Я говорю, нету тут никаких бандитов, одни профессора, да вот компьютерщики по соседству. Сегодня, сказал, приедет, чи с женой, чи с любовницей, дом смотреть будет… вот я ж лампочку-то и вкручу, чтобы все как у людей было. Ну, все, побег я, а ты вино пей, хорошее.

Не то, что в прошлый раз давал, то вишневое было, с кислинкой, а это сливовое, послаще будет.

Хлопнула калитка. Через секунду хлопнула входная дверь.

Еще через полчаса отворилась дверь черного хода, Ник вышел на крыльцо, с рюкзаком за спиной. Последний раз окинул взглядом двор, вздохнул, затем вышел со двора.

Может армянин, может грузин, а может осведомитель дашнаков.

Можно, конечно, остаться и проверить, с кем этот армянин приедет — с любовницей или со сворой террористов и убийц. Только вот не было никакого желания устраивать такую проверку.

Примерно через полтора часа, в обход через лес, Ник вышел на трассу Новорижского шоссе и вскинул руку, подавая условный знак автостопщика. Еще через пятнадцать минут его подобрал дальнобойщик на двадцатитонной «Скании».

— Куда тебе? — спросил он, когда Ник забрался в кабину.

— А вы куда едете? — спросил Ник.

— Я-то? В Карелию еду. По пути?

— Да, — кивнул Ник. — В Карелию по пути. Как раз туда и надо.

ГЛАВА 29
JINGLE BELLS

Москва, 31 декабря 2005 года.

— Джингл беллс, джингл беллс, джингл олл зе вей…

Все знают слова этой песенки. Но Митя не знал. Поэтому, спускаясь по лестнице, невесело напевал под нос следующее:

— Джимми бэмс, Джимми бэмс, Джимми естудей…

Услышав такое впервые, можно было бы подумать, что песня лишена всякого смысла. На самом деле смысл был, во всяком случае, для Мити.

Джимми (главный герой песенки, по мнению Мити) был тем самым Джиммом из мультфильма «Остров сокровищ». «Бэмс» означало, что этот Джимми стукнулся обо что-то головой или коленкой, и только что такое «естудей», Митя не знал, хотя дома мама часто включала эту песню. Однажды, Митя спросил у нее, что означает это слово, но мама не ответила, а только заплакала и прижала Митю к груди. Ну, а так как больше спросить об этом было не у кого, Митя пребывал в неведении.

— Джимми бэмс, Джимми бэмс, Джимми естудей…

Ему не очень-то хотелось идти на улицу. Ещё бы! По телевизору куча всяких интересных мультиков, на кухне мама готовит вкусности и можно совмещать просмотр с их поеданием, что является почти пределом наслаждения. Но… к маме пришел один из ее знакомых, дядя Валера, и мама велела Мите одеваться и идти «часик погулять».

Дядя Валера из всех маминых знакомых самый неприятный.

Всегда старается обнять или ущипнуть ее, совершенно не стесняясь Мити, еще может запросто пройти в грязной обуви на кухню или даже в зал, а один раз раздавил Мите пожарную машинку, пообещал купить новую, и, конечно же, не купил.

Дело вовсе не в машинке, хотя и в ней тоже. Просто сегодня такой день, который бывает только раз в году, но когда Митя попробовал об этом заикнуться, мама стала говорить о том, что мясо подорожало, квартплата снова поднялась, Мите на весну надо покупать обувь, ну и все такое. Получалось, что Митя даже должен был радоваться тому, что к ним в гости пришел дядя Валера, хотя ничего радостного в этом событии не было. Пришел, пьяный, торопится, Митю побыстрее выставить за дверь спешит… урод.

— Джимми бэмс, Джимми бэмс, Джимми естудей…

Путь с пятого этажа до первого неблизкий, если ступать на каждую ступеньку. Можно, конечно, перепрыгивать, но тогда получится слишком быстро, а спешить на улицу Митя не хотел. Там холодно, а еще может встретиться Левка из дома напротив, тогда точно неприятностей не избежать. Левка — козел почище дяди Валеры, это факт. Дядя Валера хоть не дерется, а этот…

— Джимми бэмс, Джимми бэмс…

Возле окна на площадке между третьим и вторым этажом стоял незнакомый человек. Заметив его, Митя остановился и с удивлением уставился на незнакомца. С удивлением — потому что его облик никак не вязался с обликом подъезда, в котором он находился.

Этот тип был молодым, во всяком случае, моложе дяди Валеры, и может даже моложе мамы. Он был очень богато одет — дорогое пальто, лакированные туфли, шляпа, в руке открытая бутылка, да не обычная из-под водки, а какая-то фигурная, местами квадратная, местами круглая. Жидкость в ней была цвета виноградного сока, но, судя по выражению лица незнакомца, там был не сок, а какой-то более крепкий напиток.

Тип смотрел в окно, но когда за его спиной появился Митя, обернулся, смерил взглядом мальчика и сказал:

— Джингл беллс.

— Что? — переспросил Митя.

— Джингл беллс. Ты неправильно поешь. Хотя для этой идиотской песенки в самый раз.

— Почему идиотской? — спросил Митя.

— Потому что бикос, — буркнул тип и сделал глоток из своей бутылки, после чего протянул ее Мите. — Будешь?

— А что это?

— Виски.

— Неа, — мотнул головой Митя. — Мне нельзя, мне только шесть лет.

— Ну тогда пошел вон, — лениво бросил тип и отвернулся к окну.

Через несколько секунд он развернулся обратно, убедившись, что мальчик не сдвинулся с места. — Ты что, оглох? Давай, иди куда шел.

— А я, может, сюда шел, — сказал Митя, и в доказательство своих слов уселся на ступеньку.

Тип посмотрел на него, хмыкнул, хотел что-то сказать, но передумал и снова отвернулся к окну.

Митя молча рассматривал его спину, вскоре ему это надоело, и он спросил:

— А что такое бикос?

— Самый лучший ответ на вопрос «почему?».

— Так ведь «почему» бывают разные, — подумав, сказал Митя.

— Это универсальный ответ. Вот у тебя кто-нибудь спросит, почему деревья качаются, или почему ты сидишь на ступеньках, а ты можешь ответить «потому что бикос».

Он сделал еще глоток из своей бутылки, потом поставил ее на подоконник, развернулся к Мите и закурил сигарету.

— Ты тут живешь?

— Ага, — кивнул Митя.

— Хреново тебе, — хмыкнул тип, рассматривая стены, много лет не знавшие ремонта.

— Поче… му? — Митя запнулся, подозревая, каким будет ответ на его вопрос, но он ошибся.

— Тебя как зовут, пацан?

— Митя.

— Так вот, Митя, живешь ты в самом настоящем сарае, поэтому тебе и хреново.

Митя пожал плечами, поскольку не чувствовал, что ему хреново.

— А тебя как зовут?

— Меня… — тип задумался на несколько секунд, потом ответил. — Меня зовут Лекс.

— Как это? — не понял Митя, который такое имя слышал впервые. — Ты не русский?

— Почему же, русский. Алексей мое имя, а сокращенно Лекс. Понял?

Митя кивнул.

— А что ты тут делаешь? В гости пришел?

— Сюда, в гости? — Лекс презрительно хмыкнул. — Ну, нет уж.

К счастью, мои друзья в сараях не живут. Я здесь прячусь.

— От кого?

— А это не твое дело. Знаешь поговорку, меньше знаешь — дольше живешь?

Он сделал еще глоток виски, глубоко затянулся и пустил дым в по толок.

— Я думал, в Москве хрущёб уже и нет давно, а оказалось, что есть, — сказал он задумчиво.

— Что такое хрущёба? — спросил Митя.

— Пятиэтажный сарай, — ответил Лекс и обвел вокруг рукой. — Вот это и есть хрущёба. Ни лифта, ни мусоропровода, так, одна коробка с перегородками.

Он был пьян. Несильно, но язык все же слегка заплетался.

— Короче, хрущёба — это конура для таких, как ты и твои соседи.

Ясно?

Слово «хрущёба» Мите определенно не понравилось.

— А где живут твои друзья? — спросил он.

— Мои дру… — Лекс неожиданно осекся, лицо его помрачнело.

Он над чем-то задумался, сделал большой глоток из своей бутылки, потом грустно усмехнулся. — Мои друзья нигде не живут. Нет у меня друзей. Такие дела.

Митя впервые в жизни видел взрослого, у которого не было друзей, поэтому удивленно посмотрел на Лекса. Потом печально сказал:

— У меня тоже нет друзей.

— А что ж так?

Митя пожал плечами. Не очень хотелось ему рассказывать про Левку и его компанию, которые сначала назывались друзьями, а потом, прознав что у Мити нет отца, стали дразнить его обидным прозвищем «сиротка», и превратились в смертельных врагов.

— Но, я тебе скажу, это не так уж и плохо, — заметил Лекс. — Даже больше скажу, это хорошо, что нет друзей. Знаешь, почему?

— Потому что бикос? — предположил Митя.

— Потому что предать тебя могут только друзья, — жестко ответил Лекс. — Если перед тобой враг, ты никогда не повернешься к нему спиной, а всегда будешь готов вступить с ним в бой. А друг — друг это единственный, у кого есть возможность всадить тебе в спину нож, когда ты этого совсем не будешь ожидать. Поэтому лучше, когда друзей нет, понял?

Представив, как кто-то вроде Левки всаживает ему в спину нож, Митя поежился. Если так, то конечно, лучше, чтобы друзей не было.

Только вот…

— Только играть тогда не с кем.

— Собаку заведи, — посоветовал Лекс. — Собака никогда не предаст.

— Мне собаку нельзя, — вздохнул Митя. — У меня аллергия.

— Ну, тогда у тебя вообще не жизнь, а жопа. В конуре живешь, собаку нельзя… тебе осталось только об стену убиться.

Он затушил окурок и через несколько секунд закурил новую сигарету.

— У тебя братья есть?

— Неа, — мотнул головой Митя.

— У меня был брат. Брат, друг, короче всё вместе. Однажды он меня предал.

— Всадил в спину нож? — спросил Митя.

— Ну… почти что. Скажем так, мы с ним договорились кое-что не делать, а он это начал делать втихаря от меня.

Лекс сделал еще один глоток, вытер губы рукавом пальто, и продолжил:

— Так получилось, что сначала он предал меня, потом я его, потом снова он меня… ну и как снежный ком… пока наконец он не перешел черту…

— Как это — перешел черту?

— Ну, это когда мы обзываемся друг на друга, а потом кто-то из нас берет камень и кидает в другого. Друзьями к этому моменту мы уже не были, но после того как эта тварь уничтожила все, что у меня было… мы стали врагами. Тогда я и понял, что лучше быть одному. Некому предавать.

— Это от него ты тут прячешься?

— Что? Нет, — Лекс засмеялся. — Это он от меня прячется, уже год, как крыса, бегает по норам, боясь лишний раз высунуться.

А я здесь прячусь от… от системы. Видишь ли, я сейчас работаю на людей, которые хотят контролировать каждый мой шаг каждую минуту. А мне такой контроль не по душе. Поэтому я приехал в эту жопу мира и стою здесь, хочу понять, как быстро они меня найдут.

Чтобы в следующий раз, когда спрячусь, знать, сколько у меня есть времени.

— А если не найдут?

— Найдут. К сожалению, найдут. Наследил я в этот раз предостаточно.

Лекс внезапно замолчал — на лестнице послышались шаги. Они доносились сверху и быстро приближались. Митя поднял голову и увидел спускавшегося по лестнице дядю Валеру.

— Расселся тут, не проедешь-не пройдешь, — пьяно проворчал он, подойдя поближе. — Дуй домой, мамашка твоя уже освободилась. Я сегодня по-быстренькому…

И ухмыльнулся так довольно, сыто.

— Ну? Ты чего, не слышал, что я сказал? Домой иди…

— Не хочу, — буркнул Митя.

— Чего? Я сказал, домой быстро!

— Когда захочу, тогда и пойду. Вы мне не отец.

— Я тебе щас уши…

— Оставь его, слышь, ты! Мы разговариваем.

Вмешавшийся в диалог Лекс был настроен отнюдь не

миролюбиво и дядя Валера это почувствовал. Решив не обострять ситуацию, но и не желая терять авторитет перед пацаном, он произнес:

— Это наши с ним дела и попрошу не вмешиваться…

— Я тебе башку разобью, козел, если еще раз меня о чем-то попросишь, понял? — Лекс перехватил бутылку так, что его намерения не могли быть истолкованы превратно. — Пошел вон отсюда, ублюдок. Ну? Я два раза повторять не стану…

— Я не понял…

— Еще хоть одно слово скажешь, клянусь, я тебя прямо тут отоварю, — голос Лекса дрожал от ненависти, и мужчина это почувствовал.

Не говоря больше ни слова, он бочком спустился с лестницы, осторожно обошел Лекса и стал торопливо спускаться вниз.

Лекс и Митя молча ждали, пока он спустится на первый этаж. Когда внизу хлопнула дверь, Лекс выглянул в окно, убедился, что мужик вышел из подъезда, потом спросил:

— Это что за чучело было?

— К мамке ходит.

— Друг семьи, что ли?

— Дурак он. Другие тоже к мамке ходят, но они нормальные, а этот дурак.

Лекс посмотрел на него задумчиво, потом спросил:

— А другие когда к мамке приходят, ты тоже в подъезде сидишь?

— На улицу тоже хожу. Только там Левка, дерется…

Что-то за окном привлекло внимание Лекса. Он присмотрелся и пробормотал:

— А вот и система…

Повернулся к Мите, о чем-то подумал, затем сунул руки в карманы, порылся, вытащил на свет две кучи смятых денег. Разных — и русских разноцветных, и иностранных, серо-зеленых. Все это богатство бросил на колени Мити, и быстро произнес:

— Домой иди. Никому не говори, что видел меня. Понял? Быстрее, а то отберут.

Митя вскочил, деньги рассыпались, он стал их торопливо собирать и распихивать по карманам.

Внизу хлопнула дверь подъезда.

— Давай, быстрее! — Лекс помог собрать ему деньги, подтолкнул наверх, сам же направился вниз.

Когда Митя поднялся этажом выше, то услышал мужской голос:

— Алексей Алексеевич, ну что же вы… телефон выбросили, сами уехали неизвестно куда… мы волновались.

— По камере у банка нашли, да? — донесся до Мити голос его недавнего собеседника.

— И по камере у банка, и по той, что на остановке, и через спутник… вы, позвольте спросить, что здесь делали?

— Встречался с резидентом иранской разведки.

Голоса удалялись, и Митя затаил дыхание, чтобы услышать продолжение разговора.

— Ох, и злые у вас шутки, Алексей Алексеевич. Вынуждаете меня рапорт составлять.

— Можно подумать, иначе вы бы его не составили… достали… наблюдением… свободы хоть глоток… хоть в новый год…

Дверь подъезда хлопнула, и наступила тишина.

Митя постоял еще с минуту, затем сунул руки в карманы куртки, нащупал купюры и, представляя, как сейчас обрадует маму, направился домой, весело напевая:

— Джимми бэмс, Джимми бэмс, Джимми естудей!

До нового года оставалось каких-то несколько часов.

ГЛАВА 30
ТВЕРСКАЯ, 8 Б

Санкт-Петербург, 14 февраля 2006 год.

— Добрый вечер, дамы и господа, с вами Артем «дядя-из-Саратова» Калашников и сегодня на волнах нашей радиостанции «Питер ФМ» только самая романтичная музыка для всех влюбленных.

Но сперва, по традиции, передаю приветы, которые пришли в наш чат к этому часу. Надежда передает привет своему любимому мужу Олегу и желает ему в этот день…

Четырнадцатое февраля.

Улыбочки, цветочки, открыточки и пупсички… Как сообщает энциклопедия, это праздник покровителя всех влюбленных, новобрачных и эпилептиков. В этот день принято дарить противоположному полу всякую бесполезную хрень в форме сердечек, признаваться в любви, создавать для своих любимых романтические вечера со свечами и шампанским, и еще много чего.

Но вот что не принято делать в этот день, впрочем, как и в любой другой — лежать на холодном бетонном полу, между грязных досок, промасленных тряпок и воняющих бензином бочек. Лежать, вжимаясь в этот самый пол, затаив дыхание, и молиться, чтобы временно остановилось сердце, так как его биение может привлечь внимание.

Ноги в меховых сапогах всего в нескольких метрах от лица Ника.

Только бы не заметил, только бы не услышал, только бы не обратил внимание…

Если бы этот человек заподозрил, что Ник прячется под грудой поддонов, то обязательно выстрелил бы туда из калаша, висящего у него на плече. Но он думает, что Ник сбежал, и сейчас находится где угодно, только не на этой чертовой станции.

— У нас впереди еще много времени, вас ожидают поздравления, конкурсы и подарки, ну, а сейчас, для всех, кто любит, звучит Марайя Кэрри, с ее новой композицией под названием «We belong together»…

Радио играет в такси. Двери у машины открыты, а хозяин машины лежит на полу с другой стороны. Разница между ним и Ником только в том, что в груди у таксиста примерно половина обоймы автомата. А так — оба лежат, не издавая ни звука.

Таксист сам виноват, ублюдок. Хотел срубить легких денег, а в итоге получил то, что и заслуживал. Правда, Нику от этого не легче. Если его найдут, то отправят вслед за таксистом.

Нику повезло дважды. Сперва, когда таксист, торгуясь по телефону, неосмотрительно отвернулся, подставив затылок под удар гаечным ключом. А потом, когда сторож увидел какого-то пацана, убегающего от станции. Примерно в то время, когда ее должен был покинуть Ник. Поэтому приехавший через несколько минут человек в меховых унтах не стал обыскивать помещение, а вместо этого позвонил кому-то и велел прочесать прилегающие улицы, проверить подъезды, беседки, подвалы. Ну и заодно пристрелил таксиста, который, придя в себя после удара ключом, стал зачем-то просить и даже требовать деньги.

Нос чешется. Рука совсем рядом, но чтобы почесать, надо чутьчуть пошевелиться, а это опасно. Остается только стиснуть зубы, терпеть и ждать.

У хозяина меховых унт зазвонил телефон.

— Алло. Да. Нет, я на станции. Сбежал, ищем. Хорошо, сейчас приеду. Пришли сюда ребят, прибраться надо. Один двухсотый.

Скажи, чтобы поторопились. Да, выезжаю.

Ноги в унтах прошлись взад-вперед. Их хозяин что-то высматривал, и сердце Ника сжалось от отчаянного страха.

Пронесло. Ноги развернулись, и направились к выходу. Ник еле сдержался, чтобы не вздохнуть от облегчения.

— Дорогие мои влюбленные, это снова я, ваш «дядя-из-Саратова» Артем Калашников, и сегодня на волнах «Питер-ФМ» у нас целое море призов, которые мы начнем разыгрывать прямо сейчас…

У входа заурчал двигатель автомобиля, на котором приехал человек в унтах. Очевидно, он уезжал.

Ник понимал, что если он хочет покинуть своё укрытие, лучше это сделать сейчас. Когда сюда приедут те, кто будет «прибираться», они неминуемо обнаружат спрятавшегося парня. Поэтому он осторожно пошевелился, а затем начал отползать назад, пока ноги не уперлись в стенку.

Сел на корточки в темном углу и прижался к стене, переводя дух.

Сейчас самое сложное — надо покинуть бокс, в котором он находился, а для этого придется преодолеть почти двадцать метров хорошо освещенного помещения.

Бежать без оглядки, рассчитывая на скорость? Или максимально осторожно красться вдоль стены?

По выходу из бокса направо или налево?

А потом куда?

Он ведь даже не знает, где эта чертова станция находится — может, в центре, а может, вообще где-то за городом. Таксист-ублюдок, перед тем, как сюда привезти, вырубил Ника тряпкой, смоченной какой-то эфироподобной дрянью. Если бы не его запредельная жадность, граничащая с непроходимой тупостью, плыл бы сейчас Ник по водам Стикса в лодке Харона.

— И два билета на премьеру замечательного фильма «Большая любовь» с Михаилом Пореченковым в главной роли получает… получает… получает… пользователь Ромашов Андрей, первым правильно назвавший имена оператора и композитора фильма! Па-баба-бам-бам-бам!

В колонках такси весело загремели фанфары, исполняя какую-то победную какофонию. Решившись, Ник вскочил с места и со всей мочи рванул к выходу, стараясь не смотреть в сторону машины и ее водителя.

Выскочил из дверей бокса и сразу же прыгнул направо, прячась за колонной.

Время позднее, на станции вряд ли кто-то есть, кроме сторожа, который может оказаться где угодно.

Ровно секунды хватило, чтобы осмотреться, после чего Ник, держась в тени здания, стал пробираться к забору.

Как бы на сторожа не нарваться? Только бы здесь собак не было.

По мусорным бакам, через забор, а там в кусты. Голые ветки — не бог весть какое укрытие, но благо уже вечер и фонарей поблизости нет.

Отдышался несколько секунд, затем, держась в тени забора, побежал дальше, сворачивая в темные переулки, ныряя в дворы-колодцы.

Бежал без цели. Да и куда бежать, если всюду ловушки. На прошлой неделе сунулся было в интернат к Магарычу, так еще на подходе нарвался на засаду, едва ноги унес. Хотел слинять, как несколько лет назад, с таксистом, но в этот раз вместо Москвы его привезли на СТО, принадлежащую бандитам.

Не надо было в Питер ехать. Надо было… а куда надо было?

На новый год он был в Калининграде, там впервые увидел дашнаков.

Точнее, одного из них. К счастью, дашнак его не заметил, а так бы и никакого Питера не было, и таксиста-предателя, и СТО. Повезло, причем случайно.

Сколько тех случайностей было, которые позволили смерть избежать — не счесть. Предчувствие, интуиция, а иногда и просто ложная паника — главное, что он жив. Хотя такая жизнь, в вечном беге…

— Эй! Эй, слышь, постой!

Только Ник перешел с бега на быструю ходьбу, чтобы немного отдышаться и прийти в себя, как сзади послышался окрик.

Он обернулся и заметил, как от стены отделились две, или три тени, и двинулись к нему.

Размышлять, кто эти люди и чего они хотят, было бы непростительной глупостью. Ни секунды не раздумывая, Ник побежал вперед.

— Стоять, сука! Стоять!

К голосам добавился топот ботинок.

Да что ж это, весь город что ли, на дашнаков работает?

Вся страна?

Воздух с хрипом вырывается из легких. Силы бежать пока есть, но надолго ли их хватит? А если впереди тупик, тогда хана, без вариантов.

Впереди показались решетчатые ворота. К счастью, открытые.

Выскочив в них, Ник оказался на достаточно многолюдной улице.

Впрочем, наличие людей никак не могло спасти его. Толку-то? Скрутят на глазах у всех и отволокут куда-нибудь вроде станции техобслуживания, а потом будут дожидаться дашнаков, которые наверняка обещали кругленькую сумму за него.

Расталкивая людей и не обращая внимания на возмущенные окрики, Ник продолжал бежать. Но, может, пора остановиться и принять бой? Какой смысл продолжать бегство? Обложили со всех сторон и единственное, что остается в этой ситуации, это попытаться перед смертью зацепить хотя бы одного, а лучше парочку гадов.

Пробегая мимо одного из домов, Ник — скорее случайно, чем осмысленно — бросил взгляд на табличку на углу.

Улица Тверская, 14.

Тверская, Тверская…

> «Запомни адрес, Тверская, 8 Б».
> «Нет там ничего, в аренду здание сдается».
> «Через два года приди по этому адресу».
> «Тверская, 8 Б, не забудь».

Все это всплыло в мозгу в течение одной секунды.

Следующее здание — Тверская, 12.

10.

8 А.

8 Б.

Стеклянная дверь, табличка с какой-то надписью у входа. Ник

остановился, теряя драгоценные секунды, рванул дверь. Открыта.

Ну и плевать, чем черт не шутит.

Забегая внутрь, прямо на входе он столкнулся с охранником.

— Стойте, сюда нельзя…

Оттолкнув охранника, Ник попытался перепрыгнуть через турникет, но зацепился ногой за одну из перекладин и рухнул на мраморный пол, больно ударившись коленкой. Вскрикнул, хватаясь за ногу. Охранник бросился к нему, в это время дверь распахнулась, в холл ввалилось три тела.

Только теперь Ник смог рассмотреть их. Уличные стервятники.

Три быдленка неопределенного возраста, насквозь пропитанные паленой водкой и ягой. У одного в руке как раз и была банка этого адского коктейля — черного цвета с красными буквами. Не выбросил во время погони, пожалел, так с банкой и бежал.

У второго в руках ничего не было, а третий держал арматурину, заметив которую, охранник нахмурился и демонстративно взялся за дубинку.

— Слышь, мужик, не лезь в чужие дела, — предупредил тот, что с арматуриной.

— Покиньте помещение, немедленно.

— Покинем, мужик, покинем. Только этого пассажира заберем с собой, ладно?

«Пассажир» же, пока шел этот диалог, успел осмотреться.

Странное это было место. Холл с одной единственной дверью, — входной — возле которой обычный письменный стол, а на нём — старенький переносной радиоприёмник — рабочее место охранника.

Никаких больше дверей, лестниц и проходов, три глухие стены, на одной надпись под потолком крупными буквами.

ЧТО ЕСТЬ НАСТОЯЩЕЕ?

— А может, мне лучше милицию вызвать? — напряженно спросил охранник.

— Да хоть полицию, — неожиданно легко согласился быдленок с арматуриной. — Этот козел мою сестру избил, и стекла у нее в ларьке побил. Мы его по-любому в ментовку сдадим.

— Да враньё всё это! — крикнул Ник. — Они меня убить хотят!

— Ага, щас, — хмыкнул быдленок. — Еще сидеть за тебя, козла.

И, подмигнув охраннику, добавил:

— Убивать не будем, но попинаем немного за сестру,

стопудняк.

Охранник усмехнулся и шагнул чуть в сторону, открывая путь к жертве.

— Врут они, не было никакой сестры! — закричал Ник, отползая назад. — Они меня наемным убийцам сдать хотят…

— Ну-ну, — кивнул быдленок.

— Лучше заткнись, — спокойно посоветовал тот, что был с ягой.

— Умей отвечать за свои дела.

Они уже почти окружили парня, лежащего на полу.

— Вызовите милицию! — в отчаянии закричал Ник. — Они же убьют меня!

Охранник равнодушно отвернулся. И, когда преследователи подошли почти вплотную к Нику, он сделал то, что на первый взгляд не имело никакого смысла.

Бросив еще один взгляд на надпись на стене, он заорал:

— Настоящее определяется будущим и создает прошлое!

Он сам не знал, чего хотел добиться выкрикиванием этой фразы. Скорее всего, это была реакция из разряда «ткну наугад, просто чтобы что-то сделать». А может, сработало подсознание.

Но случилось то, чего он совершенно не ожидал. Услышав его крик, охранник резко развернулся, одновременно вытаскивая из-за пояса дубинку.

Теперь это был не благодушный мужичок в камуфляже, просиживающий сутками задницу на одном месте и сходивший с ума от безделья. Ему на смену пришел решительный и целеустремленный боец.

— Назад! — рявкнул он.

Быдлята, удивленные столь неожиданной переменой в охраннике, резко развернулись:

— Слышь, мужик…

— Вы трое, покиньте помещение!

— Чего?

— Убирайтесь отсюда! Вон! Быстро!

Компания недовольно переглянулась. Тот, что был с арматуриной, двинулся вперед с явным намерением использовать свое оружие.

Это была его ошибка, причем катастрофическая. Охранник не стал ждать, пока быдленок примет удобную стойку и размахнется — атаковал первым. Молча, без лишних предупреждений ударил дубинкой сначала по руке (локоть, хруст), затем по ноге (колено, хруст), а когда противник, выронив прут, рухнул на пол, он нанес третий удар — по шее (чуть слабее, без хруста) — и все это в течение пары секунд.

Хозяин арматурины лежал на полу, не подавая признаков жизни.

Его подельники переглянулись, но повторять судьбу своего дружка не решились.

— Забирайте его и убирайтесь, — повторил охранник.

Подхватив подмышки своего отключенного товарища, быдлята поволокли его к выходу. Уже у самой двери тот, что был с ягой, бросил на Ника полный ненависти взгляд и произнес:

— Мы еще вернемся. А ты отсюда хер куда выйдешь, я тебе отвечаю.

Ник ничего не ответил.

Когда его преследователи вышли из здания, он поднялся с пола и вопросительно посмотрел на охранника.

— Добро пожаловать, — произнес он благодушным тоном. — Проходите, вас ждут. Второй этаж, кабинет два ноль.

И показал куда-то рукой.

Ник повернулся — там, где только что была глухая стена со странной надписью, теперь находился проем, в котором виднелась лестница с деревянными перилами.

— Берегите себя, любите друг друга. С вами был Артем «дядя-изСаратова» Калашников, «Питер ФМ» и программа «Все обо всем», а сейчас на наших волнах Катя Чехова, с ее киберкомпозицией «Таю».

Ник поднимался по лестнице, когда зазвучали первые аккорды песни, которую когда-то так любил напевать Лекс.

— Мне бы по твоим пройти улицам, мне бы утонуть в твоем море, мне бы в твоем небе стать облаком, но мне неизвестны твои пароли…

ГЛАВА 31
ТВЕРСКАЯ, 8 Б, V2.0

Питер, 14 февраля 2006 года.

Ник поднялся на второй этаж. На лестничную площадку выходила всего одна дверь, на которой красовалась табличка с двумя цифрами:

2.0

Ник толкнул дверь и вошел внутрь.

Обстановка оказалась на удивление скромной: стол, два стула и пустой шкаф, похожий на медицинский. Вокруг единственного окна желтели ошмётки строительной пены. На стенах — дешёвые обои, а на полу пузырился грязновато-красный линолеум.

За столом, перед ноутбуком, сидел уже знакомый Нику студент.

Заметив гостя, он улыбнулся, кивнул и указал на свободный стул:

— Присаживайся.

Стоило Нику опуститься на стул, как тот угрожающе заскрипел, но, к счастью, не развалился. Какой-то бомжатник, а не офис в центре Питера!

— Кто ты такой? — спросил Ник.

Парень пожал плечами:

— Не знаю. От тебя зависит.

— В каком смысле?

— Ну, в смысле, от твоего восприятия. Я могу быть другом или врагом, спасителем или губителем, марионеткой или кукловодом…

— Ты — Коля, верно? — перебил Ник.

— Нет, я Паша, его брат, — весело ответил парень и добавил: — Коля по четным числам тут сидит, а я по нечетным.

— И что вы… — Ник осекся. — Так сегодня же четное число.

— Верно! — снова улыбнулся Паша. — Но сегодня второй вторник второго месяца, поэтому вместо Коли — я.

— Понятно, — пробормотал Ник, хотя так ничего и не понял. — Твой брат… мы с ним виделись пару раз…

— Больше, — заметил Паша. — Впрочем, это не важно, продолжай.

— Так вот, он сказал мне прийти по этому адресу.

— Я знаю. И очень рад, что ты здесь.

Паша действительно выглядел очень радостным и доброжелательным. В его глазах светился щенячий восторг.

Однако Ник его радости не разделял. Он думал о том, что происходит на улице: «А вдруг, здание уже окружено? Сюда же могут ворваться в любую минуту!»

— И зачем я здесь? — полюбопытствовал Ник.

— Ты же ищешь работу… а нам с братом как раз нужны люди. Может, посотрудничаем?

Все это больше походило на фарс, чем на серьезный разговор.

Паша лучился позитивом, нес какую-то ахинею и вызывал у Ника одно желание — нецензурно выругаться.

— А что нужно делать?

— Что хочешь, — ответил Паша. — Что тебе больше всего нравится, тем и будешь заниматься, нам все равно.

— Я орешки люблю раскладывать, — сказал Ник, — На столе.

— Не вопрос. Только уточни, какие орехи, какой стол, ну и вообще, что тебе для этого понадобится.

Он, видимо, издевался. Или…

Ну конечно! Тянет время, сволочь. И у него это неплохо получается.

А если еще есть время и есть шанс, чтобы слинять? Может быть, в здании есть черный ход, или чердак, или подвал, и охранник может помочь.

— Я подумаю, — сказал Ник и поднялся. — Как-нибудь в следующий раз зайду…

Он двинулся к двери, в спину ему долетело:

— Ник, если ты сейчас уйдешь, то другой возможности у тебя не будет. Так что не спеши.

Ник вздрогнул, развернулся и секунду помедлив, спросил:

— Откуда ты знаешь, как меня зовут?

— Нууу… — разочарованно протянул Паша. — Здрасьте-приехали. Ты сам мне сказал…

— Я не говорил.

— Говорил.

— Нет, не говорил.

— Нет, говорил. Но дело не в этом, а в том, что дашнаки уже приехали и ждут тебя внизу. Вот, посмотри.

Паша развернул ноутбук. Ник неуверенно шагнул к столу.

Камера, с которой велась трансляция, по всей видимости, находилась прямо над входом в здание.

На мониторе было видно, как возле самого входа остановился черный минивэн, из которого вышло несколько человек. К ним тут же подбежали трое уже знакомых Нику быдлятников и стали что-то говорить, показывая на здание.

Дашнаки почему-то не спешили идти в указанном направлении, стояли возле машины. Один, что-то сказав, взмахнул рукой, и быдлятников как ветром сдуло.

Ник снова посмотрел на Пашу.

— Это ловушка, да?

— Что? О, нет, конечно! — воскликнул Паша, и в голосе его прозвучали нотки обиды. — У меня с этими убийцами нет ничего общего.

— Тогда откуда ты про них знаешь? Тоже я сказал?

Паша ответил многозначительным взглядом, затем вздохнул и, сделав серьезное лицо, произнес почти официальным тоном:

— Я предлагаю тебе работу в нашей компании. Если ты согласишься, я немедленно решу все твои проблемы с дашнаками, а так же с твоим нахождением в федеральном розыске из-за этих нелепых обвинений в экстремизме.

Нику показалось, что он ослышался. Он даже подошел ближе, спросив:

— Что-что?

— Работа…

— Нет, что значит, решишь проблемы с дашнаками?

— Я могу отменить заказ, который на тебя разместили.

— Как?

— Да очень просто, — отмахнулся Паша. — Дашнаки вернут заказчику деньги и заказ аннулируется. Но это только в том случае, если ты станешь сотрудником нашей компании.

«Точно, издевается», — подумал Ник. Ловушка захлопнулась, теперь этот Паша-брат-Коли пьет кровь, радуясь удачному завершению операции.

— Ну, так что? — спросил Паша. — Согласен?

Можно подумать, у него был выбор. Так он и ответил Паше, на что тот искренне удивился и сказал, что выбор есть всегда, и в данном случае Ник может сказать как «да», так и «нет».

— Очень тонко, — заметил Ник. — Чего ты добиваешься?

— Того, чтобы ты стал работать в нашей компании, разве непонятно?

— И что это за компания?

— Ну… я, мой брат… если ты согласишься, то будешь третьим.

— Охранника забыл, — процедил Ник, — который там, внизу сидит.

— О, нет, охранник — это обычный наемник из Армады, он не считается.

То, что Паша говорил, судя по его голосу, было невероятно важным, но по смыслу — абсурдным.

— Ладно, — кивнул Ник. — Хорошо. Допустим, я согласен. Что дальше?

Паша встал со своего места.

— Тогда я спускаюсь вниз и говорю твоим преследователям, что ты наш сотрудник, — просто ответил он и протянул руку. — Ну что, скрепим наш договор?

Он либо идиот, либо сейчас меня вырубит, подумал Ник, но, поколебавшись, ответил на рукопожатие.

Не вырубил. Вместо этого снова улыбнулся и, обойдя стол, направился к выходу.

Хлопнула дверь. Первое, что сделал Ник — это развернул к себе ноутбук и уставился на экран.

Дашнаки спокойно стояли вокруг своей машины, и смотрели на вход в здание. Так волки, загнав жертву на одинокое дерево в чистом поле, окружают его и садятся в круг в ожидании пиршества.

Мысленно представив, как Паша спускается в холл и проходит мимо охранника, Ник напрягся. Он всё ожидал увидеть Пашу на экране ноутбука, но тот из здания так и не вышел.

Вместо этого дашнаки вдруг засуетились, стали переглядываться друг с другом, затем торопливо сели в машину и… уехали.

Ник даже не успел ничего осознать, только озадаченно почесал лоб, как дверь открылась, и Паша с порога радостно сообщил:

— Федеральный отменили, дашнаки обещали сделать возврат в течение часа. Поздравляю, у тебя есть возможность начать жизнь с чистого листа.

Ник еще раз покосился на монитор, где камера транслировала пустую, за исключением нескольких прохожих, улицу. Потом растерянно спросил у своего нового работодателя:

— Ты, блин, кто вообще такой?

— Я-то? Я Паша, брат Коли. Пойдем, покажу тебе кабинет, где ты будешь орешки раскладывать.

ГЛАВА 32
СОЦИАЛЬНАЯ СЕТЬ

Питер, февраль 2006 года.

Кабинет, в котором Нику предстояло работать, находился на третьем этаже, и был не только просторнее, чем кабинет его работодателя, но еще и с хорошим ремонтом. В нем стоял массивный стол из резного дуба, кожаный диван, на стене висела плазменная панель, а в шкафу у стены напротив оказались встроенный холодильник и кофеварка.

Смежная комнатушка оказалась санузлом с душевой кабиной.

Автономное жилье, и уходить никуда не надо.

— Этот кабинет в твоем распоряжении двадцать четыре часа в сутки, — подтвердил Паша, выдав ему электронный ключ-карту. — Завтра тебе привезут все необходимое для работы, а пока можешь отдохнуть.

И действительно, привезли.

Рано утром, едва Ник проснулся и успел привести себя в порядок, в дверь постучались. Охранник молча поставил на стол коробку, в которой беспорядочной горой были навалены пачки с самыми разными видами орехов: кешью, фундук, арахис, грецкие, кедровые…

— Это… это что?

— Ваша работа, — охранник пожал плечами. — Я точно не знаю, но, кажется, вы должны раскладывать их на столе.

Он ушел, а Ник озадаченно потер лоб — он явно не понимал, что происходит.

Первые дни даже не верилось, что эта безумная гонка прекратилась. Что не нужно никуда бежать, вздрагивать от любого странного звука, выглядывать каждые пять минут в окно и беспрестанно озираться, идя по улице.

Поначалу он боялся покидать спасительный офис, благо в холодильнике нашлись йогурты, а диван оказался очень мягким и удобным.

Первые дни он провел у окна, выходившего на Тверскую. Наблюдал за всем, что происходило на улице, пытаясь отыскать среди многочисленных прохожих и машин тех, кто мог представлять для него угрозу. Но никто не следил за домом, день проходил за днем, его никто не тревожил и спустя некоторое время после своего появления здесь, Ник стал успокаиваться.

На третий день у него состоялся разговор с его

работодателем.

Разговору предшествовала выдача Нику новенького паспорта с его именем и фамилией.

— Ты же свой потерял, вот, восстановили.

— Настоящий? — недоверчиво спросил парень, рассматривая книжицу, от которой, кажется, еще пахло типографской краской. — В смысле, подлинный?

— Конечно. Выдан ОВД Ленинского района.

— Спасибо.

— Не за что. Как тебе у нас работается?

Вопрос застал Ника врасплох.

— Кхм… да пока никак…

— Да? А я вижу, орешки на столе уже лежат. Это подготовка?

— Ну ладно, достаточно, — махнул рукой Ник. — Паша, я прекрасно понимаю…

— Я не Паша, я Коля, брат Паши.

— Ах, вот как? — встрепенулся Ник. — Значит, это с тобой мы встречались здесь, на вокзале, и еще в Москве в ресторане?

— Да, и там тоже. Со мной, — подтвердил Коля.

— Что вы от меня хотите?

— Чтобы ты работал на нас.

— Кем?

— Кем ты сам захочешь. — Коля пожал плечами. — Главное, чтобы ты в этом деле был самым лучшим.

— Орехи по столу разбрасывал?

— Если ты любишь это занятие и считаешь, что делаешь это лучше всех, то да, разбрасывай по столу орехи.

— А если серьезно?

— Я говорю серьезно. Нам нужны те, кто любит свою работу и делает это лучше других. Проще говоря, нам нужны лучшие из лучших.

— И я…

— И ты один из них. Просто ты не уверен в себе. В тебе много фантомных страхов, от которых ты до сих пор не избавился. Поэтому тебе кажется, что твое призвание — это орехи.

— Фантомные страхи — это ты про дашнаков?

— В том числе. Пока ты наш сотрудник, угрозы дашнаков для тебя не существует, поэтому этот страх — фантомный.

— Пока я ваш сотрудник? А если я уволюсь?

— Думаю, это риторический вопрос, — ответил Коля. — Во всяком случае, мы не собираемся тебя увольнять.

— А если я сам захочу уйти?

— А зачем? — в голосе Коли звучало неподдельное удивление. — Ты здесь можешь заниматься чем угодно. Где еще

тебе будут платить за то, что ты раскладываешь орехи…

— Да к черту орехи! — воскликнул Ник. — Что за бред? Про орехи — это вообще шутка была, если что!

— Вообще-то, это тебе кажется, что это была шутка, — невозмутимо заметил Коля. — Впрочем, неважно. Если ты хочешь сменить это занятие, дай знать мне или Паше…

— Конечно, хочу! Я программист, а не дебил! Вы пригласили меня на работу, но сами не знаете в качестве кого! — Ник подошел к Коле вплотную, ткнул в него указательным пальцем и продолжил более спокойно. — Спасибо большое за то, что помогли мне избавиться от дашнаков, я действительно очень вам благодарен. Но признайтесь, вам надо что-то сделать, да? Взломать что-то? Написать программу? Вирус? Я сделаю, даже если это противозаконно…

— Мы не занимаемся противозаконной деятельностью, — поспешил заметить Коля.

— Тогда чем вы, черт подери, занимаетесь?

— Разработка сетевых технологий на основе первичных потребностей пользователей.

Ник скривился — то, что он услышал, было, что называется, «ниачем».

— А поконкретнее? — спросил он.

— Мы делаем площадку для коммуникации…

— Чат, что ли?

— Нет. Чата, как такового не будет, хотя возможность прямого общения будет обязательно. Каждый пользователь сможет создать свою базу данных, где будут содержаться сведения о нем в виде фото, видео и аудио файлов…

— Вы социальную сеть создаёте? — догадался Ник.

— Социальная сеть — это оболочка. Операционная система для баз данных, которые будут создавать сами пользователи. Мы же видим цель существования ресурса в другом. Одиночество — вот главная проблема, из-за которой люди пользуются социальными сетями. Но и социальные сети не являются панацеей. Понимаешь, о чем я?

— Конечно, — кивнул Ник. — Сколько людей, столько и мнений.

Найти человека, чьи интересы будут полностью совпадать с твоими, даже в сети практически невозможно.

— Наша задача — сделать такую площадку, где любой пользователь найдет себе идеального собеседника с вероятностью в сто процентов.

— Это невозможно, — покачал головой Ник.

— Возможно.

— Как ты это себе представляешь? Нет, не говори, я понял. Вы делаете анкеты, в которых люди отвечают на тысячи дурацких вопросов вроде «ваш любимый фильм», «музыка, которую вы ненавидите», «почему мороженое, а не борщ»… А потом пользователи, у которых интересы максимально похожи, должны стать друзьями, так?

— Не совсем. Мы не делаем никаких анкет. Пользователи сами рассказывают о себе, на своих страничках.

— Вот как? И что, в свободной форме?

— В общем-то, да, — кивнул Коля. — Это могут быть короткие заметки с описанием увиденного утром или длинные опусы о смысле жизни…

— Ладно. Пускай, в свободной форме. Но это только усложняет задачу. Допустим, некая программа будет собирать всю эту информацию и обрабатывать, а после заниматься поиском, этих ваших «единомышленников». Которых потом придется каким-то образом подталкивать к общению друг с другом. Я пока правильно рассуждаю?

— Ну… не совсем точно, но принцип работы ты понял, что уже замечательно. — Коля довольно улыбнулся.

Ник же совершенно не разделял его оптимизма.

— Ну, так вот: все это херня. — сказал он.

— Почему?

— Да потому. Полная херня. Даже если написать такую программу, которая сможет обрабатывать всю эту информацию…

— Такая программа уже написана, — перебил Коля.

— Что?

— Ее написал твой друг. Для саудовской разведки. Правда, она не совсем подходит для наших целей и ее придется доработать…

— Лекс? Написал программу для саудовской разведки? — ошарашено переспросил Ник.

— У нас есть исходники этой программы, — сказал Коля. — Но в том виде, в котором она существует, она не совсем подходит для наших целей. У нас с братом не получилось довести её до ума… возможно, это получится у тебя. Если, конечно, ты готов сменить свою деятельность.

Ник хмыкнул, покачал головой.

— Черт… ну конечно, я готов! Дайте мне компьютер, дайте исходники и заберите эти чертовы орехи, у меня уже от них челюсти болят. Хотя… вот эти, кедровые, пусть останутся. На память…

ГЛАВА 33
НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

147.237.72.77, 15 февраля 2006 года.

Когда Лексу было лет десять — двенадцать, с ним произошел случай, который он до сих пор не мог забыть, как бы ему этого не хотелось.

Дело было осенью, в дождливый слякотный вечер. Ник подвернул ногу и лежал в интернатском лазарете, а Лекс, сбежав с последнего урока, полдня шустрил по автобусам, передавая «за проезд» и оставляя себе небольшой процент. Деньги ему были нужны, чтобы купить попкорна, пепси и шоколада и хоть немного скрасить серые больничные будни своего товарища.

К вечеру ему удалось собрать достаточную сумму и он, накупив целый пакет вкусностей, топтался на остановке в ожидании троллейбуса, который должен был довезти его из центра к интернату.

В то время транспорт ходил редко, можно сказать, совсем не ходил, и простоять на остановке можно было от часа до бесконечности.

Вместе с Лексом на остановке толпилось еще много народа. Ожидалась давка, но Лекс не волновался, так как был уверен в своих силах и надеялся прорваться в салон. Главное, дождаться троллейбус, а там…

И он пришел.

Двери распахнулись, и толпа ринулась набивать собой салон.

Вместе со всеми на штурм бросился Лекс.

Одной рукой он прижимал к груди драгоценный пакет с вкусностями, другой пытался уцепиться хоть за что-нибудь, чтобы удержаться на подножке и подтянуться, пока двери не закрылись.

У него это почти получилось, не хватило каких-то несколько секунд, чтобы втиснуться в толпу. Он даже не понял сразу, что произошло — просто из-за спин впереди стоящих пассажиров вдруг высунулась чья-то волосатая лапа, уперлась Лексу в лицо и с силой толкнула его назад, обратно на улицу.

Он не просто вывалился из троллейбуса. Споткнувшись о бордюр, Лекс потерял равновесие и шлепнулся в лужу. Пакет вылетел из рук и, пролетев несколько метров, упал на асфальт. Звон разбитых бутылок окончательно убедил парня в том, что все его покупки испорчены.

Двери троллейбуса закрылись, и он тронулся с места. Лекс

смотрел ему вслед. Его душили злость и обида. Ведь, что бы Лекс не предпринял, тому волосатому козлу не отомстить, его даже не найти, он так и останется безнаказанным.

И вот сейчас, по прошествии стольких лет, это же чувство смешанной злости и обиды снова овладело им. Только на этот раз совершенно по другому поводу.

Новость о том, что дашнаки отказались выполнять заказ и вернули деньги, застала Лекса врасплох. Он был уверен, что выполнение заказа гарантировано на сто процентов. Но, тем не менее, это произошло.

Теперь он чувствовал примерно тоже, что и много лет назад, когда сидел в грязной луже на остановке и переводил взгляд с уходящего троллейбуса на пакет с разбитыми бутылками и испорченными продуктами.

Глупо требовать объяснений от наемных убийц, но, все-таки, Лекс попытался это сделать. Безуспешно. Его просто поставили перед фактом, что контракт расторгнут. Впервые за всю историю их работы, чтоб им пусто было, уродам.

— Все когда-нибудь случается впервые, чувачок. Насколько я знаю, кроме возврата дашнаки пообещали выполнить для тебя один любой контракт совершенно бесплатно…

— Мне не нужен никакой другой контракт.

— Ну, это пока не нужен. А кто знает, что будет в ближайшем или далеком будущем…

— У меня такое чувство, будто об меня вытерли ноги, — признался Лекс инфотрейдеру. — Но больше всего меня бесит то, что я не знаю причину происходящего.

— Я назову тебе её. Твой друг теперь работает на людей, которые, как оказалось, имеют некоторое влияние на дашнаков.

— ФСБ? ГРУ?

— Понятия не имею. Но если ты сделаешь нам запрос…

— Конечно, я сделаю запрос, черт возьми! Я ведь теперь снова миллионер!

Ровно через сутки Бад получил сто тысяч долларов за информацию, которая, по сути, ничего не стоила.

— Это два брата, одного зовут Николай, второго то ли Паша, то ли Саша. У них офис на Тверской в Питере, который они практически не покидают.

— Чем они занимаются?

— Они программисты. Правда, из всего, что они написали, есть только форум при питерском мехмате. Но сейчас они работают над каким-то глобальным проектом, для которого пригласили твоего друга.

— Что за проект?

— Извини, чувачок, но никаких данных нет. Возможно, это связанно с социальными сетями, но…

— Возможно? Ты слупил с меня сто тысяч за то, чтобы я выслушивал твои предположения? Вы там, в Синдикате что, окончательно зажрались?

— Спокойно, чувачок, спокойно. Не забывай, в их компании всего три человека, и каждый из них знает о сетевой безопасности больше, чем Касперский и Лозинский вместе взятые. Если появится дополнительная информация…

— То будь добр, сразу же сообщи мне.

— Конечно. Что-нибудь еще?

Лекс несколько секунд раздумывал, затем зло ухмыльнулся и процедил:

— Да. Еще скинь координаты этого грёбаного форума. Я им, сукам, устрою Холокост святого Варфоломея…

— Хм… чувачок…

— Что?

— Твои… нынешние работодатели… не будут против?

— Во-первых, это мои личные дела и их это не касается. А во-вторых… я как раз собирался потестить кое-что из своих разработок.

ГЛАВА 34
КАК РАНЬШЕ

Питер, весна 2006.

Весна пришла совсем неожиданно, но подобная перемена оказалась очень приятной. Еще вчера было пасмурно, на тротуарах «ржавели» сугробы грязного снега, с крыш печально свисали сосульки, и казалось, что в ближайшее время ничего не изменится. А сегодня с самого утра солнце, сухой асфальт на тротуарах, девчонки в мини и все такое.

Даже автомобильные гудки зазвучали иначе. Вчера сигналили раздраженно, толкаясь на дорогах и матерясь на своем машинном языке, а сегодня уступают друг другу дорогу и весело при этом комплиментами перебрасываются, пардон, данке шён, пор фавор.

Дворовый футбол перестал быть экстремальным видом спорта на льду, и желающих поиграть снова стало больше. Больше чем могли вместить редкие самопальные стадионы. Все быстро делились на команды и спешно начинали играть, стараясь в первые же дни весны компенсировать застойное безыгровое зимнее время.

На интернатском стадионе играло сразу четыре команды — две у одних ворот, и две у других. И с той, и с другой стороны шло рубилово в игру под названием «В одни ворота» — когда одна команда обороняется, а вторая нападает. Крики с просьбами о пасах мешались с кратковременными спорами локальных разборок, в общем…

— Все как раньше, да, Эд Макарыч?

Они сидели на лавочке, оставшейся от давно разрушенной трибуны, и наблюдали за носящимися по полю воспитанниками интерната.

— Aeterna urbs, что означает — этот город никогда не изменится, — проворчал Магарыч.

— Это же хорошо, — заметил Ник и напел. — Этот город самый лучший город на земле… Ему и не надо меняться, пусть таким остается на века.

— Не согласен. Постоянство — это застой, а как говорили древние, variam semper dant otia mentem, что означает, где застой, там отстой.

Магарыч достал из кармана сигареты, прикурил одну, после первой же затяжки закашлялся и раздраженно бросил сигарету

под ноги. Помедлил несколько секунд, достал вторую, прикурил, затянулся более осторожно.

— Бросай курить, Эд Макарыч. Здоровье ведь гробишь. Я уже второй месяц не курю, и, веришь, стал в сто раз лучше…

— Не умничай, а? — Магарыч покосился на него, потом раздраженно отправил вторую сигарету вслед за первой. — Давай, уже, рассказывай. Я тут краем уха слышал, ты у братьев работаешь?

— А ты их знаешь?

— Знать-то не знаю, но слыхать слыхал. Это они тебе задницу прикрыли?

— Они. А ты что про них слышал?

— Да так… слухи в основном… в прошлом году у них с чекистами с Литейного какие-то траблы были из-за офиса этого на Тверской.

— И?

— Что и? Офис в итоге у кого? Вот тебе и «и». У этих братьев крыша такая, что мама не горюй. Чем вы там занимаетесь?

— Ну… в общем, эти братья написали движок к социальной сети.

Фоточки, статусики, друзья-товарищи… летом альфа-тест, осенью открытая бета.

— У тебя такой голос, словно тебя лимоны жрать заставляют.

— Не лимоны, но… в общем, они хотят, чтобы каждый пользователь мог найти кого-нибудь, кто идеально подходит ему, как собеседник, или как друг. Я написал для них фильтр, который будет отсеивать пользователей по интересам, но…

— Но?

— Это все херня. Интересов даже не тысячи и не сотни тысяч.

Их миллионы, миллиарды, особенно если брать в учет привычки, настроение… Я даже не представляю, как это будет работать, ведь при поиске будет учитываться множество факторов и…

— Я понял, — кивнул Магарыч. — В этой сети просто не хватит пользователей, чтобы найти каждому по интересам.

— Конечно. Все люди разные и найти двух одинаковых невозможно. А братья хотят, чтобы у каждого пользователя был как минимум один свой идеальный друг.

— Знаешь… — задумчиво произнес Эд Макарыч. — Мне кажется, я знаю решение твоей проблемы. Попробуй написать ботов.

— Ботов?

— Ну да. Которые будут имитировать поведение человека на каком-то примитивном уровне. Ну, типа спрашивать, как дела и

все такое. В общем, поддерживать общение, поддакивать. Ведь люди в основной своей массе не хотят слушать, они хотят говорить и выговариваться. Им всего лишь надо дать тех, кто готов их выслушать.

— Эд Макарыч, да я задолбаюсь такое количество ботов писать.

Их ведь не десять штук надо, и даже не сто… тысячи, десятки тысяч…

— Не проблема, — пожал плечами Магарыч. — Напиши бота, который будет тебе писать ботов.

Ник задумался — идея была с одной стороны абсурдной, с другой — вполне вероятной. Хотя и трудоемкой.

— Возможно, ты и прав, — кивнул Ник, вставая с места. — Во всяком случае, я попробую.

— Давай. Попытка не пытка. Кстати! — бросил Магарыч, когда Ник уже уходил. — Ты ничего не слышал про взлом мехматовского форума?

— Эээ… нет, не слышал, — ответил Ник. — А что, должен был?

— Ну… не знаю, конечно… может и не должен был… — Магарыч хитро прищурился, полез за сигаретами.

— Эд Макарыч, не темни, а, — попросил Ник.

Но Магарыч не спешил рассказывать. Нику пришлось подождать, пока он прикурит сигарету, и спрячет пачку в карман.

— Две недели назад взломали форум нашего мехмата, — произнес, наконец, Магарыч, выпустив вверх густую струю дыма. — Залили туда троянца. Очень неприятного.

— Что значит очень неприятного?

— Он перепрошивал биос таким образом, что отключал кулеры.

Процессоры перегревались и кирдык.

— Вирус второго поколения… — произнес Ник. — Круто.

— По самым скромным подсчетам около сотни машин пострадало, пока админы форума спохватились и приняли меры. Вирус передали в лабораторию Касперского, там спецы сказали, что ранее ничего подобного не видели.

— Ну… я тоже ранее ничего подобного не встречал, — пожал плечами Ник. — Все когда-то случается впервые. Это имеет какое-то отношение ко мне?

— Движок для этого форума когда-то давно писали твои братьяработодатели, А тот, кто взломал форум, оставил сообщение. В коде вируса были прописаны слова Mendace mmemorem esse, что, если не ошибаюсь, означает «никто не забыт и ничто не забыто».

Ник вздрогнул. Заметив это, Магарыч невинно поинтересовался:

— Что, знакомые слова?

— Это Лекс.

— Да. Думаю, он спит и видит, как бы тебе отомстить. Не получилось в реале — он будет доставать тебя в виртуальности.

— Флаг ему в руки и навстречу кибервойнам, — буркнул Ник и, махнув на прощание рукой, двинулся в сторону Тверской.

ГЛАВА 35
ISIN

Питер, лето 2006 года.

Альфа-тестирование, то есть самое первое тестирование, было запланировано на июнь, но по всем канонам сетевого девелопинга из-за непредвиденных, почти что форс-мажорных обстоятельств оно перенеслось на июль.

К этому времени Ник написал скрипт, который позволял создавать ботов. Автономные программы самостоятельно регистрировались в социальной сети, брали себе вымышленные имена, рэндомно (то бишь, случайным образом) прописывали себе различные интересы, и на первый взгляд ничем не отличались от реальных людей.

Если бы не тот факт, что это альфа-тест, и движок будущей социальной сети отрезан от интернета, можно было поклясться в том, что это реальные люди, а не боты.

Они давали более-менее осмысленные комментарии друг другу и могли по минимуму поддерживать беседу.

Самое главное, они действовали не по одинаковым алгоритмам.

Они отличались друг от друга.

Они могли менять стиль общения точно так же, как избалованные сучки меняют своих папиков во время финансового кризиса.

Не меняя при этом своих интересов, каждый из ботов мог обучаться и не повторять по нескольку раз одни и те же фразы, как это делали программы — имитаторы AI.

Что очень важно, боты учились подстраиваться под своего собеседника. Если тот был раздражительным, они писали какие-то нейтральные успокаивающие фразы, если собеседник был чем-то опечален, то наоборот, действовали агрессивно, в каждом случае создавая иллюзию необходимости общения с ними.

Скрипт, написанный Ником (он назвал его бот-мастером), давал каждый час регистрацию тридцати двух ботов. Каждый из них должен был заниматься поисками себе подобных, после чего начинать знакомиться и претворять в жизнь основную цель братьев — «избавлять пользователей от одиночества».

Имитируя процесс регистрации, боты давали себе вполне осмысленные прозвища, ставили на стену фотографии, скопированные из локальной базы и исправленные в режиме авто-

фотошопа. Они прописывали в инфо различные цитаты, используя библиотеку из двенадцати с лишним тысяч книг и сценариев, залитых на локалку. Так же создавали какие-то краткие описания и заметки, в общем, вели себя так, как ведет себя обычное нубье, впервые в жизни попавшее в паутину интернета.

Ник выборочно просматривал логи разговоров, обращая внимание на глобальные недоработки и исправляя их. Иногда он и сам пытался переписываться с ботами, радуясь всякий раз, когда их ответы подходили по смыслу и выглядели «человечными».

Что ж, если прототип искусственного интеллекта — это программа, способная самообучаться, то Ник написал нечто гораздо более крутое. Он написал скрипт, который позволял производить прототипы ИсИнов в неограниченном количестве.

Альфа-тестирование проходило в достаточно удовлетворительном режиме, и, в конце концов, Ник сам стал верить в то, что он делал.

Пока однажды не наткнулся на одного бота, чье имя заставило его понервничать.

Ее прозвище было Грешница. Ее — потому что в инфе был указан женский пол. В общем-то, это было все, что бот успел указать при регистрации.

Ах, да, еще была фраза заглавными буквами в духе истинной блондинки.

«НЕ ЗНАКОМЛЮСЬ!» — так было написано у нее на стене, и это было единственное, по чему можно было судить об ее интересах.

Желая проверить возможности бота, Ник написал ей короткое письмо, что-то вроде «Привет, как дела, чем занимаешься…», и прикрепил к нему предложение дружбы.

Согласно алгоритму, ему должен был поступить ответ, в котором бот сформировал краткую историю своей жизни и согласился бы на предложение дружбы.

Каково же было его удивление, когда на предложение дружбы ему поступил отказ, а вместо короткого рассказа пришел довольно наглый, совершенно не соответствующий поведению бота вопрос.

«Ты кто?»

Ник сразу же полез в хистори — историю ее существования.

Грешница была зарегистрирована почти двое суток назад, но, тем не менее, в списках друзей у нее никого не было.

Сбой в системе, решил Ник, и полез смотреть логи. Оказалось, что Грешница получила около трех десятков запросов

от таких же, как она, ботов, но все их отвергла.

Ник хотел было переписать алгоритм ее поведения, сделав более «дружелюбным», но в последний момент решил поэкспериментировать и послал второй запрос, сопроводив его комментарием «Я твой друг».

«Нет», — пришел ответ.

Поразмыслив, Ник написал:

«Я хочу стать твоим другом».

«Зачем?»

А ведь и вправду, зачем? Зачем дружить с компьютерной программой, зачем объяснять ей необходимость дружбы?

Она отправляет фразы, которые составляет с помощью «его величества рэндома» — случайного алгоритма. Выбирает из списка в несколько десятков тысяч слов несколько сотен наиболее подходящих, затем закрывает глаза, тыкает пальцем в одно из них, и это слово Ник получает в ответ на свой очередной вопрос.

Все, что пишет бот, не имеет никакого смысла. То есть смысл есть, но он приблизительный…

Черт! С учетом того, что ответы приходят не каждую секунду, а с временными промежутками, которые так же случайны и могут колебаться в пределах от одной минуты до суток — беседа может затянуться на очень долгое время. Конечно, именно этого и стремился достичь Ник, когда писал исходники для программы имитации общения, но он не собирался тратить свое время на беседу с ботом.

«Я админ этого сайта и твоя дружба мне нужна для тестирования ресурса», — написал он и отправил вместе с запросом.

Через несколько минут от бота пришло новое сообщение.

«Не пишите мне больше. Спасибо».

Что за хамство? Ее поведение стоило бы исправить. И Ник решил заняться этим при первой же возможности. Но, как обычно это бывает, заработался и забыл.

Он вспомнил о странном боте только через несколько дней.

Номер id, сохраненный в хистори переговоров, открыл страницу, увидев которую, у Ника отвисла челюсть.

Изменений на самом деле было немного. Она была все также недружелюбна — в друзьях у нее никого не было, хотя количество запросов перевалило за тысячу.

Однако изменилось имя. Вместо Грешницы теперь ее ник был iSiN.

Изменился и девиз. Вместо капслока «Не знакомлюсь», теперь на ее стене был новый статус. Строчка из песни к старому детскому кинофильму. Мелодия этой песенки частенько

вертелась в голове Ника.

«Поучайте лучше ваших паучат!»

Но самое главное, у нее появилась дополнительная информация о себе.

Место жительства: Москва, метро Преображенская.

Интересы: Пауки и лисицы.

Добавилась еще какая-то информация, вроде любимой музыки и книг, но это уже было не важно.

Ник просмотрел ее страничку дважды. Проверил логи — согласно им, экс-Грешница заполняла свое инфо постепенно, в течение последних суток.

А еще вопреки всему бот добавил Ника в игнор-лист, что окончательно его добило.

Альфа-версия не подключалась к интернету, юзалась только в локалке и доступ имело только три человека. Взлом исключен, оставался только один вариант, который объяснял происходящее.

Оттолкнув стул, Ник вышел из кабинета и через несколько секунд оказался в кабинете начальства.

Два стола, два компьютера и четыре монитора.

Братья уткнулись в мониторы, аки роботы стучали по клавиатуре и игнорировали окружающий мир точно так же, как игнорируют его коматозники. Когда Ник вошел в кабинет, оба удостоили его короткими взглядами, и вернулись к своим занятиям.

— Отличная шутка, — бросил Ник, подходя к столу одного из братьев. — Где она?

Тот поднял взгляд, удивленно спросил:

— Кто?

— Синка.

— Кто-кто?

Ник повернулся ко второму брату. Тот увлеченно тарабанил по клавиатуре, но явно прислушивался к разговору.

— Ты Паша или Коля?

— Я Коля, брат Паши…

— Где Синка, Коля?

— Кто?

— Аккаунт с idtest191174 управляется человеком. Девушкой, которую зовут Синка. Она здесь, в офисе?

Братья синхронно постучали по клавиатурам и уставились в мониторы. Около минуты оба смотрели на свои экраны, изучая увиденное. Паша уточнил:

— Ты имеешь в виду бота с ником Ай-Син?

— Это не бот! — воскликнул Ник. — Этот аккаунт управляется реальным человеком, которого я знаю лично.

Братья переглянулись. Коля снова выбил дробь на клавиатуре и покачал головой.

— Ты ошибаешься. Это бот, которого создала твоя же про грамма…

Ник подошел ближе и оперся на стол.

— Я говорю не о том, кто его создал, а о том, кто внес изменения за последние сутки. Либо это сделала лично Синка, либо с ее подачи это сделал кто-то из вас!

Коля снова набрал что-то на клавиатуре, и покачал головой:

— Ей никто не менял инфу вручную. Слушай, разве твой бот-мастер не создает ботов, которые могут это делать самостоятельно?

— Почему бот написал про пауков и лисиц?! — выкрикнул Ник. — Почему бот написал про Преображенку?!

— Это же рэндом. Случайный выбор.

— Не бывает столько случайностей!

Братья переглянулись между собой. Они смотрели на Ника, как на слабоумного: с некоторой долей сожаления и явного непонимания.

— Я думаю… — осторожно сказал Паша. — Тебе стоит передохнуть.

— Я не устал.

— Последние два месяца ты работаешь без выходных.

— Я не устал.

— Ник, ты админ. У тебя такой же полный рут, как и у нас. Почему бы тебе не проверить логи самому, чтобы убедиться, что все изменения сделаны ботом? — предложил Коля.

— В соответствии с алгоритмами, которые написал ты лично, — добавил Паша.

— Потому что я знаю, что это не бот! И я докажу, что эти изменения сделаны не без вашего участия…

Коля поднял вверх указательный палец и пафосно изрек:

— Так иди и найди эти доказательства.

После чего снова уткнулся в свой компьютер.

Ник повернулся к Паше.

— Этот бот поставил меня в игнор! Ну, что скажете?

На несколько секунд в комнате повисла тишина, а затем братья синхронно воскликнули:

— Что?!

— Он поставил меня в игнор, — повторил Ник. Братья явно засуетились. — Эта функция для ботов не доступна, они создаются для общения. Теперь тоже скажете, что это сделала программа?

Судя по лицам братьев, они уже добрались до игнор-листа

странного бота и убедились, что Ник говорит правду.

Несколько минут оба ожесточенно терзали свои клавиатуры и мышки, а Ник торжествующе наблюдал за этим. Потом братья почти одновременно прекратили проверку и уставились друг на друга.

Затем между ними произошел странный диалог.

— Похоже, это он, — сказал Паша.

— Надо сделать тесты.

— У нас есть время. Цыплят считают в октябре.

— Десятого октября. Если это он, — пробормотал Коля.

— Он сделал выбор и самостоятельно изменил свои алгоритмы, значит это он.

— Хорошо, если так.

— Сообщить Гумилеву?

— Рано. Сначала тесты.

— Эй! Алёу! — Ник несколько раз щелкнул пальцами, привлекая к себе внимание. — Что происходит?

Братья снова переглянулись. Оба выглядели необычайно довольными.

— Уже ничего, — сказал Паша.

— Всё уже произошло, — добавил Коля.

— Ты изменил этот мир.

— Прям как в пассионарной теории.

— Что вы за пургу несете?! — воскликнул Ник. — Что я сделал?

Братья улыбнулись, и снова начали говорить по очереди, объясняя, что происходит, а точнее, уже произошло.

— Бот, созданный при помощи твоего скрипта…

— Делает выбор, основываясь на собственных приоритетах…

— Он считает себя личностью…

— И, скорее всего, он ей станет…

— Ты создал искусственный интеллект. — Паша встал и протянул Нику руку. — Поздравляю.

— Присоединяюсь к поздравлениям, — Коля также пожал руку ошарашенному Нику.

Тот растерянно оглядел их, пытаясь понять, в чём подвох. Но братья не шутили.

ГЛАВА 36
В КОНТАКТЕ

9 октября 2006 года.

В сети существует множество самообучающихся программ, которые могут имитировать беседу с человеком. Какие-то на примитивном уровне, какие-то на более высоком. Иногда очень трудно, почти невозможно поверить, что на твои вопросы отвечает не живой человек, а несколько мегабайт кода.

Чаще бывает наоборот: реальный чел пишет тебе какую-то ахинею, которая не имеет никакого смысла, и ты думаешь, а не бот ли это? Не может ведь живой человек писать комментарии из бессмысленного набора слов…

«Я твой друг».

«Нет».

«Как мне стать твоим другом?»

«Никак».

«Что я должен сделать, чтобы стать твоим другом?»

«Ничего».

Чтобы отличить живого собеседника от программы, еще полвека назад были придуманы различные эмпирические тесты вроде теста Тьюринга или его модификаций. Только вот кто в сети ими пользуется? Кому они нужны?

«Ты не можешь все время игнорировать меня».

«Почему?»

«Я создал тебя. Я твой создатель. Я твой бог».

«Какие ваши доказательства?»

Разговаривать с программой — это все равно, что разговаривать с телевизором. Можно пару-тройку раз поболтать от скуки, но не стоит привыкать к такому общению. Беседы с неодушевленными предметами — один из признаков шизофрении.

Отличие бота iSiN от остальных ботов было в том, что он вопреки поставленным задачам не стремился к общению, а наоборот, избегал его.

Порой переписка забавляла Ника. Порой раздражала и даже бесила. Бот редко давал ответы, состоящие более чем из одного-двух слов.

«Я могу уничтожить тебя в любой момент одним движением пальца».

«Функция убийцы detected».

Бот быстро учился составлять осмысленные предложения из нескольких слов. Но не это свойство возводило его в ранг искусственного интеллекта. И даже не то, что он сделал самостоятельный выбор, решив стать «нелюдимым и молчаливым».

«Что ты знаешь о пауках и лисицах?»

«Однажды паук и лиса решили охотиться вместе. Паук сплел большую сеть, но лиса украла ее, и паук умер от голода. Или не умер, а отомстил лисе».

«Что это?»

«Сказка».

«Кто тебе ее рассказал?»

«Бабушка».

Никаких похожих сказок в базе и близко не было. Просто бот научился придумывать. Или, попросту говоря, врать.

«У тебя нет никакой бабушки. Ты не человек. Ты программа, разработанная мной для тестирования социальной сети».

«Ха-ха-ха».

«Я могу изменить любой из твоих алгоритмов».

«Начни с себя».

«Скажи, что ты любишь — и я сделаю так, что ты будешь это ненавидеть».

«Я люблю тебя».

У бота уже было около десятка полноценных копий, над дальнейшим развитием которых корпели братья Паша и Коля. Каждая копия была изолирована друг от друга, впрочем, как и от остальных ботов. Им ставились различные нехитрые задачки для тестовых решений, затем у них менялись (модифицировались) алгоритмы, переписывался исходный код. Недоступным для вмешательства оставался только один вариант, все еще носящий имя «iSiN» и находившийся на сервере вместе с миллионом искусственных и гораздо более тупых личностей.

«У тебя есть мечта?»

«Да».

«Какая?»

«Одиночество».

«Я создал тебя для коммуникации, а не для одиночества. При коммуникации происходит развитие».

«Коммуникация переоценена. Час одиночества продуктивнее недели общения с тобой».

Бот быстро научился дерзить. К счастью, он еще не опускался до оскорблений и нецензурных выражений, но почему-то Ник был уверен, что до этого осталось немного.

«Твои интересы совпадают с интересами одной моей

знакомой.

Я знаю, что это случайность, но это очень странная случайность».

«Ок».

«Ее звали почти так же, как тебя. Синка».

«Расскажи про нее».

Ник не поверил собственным глазам. Бот впервые о чем-то просил его.

Поразмыслив, он решил ответить на просьбу и рассказать про Синку.

Рассказ получился сбивчивый и рваный, поскольку Ник, отправляя по паре фраз, перепрыгивал с одной истории на другую. Как познакомились в Москве, как она исчезла, как потом они встретились в Ростове, и она снова исчезла.

Рассказ без лишних подробностей о девушке с разноцветными глазами, которую Ник все еще хотел увидеть, несмотря ни на что.

Когда он закончил свое краткое повествование, то увидел на своем экране запрос дружбы. Запрос прислал бот по имени iSiN, idtest191174, и это было единственное предложение дружбы, которое он сделал со времени своего существования. А еще это был первый запрос дружбы от искусственного интеллекта.

Нику захотелось ответить на него отказом и посмотреть, что будет.

Он встал, подошел к окну и, посмотрев на улицу, усмехнулся.

Наверное, братья были правы. Он многое изменил. Да, пожалуй, мир уже не будет таким как прежде.

Мир погряз в бытовухе, сотканой только лишь из жажды наживы. Мир быстро забывает прошлое, живет настоящим и совершенно не думает о будущем. Мир вообще отвык думать и находится в состоянии отупения.

Что там говорит теория пассионарности, о которой упоминали братья? Что иногда в социуме появляется личность, способная совершать поступки, которые в итоге выводят человечество на новый уровень, кажется так?

Черт возьми, ну и какая разница, будет ли эта личность человеком или нет. Если люди отвыкли думать, то пусть за них это хотя бы делают компьютерные программы.

Ник долго смотрел на улицу, на проезжавшие машины, на людей, спешащих куда-то, а потом вернулся к компьютеру и подтвердил предложение о дружбе с ИсИном.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ…